

Жайна
МОЕГО РОДА

ЛИСИЦЫНА ТАТЬЯНА

Оглавление

Глава 1	2
Глава 2	8
Глава 3	21
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	55
Глава 7	63
Глава 8	73
Глава 9	84
Глава 10	93
Глава 11	103
Глава 12	116
Глава 13	130
Глава 14	140
Глава 15	150
Глава 16	158
Глава 17	165
Глава 18	171
Глава 19	179
Глава 20	188
Глава 21	192
Глава 22	200
Глава 23	205
Эпилог.....	211

Глава 1

Иногда мне хотелось выбрать других родителей. Внушить им мысль, чтобы меня назвали модным именем или простым, вроде Кати или Лены. А еще в мечтах я представляла заботливого отца вместо отчества в паспорте. Братьев, сестёр, жениха.

– Дуняра! – вернула меня в действительность маман. – Тебе придется поехать.

– Что?! Нет!

Моя мама лучшая на свете. Если не самая красивая для других, то уж точно образец для подражания для меня. Даже сейчас, когда я злюсь, все равно отмечаю, как прелестно она выглядит в рубашке, оттеняющей ее загорелую кожу и голубые глаза без малейших признаков отечности или гусиных лапок, свойственных её подругам.

Маман – молодец. Справилась с моим непростым характером, нашла подход, не унижая и не ломая моей личности, дала образование, которое выбрала я. В отсутствии отца она сделала больше, чем другие мамы моих подруг. Я могу говорить о ней бесконечно. Мне не хочется употреблять выражение «супермама», но оно так соответствует той, которую незнакомые люди принимают за мою старшую сестру. Кто-то сказал, что между матерью и дочерью должно быть хотя бы девять месяцев разницы. Это про нас.

И всё же сегодня я предпочла, чтобы она пекла пирожки по выходным и не лезла в высшие материи. Когда я спросила: почему она назвала меня именем, которое было популярно пару веков назад, маман серьёзно ответила:

– Когда забеременела, услышала голос: её имя Авдотья.

Маман всегда тяготела к мистике. Гадания и предсказания, астрологи и экстрасенсы. Это была её жизнь в свободное время. Я с детства усвоила: не просто кошка дорогу перешла, а еще надо смотреть: слева направо или справа налево, а если переходит собака, это уже совсем другая энергия, там всё наоборот.

Но, как существо бунтарское, я выбрала путь математика, который превратился в высокооплачиваемого айтишника. Надеюсь изменить судьбу и не пойти по маминим стопам. Я другая и точка.

– Дуняра! – мамины глаза превратились в щёлочки. – Тебе придется поехать.

Я возмущённо вскинулась. Даже волосы на лицо упали. Убрала их резким движением. Не маленькая, чтобы меня заставить. У меня свои планы.

На мамино плечо легла рука Виктора, её знакомого. Экстрасенса практикующего. Они вместе уже полгода. Это достаточно долго: обычно я не давала себе труда запоминать имена маминих кавалеров. Они все были как на подбор. Моложе мамы лет на десять, накачанные тела, умные головы – дураков в нашей семье не терпели – и мужественные – хоть в кино

снимай – лица. Но Виктор отличался от других. Тренажёрный зал был не по его части, но фигуру он имел подтянутую, а к его лицу подошло бы прилагательное – суровое. Старше мамы на семь лет. С первого взгляда на него я подумала: что-то произойдёт. Такого мужчины в нашем доме не появлялось. Говорил тихо, но даже в шумной компании, все сразу умолкали, таким магнетизмом обладал. И если предыдущие мамини поклонники, имевшей персонального тренера в спортзале, сочетались с её внешностью, то Виктор казался двоюродным дядей.

Пронзительные карие глаза Виктора остановились на мне. Голос так тих, что я с трудом разобрала слова.

– Тебе нужно быть там.

Я вскочила со стула. Металась по квартире, как загнанный зверь, которого окружили. Снова села, выпила залпом вино, не чувствуя вкуса и не замечая, как Виктор снова наполнил бокал.

– Не поеду! – крикнула я, уже понимая, что проиграла неведомой силе, которая давала возможность пожить своей судьбой до этого дня. – Я все же не понимаю, почему я, а не ты? – вонзила я взгляд в маму. – Эта неизвестно откуда-то взявшаяся тётя, такая же родственница тебе, как и мне. Ты тоже можешь поехать.

– Я не могу, – покачала головой мама. – У меня три свадьбы на этой неделе и одно день рождения.

Мамон работает организатором праздников. Кстати, очень успешным. У неё такие рекомендации, что дни расписаны на месяц вперёд. Она так заводит публику, что её передают из рук в руки, как врача, сделавшего успешную операцию.

– А ничего, что я тоже работаю?! Я, может, и далека от свадеб, но у меня три больших заказа на изготовление сайтов.

– Возьмёшь компьютер с собой только и всего. Не ты ли всегда хвасталась, что можешь работать, сидя в гамаке на Бали, если там подключён интернет? И на работу ходишь исключительно, чтобы показать новую одежду и – мама расширила глаза – новые туфли.

Хорошо ещё про новые трусики не упомянула. А то была тут история. Как-то у маман было плохое настроение, и я ей рассказала, как мы с моим дружкой развлекались ночью, когда нас попросили наладить офисные программы в канун Нового года. Ну вот и теперь она мне на это намекала, что трусики остались подвешены на клаве.

Я покраснела. Ну, кем не бывает. Тем более дружка того уже нет на моих горизонтах. Он сгинул вместе с остальными, несмотря на общность компьютерных интересов, сумасшедший секс и полное взаимопонимание. Но я не скажу этого маме. Она расстроится. Мужчины, несмотря на нашу красоту и ум, уходят от нас к некрасивым и глупым, красивым и глупым, некрасивым и умным и даже к умным и красивым. Проблема в том, что они не остаются с нами.

Мамин Виктор исключение. Продержался уже полгода. На месяц дольше, чем мой отец, от которого осталось только отчество в паспорте. Наверно, их отношения с Виктором уже можно назвать серьёзными. Я вижу, как они смотрят друг на друга. Маман так никогда не смотрела. Обычно смотрели на неё, а она улыбалась чему-то неведомому.

– Анжелика, успокойся, – мягко и очень тихо произнёс Виктор. – Маман называли в честь Мишель Мерсье, которая была популярна в серии про Анжелику, которую все хотят, даже король Франции.

Я вижу, как сильные пальцы Виктора начали массировать серединку маминой ладони. Она на мгновение прикрыла глаза от удовольствия, но тут же вскинулась.

– Нам так хорошо вместе, но мы обречены. Как и все женщины нашего рода.

Я не успела сказать, что не верю во все эти глупости: нам просто не везёт, как Виктор так же тихо ответил:

– Мы пока справляемся, милая.

Мама, как обиженная девочка, надула губки.

– Я умру без тебя.

– Лика, – его голос звучал так ласково, что мне стало теплее на душе и радостно за маму. – Это должно быть осознанное решение Авдотьи. Иначе никому, – он поцеловал мамину ухоженную ручку с последним шедевром маникюра разными ногтями белого, кораллового и морского цвета, – не удастся спасти ваш род. По всем восточным и западным гороскопам настало время действовать.

Его слова прозвучали, как приговор. Я поверила ему, потом что уже давно чувствовала, как кто-то настойчиво долбит в макушку: хорош сидеть, спиногрыз.

– Ладно! – я оторвалась от супер вкусной тарелки с красной рыбкой и засунула в рот поджаренный ломтик картофеля. – Если так надо – я поеду в Сочи.

– Это уже решение, – в руках Виктора появляется бутылка шампанского. – За твою сильную дочь, Лика! За то, чтобы она выручила твой род.

Я усмехнулась: он сказал, словно мы играем в прятки, но его глаза серьезны, и я прониклась моментом. Ну ладно я была уже дважды на Бали, а в Сочи никогда.

– В Сочи тоже есть море, – напомнила географию маман. – Ты хорошо проведёшь время. – Она погладила меня по руке. – Конечно, это не Бали, и там нет сёрфинга.

– Да ладно, – я улыбнулась, глядя на них. Ради мамы я готова на всё. Хотя не очень-то я верю в проклятия. Но вот ведь только на этой неделе занесла в записную книжку своего айфона телефон парня, который мне понравился. Программист, как я. Вчера хотела под предлогом, что мне нужно кое-что сделать на сайте, позвонить, а телефон словно испарился. Пять раз просмотрела: пропал контакт. Мистика.

– Ну да, я бы предпочла более цивилизный отдых. Белый песок, океан, – я вспомнила, что всегда сама разрабатывала маршрут для нашей компании из четырех одиноких девчонок. Впрочем, две из них уже успели развестись, а третья воспитывала одна сынишку, которого таскала за собой. И только я не имела ни детей, ни бывшего мужа, ни постоянного бойфренда. Подвыпив, девчонки шутили: я настолько умна и хороша собой, что обычные парни не смеют даже приблизиться.

Мне бы понравилась эта версия, если бы женское одиночество не длилось в нашем роду шесть поколений. Я была седьмым, и на мне, замыкающей круг, природа отыгралась наиболее жестоко, поставив диагноз, замкнуть своим существованием род Арбениных. Узнав о диагнозе в семнадцать лет, я успела с ним примириться, погрузившись сначала в любимую учёбу в универе, а потом в еще более любимую работу.

Сложнейшие программы, которые я писала, уводили напрочь из реального мира на целые дни. К тому же я была дочь своей матери, которая умела создать интересное существование. Игры, спорт, рыбалка. Я росла спортивным ребёнком, с трёх лет стоящем на коньках и лыжах, а в пять уверенно прыгающем на пони через барьеры. В нашей просторной квартире всегда толкалось много людей, которых привлекала моя весёлая и красивая мама. Подруги приезжали с детьми, реже с мужьями. Только вот из кавалеров никто не задерживался. Уходили без ссор и скандалов. Как бегут тараканы из опрысканной химикатами квартиры.

Однажды в выходной народу собралось так много, что утром, переступив через расположившихся гостей на полу, я обнаружила мамину подругу спящей в ванной. Под головой у неё были полотенца, а матрасом послужил мамин банный халат. Я сделала фото, которое долгие годы веселило моих друзей.

Серьёзный взгляд Виктора, устремлённый сквозь меня, вернул в настоящее.

– Понятное дело, – пожала плечами мама. – Ты уже полмира объездила, а нашу страну не знаешь.

– Я обойдусь и без моря, если нашей, неизвестно откуда взявшейся бабушке, понадобится моя помощь. Как её зовут? Вероника?

– Просто Ника, – мама подняла вверх брови, умудряясь при этом не морщить лоб. Никакого ботокса: ежедневная гимнастика лица перед зеркалом. – Ивановна.

Мы обе расхохотались. Просто Ника Ивановна звучало прикольно.

– Зря смеётесь, – заметил экстрасенс. – Ника – имя сильное. Богиня победы.

– Вот мы и повоюем, – продолжала веселиться я. – Надеюсь, в её восемьдесят она ещё достаточно крепкая старушонка.

Улыбка сбежала с маминого лица.

– Я тебе не сказала, что она... передвигается в инвалидном кресле. Уже много лет.

Я нахмурилась: в мамином духе: умолчать о самом важном.

– То есть я должна катать её в этом кресле, переносить в постель и... – я хотела еще упомянуть про памперсы, но взгляд экстрасенса заставил меня замолчать.

За столом повисло молчание.

– Есть ещё что-нибудь, о чем я не знаю?!

– Расскажи ей эту историю, – попросила мама у Виктора.

– Начни с того, что ты знаешь, а я продолжу, что мне показали.

Виктор часто употреблял слово «показали». Я каждый раз закатывала глаза и однажды спросила наивным тоном: показали, как по телевизору?

– Ты можешь не верить, если тебе так уютнее, но не стоит иронизировать, – Виктор сказал это спокойно, но в голосе прозвучало опасение, словно я купалась в шторм.

– Начните хоть кто-то, и я пойду билеты покупать. Ночью дешевле.

Мама выпила залпом шампанское, поправила светлые, чуть ниже плеч, волосы – жест, который был замечен мной, как признак нервозности и откашлялась.

– Я много лет пыталась решить проблему одиночества. Прочитала много книг и не нашла ответа. А потом случайно попала к гадалке, и та, только увидев меня, запричитала: «Проклятье на тебе, женщина. Перешло на дочь твою, досталось от матери, той от твоей бабушки, бабушке от прабабушки, прабабушке...»

– Бред, – не выдержала я. – Прабабушки были замужем, у них были мужья и дети.

– Только девочки. Мальчики погибали при родах или младенцами, – уточнила мама. Я почувствовала, как по коже поползли мурашки, и мне стало страшно. Всю мою жизнь мне казалось, что маме просто не везло, да и мне тоже. В конце концов, мы же нравились мужчинам, они оглядывались нам вслед, трепетно добивались и пропадали без объяснений. Но наша жизнь итак была хороша: у нас были ум и деньги, свобода и красота. Нам завидовали, несмотря на одиночество.

– Но ты же сама говорила, что у меня всё будет хорошо.

– Я врала, – призналась мама. – Не поверила гадалке, которая сказала, что ты будешь расплачиваться за весь род. – Мамин голос задрожал. – Но Виктор, – она с нежностью взглянула на него, когда тебя увидел, уверил меня, что есть выход. И вот вчера позвонила Ника. В старой записной книжке, которую её сиделка нашла в шкафу, она обнаружила наш домашний телефон. Как хорошо, что я не стала его отключать.

Я всегда удивлялась этому раритету на журнальном столике, которым никто не пользовался, а мама продолжала оплачивать и протирать с него пыль. Телефон был дисковый, советских времен, которым ещё пользовалась моя бабушка, когда звонила своим подругам. Муж от неё ушел, когда маме исполнилось три года, замуж она больше вышла, хотя прекрасно одевалась, причёсывалась в лучших салонах и выглядела на все сто. Я до сих пор помню её голубое пальто с буфами на рукавах и широким поясом, подчёркивающим тонкую талию.

– А что случилось у Ники с сестрой?

Сегодня мама казалась особенно рассеянной, она всё время теряла нить разговора. Ника родная сестра моей бабушки. Они жили в разных городах, моя бабушка в Москве, а Ника в

Сочи. По молодости часто ездили к друг другу в гости, а потом что-то произошло. Незадолго до смерти моей бабушки. Она умерла до моего шестнадцатилетия.

– Мама только перед смертью сказала, что виновата перед ней и просит, чтобы я попросила прощения за неё. Я тогда позвонила Нике, но она даже не стала разговаривать со мной и на похороны не приехала. Все, что я услышала: не надо чужое брать.

– Так ты не знаешь, что она взяла? – уточнила я.

– Нет. Ника сказала, что знает причину нашего одиночества, и я не смогла повесить трубку, как собиралась.

– Может, она всё придумала?! Старая уже, хочется внимания. Ей ведь все равно кто приедет: ты или я?

– Ей нужно передать тебе фамильную драгоценность.

– А вот это уже интереснее. Надеюсь, это кольцо с огромным бриллиантом или браслет, – я поймала немного удивлённый взгляд Виктора. – То есть за ней не надо ухаживать, катать по набережной и прочее?

– У неё есть сиделка, если ты об этом, – вставил Виктор.

– Кажется, я ничего не говорила про сиделку, – удивилась маман.

– Я просто вижу строгую женщину, которая о ней заботится.

– А-а-а, – протянули мы вместе с мамой.

– Значит, если бы не твоя работа, ты могла бы поехать вместо меня, чтобы забрать эту драгоценность? – уточнила я, глядя на маму.

– Нет! – снова встрял Виктор. – Ты, наверно, слышала о проклятии до седьмого колена?

– Немного. Я не по этой части. Не верю! – насупилась я.

– Скоро поверишь. Сама удивишься, как быстро. Но я хотел бы рассказать о проклятии. Тут есть два варианта. Допустим, девушка совершила какое-то преступление, и её кто-то проклял. Это означает, что род продолжится до седьмого колена, а потом закончится. Мы сейчас говорим о продолжении рода по женской линии. В этой семье из поколения в поколение будут рождаться девочки, мальчики будут погибать или вовсе не рождаться, пока у последней девушки не будет детей. Вырождение рода.

– Мой вариант, – кивнула я.

– Нет, не твой. – Виктор посуровел ещё больше. – В тех случаях девушке или девочке, а она может умереть совсем маленькой, а может и старушкой, шансов изменить судьбу нет. А у тебя есть.

– Каким образом, если у меня... – я махнула рукой. – Мама, наверно, рассказывала.

– Ты и есть та девушка, которой дали возможность снова прийти в этот род, чтобы спасти его. Спасение означает снятие проклятия. Рождение детей. Ты и есть Авдотья. Та же душа, которая выбрала твоё тело.

– Так вот откуда взялось это древнее имечко?! – воскликнула я. – Ты хочешь сказать, что это я всем нашим в роду жизни перегадила? – от волнения я перескочила на «ты», но этого никто не заметил. Вскочила со стула. Захотелось сдернуть бардовую скатерть с хрустальными бокалами на пол. – Вы это всё придумали, чтобы я поехала ублажать эту старушенцию! – топнула я ногой.

– Авдотья! – мама смотрела на меня удивлённо. Вообще-то, я не склонна к приступам гнева и предпочитаю решать всё мирным путем. Но, видимо, весь этот бред меня достал.

– Не называй меня так! Почему вам не живётся, как всем?

– Не получается, – развёл руками Виктор и посмотрел на маму. Похоже, моя выходка его вовсе не задела. – А вот та Авдотья такая и была. Я прямо увидел сейчас. Через твою дочку проступила. Красивая такая, яркая. Как там говорят: черноброва, черноока. Здорово её в роль готовят. И характер у неё такой был: вспыльчивый.

Виктор потянулся за шампанским и насмешливо взглянул на меня.

– Может, присядешь?! Даже не знаю, как тебя называть, чтобы не травмировать.

– Дунькой, как мальчишки в школе дразнили, – я почувствовала странную слабость в ногах и опустилась на стул. И, правда, что я разошлась? Мама с детства мне про эти прошлые жизни толкует. Я слушала, как сказку, и не верила. Никаких доказательств, что текущая жизнь не единственная пока ещё нет. А бред, который несут те, кто побывал на том свете, меня вовсе не впечатляет. – Ладно, извините. Перегрелась сегодня. – Я перевела взгляд с Виктора на маму и погладила её по руке. Подняла бокал. – Ну что, не откажетесь выпить с такой гадиной, как я? – ко мне вернулось чувство юмора.

– Все ошибаются. Мы не исключение, правда, Лика? – Виктор обнял маму за плечи. Я сделала глоток шампанского и встала.

– Пойду покупать билет. Когда меня ждут в Сочи?

– В любое время, – ответила мама. – В аэропорту тебя встретит водитель Ники.

Прекрасно, у старушонки – я не могла назвать её бабушкой – есть водитель и сиделка. Я обернулась, хотела пожелать спокойной ночи, но они... целовались. Я хихикнула и отправилась в свою комнату.

Глава 2

Билеты в Сочи даже в разгар лета оказались дешевле, чем на Бали. Так что я уже прикидывала, чем себя порадовать: новым платьем или меховым жилетиком с пояском,

который недавно примеряла. Он так подходил к моим рыжеватым волосам и голубым глазам, что продавщица спела гамму комплиментов.

– Девушка, ваша очередь! – рявкнули мне в спину. Вот так всегда, стоит мне подумать о нарядах – я страшный шопоголик – ничего не вижу вокруг. Я воодрузила зелёный чемодан на стойку и уже через пять минут, перекинув через плечо фиолетовую сумочку последней коллекции Фурла, бодро зашагала в зону досмотра. Отстояв ещё одну очередь, я уселась в кофейне и заказала кофе с круассаном. Пора приступить к ответственной миссии: сообщить руководству и подругам, что я улетела. Вдаваться в подробности не собиралась. Ограничусь фразой, что нашей родственнице понадобилась помощь.

– Неплохо иметь родственников в Сочи, – философски заметил начальник Антон Антонович.
– Кстати, ты никогда не говорила о ней.

– Сама недавно узнала, – фыркнула я. – Бабуле под восемьдесят, она решила прервать семейную вражду и наладить отношения.

– О, дело пахло наследством. Конечно, поезжай. Только помни: сайт должен работать как часы. И ты переделаешь интернет магазин. И... – дальше последовало длинное задание, которое я слушала вполуха.

– Антон Антонович, не могли бы вы ... в письменном виде, мне пора на посадку бежать.

Отделавшись от него, я набрала Иришку и повторила версию. Подружка, конечно, расстроилась, это было слышно по голосу. Предложила перенести поездку на неделю. Дальше не получится. Отпуска согласованы. Я переубедила. Неизвестно, сколько я пробуду в Сочи.

Утром, когда мы вместе пили кофе с Виктором, и я спросила, когда вернусь, он задумался на мгновение и как во сне пробормотал:

– Первый снег растает, второй ляжет и снова растает. А вот, когда третий ляжет надолго, ты вернёшься.

– Какой снег? – возмутилась я. – На дворе июнь.

Он пожал плечами.

– Не знаю, сам удивился, когда снег показали. – Я фыркнула. Опять это «показали». – Похоже, декабрь. Когда у нас снег ложится?! Бывает, что и в январе.

Объявили посадку. Я уселась у окна. Достала ноутбук и начала выполнять полученное задание, как всегда досадуя, что у нас ещё не додумались провести вайфай в полёте. Ну, невозможно жить в такой отсталой цивилизации.

Как только самолет приземлился, я включила мобильный и тут же раздался звонок.

– Авдотья, добро пожаловать в Сочи! – послышался приятный мужской голос. – Как только получите багаж, звоните на этот номер, я подъеду. Жёлтый кабриолет. Сразу узнаете.

– А я буду с зелёным чемоданом, – нашлась я.

– Не потеряемся, – раздался смешок водителя.

Ничего себе, бабуля. Жёлтый кабриолет. Точно родственница. За мою любовь к ярким цветам, подружки называли меня попугайкой. А у маман любимый цвет красный.

Жёлтый кабриолет, провожаемый взглядами прибывших пассажиров, остановился возле меня. Водитель вышел из машины, снял тёмные очки. Моё сердце вздрогнуло так, что я выпустила ручку чемодана из рук, и он свалился мне на ногу. Я охнула и немного пришла в себя, поднимая чемодан, пока красавчик подходил ко мне.

Сказать, что он был красивым, не сказать ничего. Бархатные карие глаза с длинными чёрными, словно нарощенными в салоне, ресницами, зачёсанные назад волосы, отливающие синевой, как у ворона. Загар подчёркивало белое поло, сидевшее как влитое на сильных плечах. Он улыбнулся мне и слегка обнял за плечи в дружественном приветствии. По мне прошел заряд тока, а влажный воздух стал ещё душнее. Мне впервые показалось, что я грохнусь в обморок, так и не сев в канареечный кабриолет.

– Я Таркан, – сказал он, щурясь от солнца и разглядывая меня.

Имя привело меня в чувство, подобно нашатырю.

– Поёте? – выдавила из себя я, а он весело рассмеялся.

– Нет, медведь на ухо наступил. Зря родители надеялись.

Раздался резкий гудок автомобиля, которому мы перекрыли дорогу. – Таркан подхватил мой чемодан, забросил в багажник. Я всё еще стояла, глядя на него. Раздался второй гудок. Таркан направился к месту водителя, но, заметив, что я так и не села, обошёл машину и открыл передо мной дверь. Я приземлилась, стараясь занести обе ноги так же одновременно, как актриса в фильме. Ещё гудок.

– Люди не дают побыть вежливыми, – засмеялся Таркан, выруливая на дорогу. – А ты молодец, предоставляешь возможность быть джентльменом.

Знал бы ты, что я всего лишь расплавилась от твоей красоты, подумала я и отвернулась к окну. Передо мной проплыл величественный пейзаж гор. В лицо ударил горячий ветер.

Выехав из аэропорта, Таркан повернулся ко мне.

– Ника настояла, чтобы встретить вас именно в этом автомобиле. Сказала: ей понравится.

– Мне нравится, – кивнула я, выплюнув прядь волос изо рта. Кажется, в старых фильмах показывали, как главные героини в таких машинах надевали платочек. – А давно вы у неё работаете?

– Я? Работаю? Почему вы так подумали? – он даже не притормозил, чтобы посмотреть на меня. – Я, можно сказать, член семьи. Как у нас, кавказцев, положено, приехал встретить родственницу.

– Извините, – я коснулась его руки, и меня снова обожгло током. – Мне сказали: меня встретит водитель. – Можно на «ты» перейти, раз уж мы родственники.

– Водитель есть, но мы его отпустили. Ника попросила, чтобы я тебе показал Сочи. Если у тебя нет никаких планов, конечно.

Я пропала, подумала я. Проведу день с этим красавцем и кинусь с тоски с горного утёса, забыв спасти род. Кстати, если он наш родственник... Мальчик? Но в нашем роду мальчики не рождаются уже давно. А этому Таркану около тридцати. И переспать с ним нельзя – инцестом пахнет, только королям такое позволялось, а я всего лишь Авдотья.

– На Ахун тебя свожу. Шашлыков поедим. Потом на башню поднимемся, на горы посмотришь. Ника бутылку домашнего красного вина положила. Ты не за рулем, тебе можно. Ну и мне стаканчик, – он снова взглянул на меня и озорно улыбнулся.

А папа у него, видимо, дантистом, был, мрачно подумала я. Такие зубы сами собой не вырастают. И зачем мне это наваждение?

Мы попали в пробку, и Таркан снова посмотрел на меня.

– Ты какая-то молчаливая. Может, тебе ванну надо принять? Ты скажи.

– Мне бы переодеться. Жарко у вас.

Я была в джинсах и футболке, но для Сочи это зимняя одежда.

– Сегодня: плюс тридцать четыре. Зато какое море. Просто ванная. Большая ванная. Кстати, ты сможешь освежиться на водопадах. Там прохладно. И переодеться. Ну если очень срочно, могу остановиться.

– Я потерплю.

– Ладно, значит, сначала поедим на водопады, а потом на Ахун. Есть возражения? – ловко входя в крутой поворот, спросил он.

Я помотала головой, чувствуя, как обливаюсь потом, то ли от жары, то ли от страстного желания. Мне кажется, я никогда в жизни так не хотела секса. Может, здесь воздух такой? Интересно, он тоже собирается купаться под водопадом? Что будет со мной, если он разденется?

На моё счастье Таркану кто-то позвонил, и он перестал обращать на меня внимание. Я собрала спутанные волосы под резинку и подставила лицо врывающему ветерку. Ехали мы не быстро, впереди нас шла красная машина с московскими номерами, и, видимо, водитель не спешил свалиться в пропасть.

Закончив разговор, Таркан включил музыку и начал прихлопывать в такт по рулю. Я не могла оторвать взгляда от его сильных пальцев с аккуратными ногтями, мечтая, чтобы этими пальцами он погладил меня везде.

– Мы почти приехали, – весело заметил он. – Забирай купальник и во что ты хочешь переодеться. Но – он посмотрел мне на ноги: – кроссовки оставь. Там может быть скользко.
– Он открыл багажник, предоставив мне возможность ковыряться в чемодане и, насвистывая, облокотился на дверцу машины.

Я вытащила купальник, топик и короткие шорты. Подошла к нему.

– Если ты отвернешься, я переоденусь в машине.

Таркан посмотрел вокруг.

– То есть из всех людей, ты стесняешься только меня? Ладно, – он отошёл в сторону.

Передевшись, я почувствовала себя лучше. Даже успела расчесать волосы. Вышла из машины, чтобы позвать его.

Некоторое время он рассматривал меня, а я млела под его взглядом. От маман я унаследовала хорошую фигуру и любовь к физкультуре. Частенько спортзал мы посещали вместе. Так что, мне было чем похвастаться. Короткий красный топик открывал прокачанный пресс, низкие шорты не скрывали пирсинг в пупке.

Неожиданно он шагнул ко мне и запустил руки в мои волосы. Потёрся носом об мою щёку, его горячее тело прижалось ко мне, он шумно вдохнул мой запах и отстранился.

– Какая же ты красивая. Такая ладненькая, рыжая, – он пропустил прядь моих волос сквозь пальцы. – Только очень беленькая. Надо тебе загореть. Ладно, пойдем.

Он взял меня за руку и потащил за собой по широкой дороге. Так бы я шла бы с ним вечно. Теперь, когда он дал понять, что я ему понравилась, мне стало веселее. Значит, всё еще будет.

– Ресторан «Кавказский аул» – модное местечко. Если хочешь, пообедаем потом здесь. – Он посмотрел на меня. – Ты почему молчишь? Говори хоть что-нибудь. Хочешь, не хочешь.

– Хочу, – вымолвила я, думая совсем о другом. Тебя хочу. А потом шашлыков и всё остальное.

– Ладно, оставим Ахун на потом, – легко согласился Таркан, чтобы достать бумажник. Вход на водопады стоил сто рублей с носа. Ничего в жизни не бывает бесплатно, даже природа. Больше за руку он меня не взял. Мы шли рядом, он что-то рассказывал, я слушала его голос, стараясь не смотреть на него слишком часто. У чёртовой купели – первого водопада – он заставил меня сфотографироваться. Мне хотелось, чтобы мы тесно прижались друг к другу и сделали селфи, как это делают влюблённые, а я бы потом смотрела на фотографию. Но предложить такое я не посмела. Хотя он вроде, как мой родственник.

– Ника раньше очень любила это место. У неё много фотографий отсюда.

– А кто тебе ... Ника? – не упустила я момента задать мучающий меня вопрос.

– Ну кровного родства между нами нет... – у Таркана зазвонил телефон, и он начал разговаривать. А я, обрадованная мыслью, что не совершу греха, если подойду поближе, воспользовалась моментом, чтобы охладиться. Смочила руки и лоб в прохладной воде и некоторое время постояла, оглядываясь. Водопад стекал с гор, образуя озерцо. Сюда не попадал солнечный свет и было сумрачно. Кивнув мне, Таркан пошёл вверх, продолжая разговаривать. Вскоре послышался шум воды, и мы подошли к мостику. Таркан засунул телефон в карман и повернулся ко мне.

– Это второй водопад, самый красивый.

Я застыла на мостике, впечатлившись падающим потоком сверкающей на солнце стихии.

Мы спустились с тропы.

– Странно: сегодня никого нет. Обычно тут полно туристов. Давай искупаемся. Я проведу тебя прямо под водопад.

– Нас снесёт, – сказала я. – И там камни.

– Не бойся, – Таркан стянул поло, и я застыла, любясь его мускулистой грудью, поросшей густыми черными волосками. – Он потянулся к шортам, и я поспешно отвернулась и принялась стягивать топик. Оставшись в новом купальнике в голубую и белую полоску, который выгодно подчеркивал грудь, я приосанилась, запрятала волосы под резинку. Повернулась к Таркану, но он уже вошёл в воду. Я неловко ступая и боясь поскользнуться, медленно пробиралась к нему. Впереди ревела струя воды. Интересно, как это он хотел, чтобы я встала под неё? Пожалуй, я останусь здесь. Нащупала почву и остановилась. Таркан обернулся.

– Ну что же ты? Пробирайся сюда, – его голос звучал настойчиво. – Я сделала шаг, потом ещё и почти возле него поскользнулась, но он подхватил меня.

– Я такая неловкая, – произнесла я фразу, которую часто слышала в фильмах. – Он подхватил меня на руки и двинулся вперед. Мне казалось, я чувствую жар его тела через прохладную речную воду. Шум воды усиливался и скоро вся масса воды обрушилась мне на голову, я начала вырываться, но он некоторое время подержал меня на руках и отпустил. Я отплыла, он догнал меня, здесь было глубоко, над водой были только наши головы. Его губы потянулись к моим губам, и он крепко прижал меня к себе уже стоя, так что я почувствовала, что оказывается моё желание взаимно. Нас отрезвил громкий мальчишеский голос:

– А там целуются, – я увидела, что мы уже не одни. Появились мама с сыном, а потом несколько длинноногих девиц в шортах с фотоаппаратами. Похоже, мы попадали в кадр, и это никого не смущало.

– Ты такая страстная, – усмехнулся Таркан. – Заняться любовью здесь возможно лишь ранней весной, когда не будет людей, но вода холоднющая. Дойдёшь сама или донести?

– Сама, – я опустила голову. Мне стало стыдно, что я потеряла голову. Как-то не в моих привычках набрасываться на мужчин.

Когда мы оделись и пошли к машине, держась на безопасном расстоянии друг от друга, Таркан заговорил:

– Прежде чем, мы начнем делать то, что нам обоим хочется, надо поговорить.

– Это вовсе необязательно.

Он остановился и притянул меня к себе, обняв за талию.

– Авдотья, – он произнес мое имя медленно, пробуя звуки на губах. – Знаешь, мне нравится твое имя.

– А мне нет, – отозвалась я, изо всех сил сопротивляясь зову плоти, которая уже прилипла друг к другу.

– Понимаю. Я тоже злился на родителей за то, что наградили именем знаменитого певца, – он убрал со лба мои мокрые волосы и поцеловал. Мне хотелось сказать, чтобы он уже говорил быстрее, и мы куда-нибудь поедem. В какой-нибудь отель или... в лес. Я уже больше не могу существовать рядом с ним. – Он посмотрел на мои губы и быстро поцеловал. – Ты сводишь меня с ума. Дай мне договорить. То, что мы чувствуем, это прекрасно, но... – Его руки немного обмякли. – Дело в том, что я ... собираюсь жениться.

Собираться ещё не значит жениться – пронеслось в моей голове. Можно и передумать.

Я кокетливо склонила голову набок.

– Но тогда ты не знал, что есть я.

– Не знал, – он вздохнул.

– И ты можешь ...

– Нет! – он сказал это так резко, что я отпрянула от него, но он сильнее сжал мою талию. – Не могу: невеста моя на восьмом месяце. И как порядочный человек...

Я всё-таки вырвалась.

– И как порядочный человек ты..., – договорить я не успела. Таркан властно схватил меня и впился в мой рот таким поцелуем, что я чуть не задохнулась.

– У нас уговор. До свадьбы у меня мальчишник, и я могу делать, что хочу. И с кем хочу. А после свадьбы становлюсь верным мужем.

– Какая чушь! – выплюнула я. – Ни одна нормальная баба не могла придумать такое.

– Так может сделать только по-настоящему мудрая женщина. Дело в том, что наш сынок не очень-то крепко в мамке держится, и нам уже давно противопоказаны все любовные упражнения.

Я нахмурилась. Ох и дуры бабы. Хотя мне-то какое дело? Мне официально разрешено переспать с ним и даже ни один раз. Он свое желание подтверждает. Ну а потом я выкину его из головы. Мало ли у меня было романов, которые две недели продолжались. Или сколько там у нас времени?

Оказалось, я произнесла последнюю фразу вслух.

– Три недели.

– О, вагон времени, – я положила руку ему на плечо. – Тогда носи меня в постель. Я не выпущу тебя из неё до свадьбы, если мне понравится.

Мне хотелось казаться развязной и независимой. Подумаешь, свадьба? Наше время закончится, я найду себе кого-нибудь ещё лучше. В конце концов, мне не привыкать к окончанием отношений. Судьба у меня такая.

Таркан, казалось, медлил. На шее дёргалась жилка. Минуту мы стояли и чувствовали бешеный стук наших сердец. Потом он снял мою руку и поцеловал.

– Я хочу, чтобы ты подумала, Авдотья.

Мне нравилось, как он произносил мое имя. Растягивал букву «а», оно начинало звучать мелодией. Голос у него был низкий, волнующий. Секс по телефону озолотил бы его.

Моя рука подрагивала от поцелуя, пока до меня не дошёл смысл его слов. Да он вовсе и торопится утащить меня в постель. Я посмотрела на него, его карие глаза казались влажными.

– Сдаётся мне, что для нас это будет непросто, – тихо сказал он. – Мы можем влюбиться.

Мне хотелось сказать, что я умею контролировать чувства и, вообще, пусть себе не воображает, но не смогла. Печаль на его лице говорила о какой-то тайне, которой он не собирался делиться. Он не играл, не пытался набить себе цену, что-то действительно удерживало его.

– Давай следовать первоначальному плану, – сказал Таркан, когда мы подошли к нашему канареечному кабриолету. – Мы едем на Ахун наполнить наши желудки шашлыками и прекрасным вином от Ники.

Я снова хотела возразить, но почувствовала зверский голод, словно не ела три дня. Впрочем, обедом в самолёте не кормили. А утром после заявления Виктора, что я смогу вернуться в Москву только после третьего снега, смогла только протолкнуть в себя нежирный йогурт.

Таркан протянул мне ключи от машины, и я вопросительно посмотрела на него.

– На Ахун ты меня прокатишь, Авдотья. Ника сказала, чтобы я познакомил тебя с этой машинкой. На время пребывания в Сочи она твоя.

– Эта канарейка? – вырвалось у меня. Машины это моя слабость. В Москве у меня Мазда, кроссовер, которую называю Барсиком. У меня слабость давать имена автомобилям. Мамин лексус я называю Чайкой за скорость и серебристый цвет.

Таркан улыбнулся.

– Пусть будет канарейкой. Это любимая машина Ники. Знаешь, как лихо она разъезжала по Сочи?

– А что с ней случилось? Она же не ходит сейчас.

– Неудачное приземление после полёта на парашуте на розе хутор. Поднялся ветер, их понесло, инструктор не справился с управлением. Они слишком резко сели, она ударилась ногами, перелом позвоночника.

– Подожди, ей же восемьдесят. Какой парашут? В это время старушки обычно на лавочках сидят.

– Когда увидишь Нику, поймёшь. Семьдесят пять ей тогда было.

– Меняет дело, – заметила я. – Вот не живётся бабам в нашем роду спокойно.

– У неё тогда новый поклонник появился. На двенадцать лет моложе. Вот она и хотела ему доказать, что ещё очень даже ничего.

– Поклонник потом, как положено, испарился?

– Се ля ви, – пожал плечами Таркан. – Но Ника молодец, она и в кресле ведет активный образ жизни. Да ты сама увидишь.

– Уже хочу познакомиться с ещё одной сумасшедшей женщиной из нашего рода.

– Садись за руль. Ты, вообще, по горным дорогам ездила когда-нибудь?

– Нет, – призналась я. – В Москве таких не наблюдается.

– Особая специфика вождения. Я буду руководить, если ты не против. Тебе же надо учиться. Может, ещё разок нам придется выехать.

– Давай, инструктор, командуй. Здесь это тебе разрешается, – я насмешливо посмотрела на Таркана, но он даже не улыбнулся.

Я села за руль, подстроила под себя сидение и зеркала. Погладила кожаный руль. «Привет, Канарейка».

Всю дорогу до башни Ахун, я только и думала, что о дороге. Поворотов было так много: голова кружилась, меня все обгоняли, некоторые сигналили и оглядывались.

– Что им надо? Не видят, что человек первый раз на серпантине? – злилась я.

– Номера-то местные, вот они и удивляются, что за чайник выехал.

– Жёлтый, – сказала я, отчаянно вцепляясь в руль перед очередной петлей и изо всех сил, нажимая на тормоз, чувствуя, как ноги прилипают к кожаному сидению, а трусы становятся мокрыми.

– Ты не тормози, колодки сотрёшь.

– Я заплачу, – буркнула я.

– Дело не в этом, поедешь по мокрой дороге, занесёт. Надо научиться входить в поворот, лишь слегка притормаживая перед ним.

Когда мы доехали до места, я чувствовала себя измученной, словно проехала от Москвы до Сочи. Я и не знала, что это так трудно. Но в моих мучениях, был один плюс. Желание напрочь испарилась из головы. Хотелось просто сесть и расслабиться.

Таркан вынул из машины пакет с вином, и мы пошли между рядами торговцев к возвышающейся перед нами трехярусной серовато-белой башне с зубцами на вершине.

Не могу сказать, что меня потрясло это сооружение.

– Архитектор Воробьёв, середина тридцатых годов прошлого века. С Ахуна открывается замечательный вид на горы и море.

– Откуда такое странное название?

– По одной из версий в честь убыхского бога Ахын. Убыхи – народ, который раньше населял эти места. Их предали сначала наше правительство, а потом турки. В Турции убыхи вымерли. История закончилась. Последний из убыхов написал об этом книгу.

– Печаль, – протянула я. Может, мне тоже написать книгу о вымирании нашего рода, если не справлюсь с заданием. Мне стало грустно. У Таркана скоро родится ребенок, а мне детей иметь не судьба. Эта мысль, кроме зависти ещё и наполнила ревностью. Да что же со мной творится такое?

Мы зашли внутрь башни, где был ресторан и сделали простой заказ: шашлыки, соленья, овощи, а потом расположились в деревянной беседке. Таркана здесь знали, официантки приветливо улыбались, кидая на меня неодобрительные взгляды. Однако, жене его не позавидуешь. Ну как жить с таким мужиком? Я уже разум растеряла. А познакомились мы несколько часов назад.

– Наливай скорее, – потребовала я.

Таркан позвал официантку.

– Светочка, два бокала принеси, пожалуйста. Хочу порадовать нашу родственницу фирменным Никиным вином.

Узнав, что я родственница, официантка одобрительно кивнула.

– Как Ника?

– Работает над новым проектом. Собирается как-нибудь приехать сюда.

– Она просто чудо какое-то, – официантка покачала головой и отправилась за бокалами.

– Удивительно, – пробормотала я.

– Ника, правда, чудо, – согласился Таркан. – Я когда с ней познакомился, был крайне удивлён.

– Кстати, – вспомнила я. – Мы собирались выявить степень нашего родства.

– Моя невеста её двоюродная правнучка по отцовской линии.

– Сколько же ей лет?

– Восемнадцать.

– Хм, ты у неё первый что ли? – вырвалось у меня.

– Я не хочу это обсуждать, – остановил меня Таркан холодным тоном. Похоже, он не по своей воле женится. Дело даже в том, что она залетела, а в чём-то другом. Отсюда это странное разрешение: гулять с кем хочешь до свадьбы.

Подоспела официантка с подносом. Таркан сам разлил вино по бокалам.

– За твой приезд в Сочи. Пусть тебе здесь понравится, – сказал Таркан, все еще не улыбаясь.

– Пусть, – согласилась я. – Хотя я здесь не за этим.

– Понимаю, Ника сказала.

– Что она сказала? – бокал в моих руках дрогнул.

– Сказала, что хочет восстановить отношения со всем своим родом и похоронить все обиды. Что-то там случилось между ней и её сестрой, твоей бабушкой.

– А что именно, она не говорила?

– Нет. Только сказала, что эта история долго мучала её, но теперь она научилась прощать.

– Хм, – только и сказала я, делая ещё один глоток вина. Вино и на самом деле было замечательным. Терпким и крепким, как мне нравится. Я чувствовала, как расслабляюсь и начинаю проникаться любовью ко всему окружающему, а моя страсть к Таркану уходит на задний план, оставляя место нежности.

Вообще-то я редко бываю нежной. Мне нельзя расслабляться, наши отношения скоро закончатся. Этот мужчина такой же чужой, как и все, которые со мной были и ушли. Но сейчас мне хотелось разгладить пальцем морщинку, которая появилась между бровями Таркана после моего вопроса о невесте.

– Расскажи о себе, – попросила я. – Ты родился в Сочи?

– Нет, в Стамбуле, закончил там школу. – Потом отец начал заниматься бизнесом в Сочи. Открыл сеть магазинов одежды, и они со старшим братом часто летали сюда, пока мама не убедила его переехать. Она урождённая сочинка, у неё тут родители, школьные подруги. – Таркан улыбнулся. – Я думаю, это был её план. Когда отец потерял свою высокооплачиваемую работу в банке, мама организовала через подруг этот бизнес. Отец долго не решался переезжать. Ну а потом... – Таркан сделал глоток вина. – Согласился. – складка между бровей стала ещё больше.

– Значит, у тебя есть старший брат? – спросила я, желая отвлечь его.

Лицо Таркана стало каменным.

– Уже нет. Я убил его.

Я, конечно, не поверила, но он так сказал, что мне стало холодно.

– Знаешь, моя мама – она верит во всякие теории – рассказывала, что нельзя убить человека, если у него не закончилась программа жизни. Значит, у твоего брата закончилась.

В его карих глазах мелькнула благодарность. Он поцеловал мою руку.

– А-авдотья, ты чудо. Никто не говорил мне таких слов. Все считают меня убийцей, хотя и не говорят. И мать, и отец.

– Да что произошло?

– Мы возвращались из гостей, неожиданно – в Сочи так бывает – выпал снег. Друзья предлагали переночевать, а брат упёрся: давай уедем. Он тогда здорово навеселе был. Начал подшучивать надо мной: ты что, боишься? Не умеешь водить, тогда я сяду. Я завёлся. Куда ему пьяному за руль? Моя очередь была не пить в гостях. И я не пил. А тут снег. В два часа всё замело, а мы на летней резине. Дом, где мы находились, высоко в горах стоял. Выехали мы. Помню только свет фар автомобиля в глаза, жму на тормоз медленно: машина не тормозит. Брат что-то кричит. Жму сильнее. Потом тишина. Эта тишина до сих пор у меня в ушах стоит. Потом удар, и я ничего не помню. Очнулся уже в больнице. Потерял сознание, ударился головой. Два ребра сломаны, перелом ноги, сотрясение мозга. В общем-то полная ерунда, по сравнению с тем, что брата уже нет. Меня даже на похороны не взяли. Отец

сказал: лежи и думай. Брат у них любимчиком был. Ну меня тоже любили до этого момента, но не так, как его.

Я подсела ему на скамью и обняла, снова зашептала:

– Программа закончилась у него. Не вини себя ни в чём.

Так мне хотелось его утешить, словно мы не сегодня познакомились, а он был моим самым лучшим другом. Таркан взял моё лицо в ладони и начал целовать, медленно и нежно. С его ресницы капнула слеза на мою щёку. На ухо прошелестело «спасибо». Возле стола раздалось покашливание: официантка шашлыки принесла и варёную картошку. Я вернулась на место. Мы принялись за еду.

– Прости, что загрузил. Это мои проблемы, и я эту ношу до конца жизни нести обязан. Давай за тебя, выпьем. Хорошая ты, Авдотья.

Мы чокнулись, выпили. Вроде как складочка между густых бровей у Таркана разгладилась. Видимо, легче стало от моих слов. А мне от того, что я впервые в жизни мужчину пожалела, проявила свою женскую сущность.

Все остальное время я рассказывала о себе: как родилась, училась, умолчав про нашу родовую проблему одиночества. Он улыбался. А когда фотки мамы в телефоне увидел, сразу языком защёлкал.

– Ну теперь понятно, в кого ты такая красивая.

Я не заметила, как стемнело. В Сочи темнеет мгновенно. Как шапочкой накрывает. Вино допивала в одиночестве, Таркан к бокалу больше не притрагивался. А когда вышли из стола, почувствовала, что пьяная. Ноги заплетались. Таркан подхватил меня за талию. Я благодарно повисла на нём. В машине прохладный ветерок охлаждал щеки и трепал волосы. Надо мной зажигались звезды. Пели цикады, пахло цветами, южная ночь вступала в свои права соблазнения, но я была слишком пьяной, чтобы это чувствовать. В голове мелькнула мысль, что начинаю влюбляться в Сочи, я улыбнулась и уснула.

Проснулась от того, что Таркан звал меня по имени, но мои глаза не желали открываться. Что-то пробормотав, я улеглась на его плечо и заснула. Почувствовала, как меня вынимают из машины. Я тут же обхватила его за шею, крепче прижимаясь к нему. Так мы и прибыли в дом к Нике.

– Ого, хорошо ты её укатал, – пробился в мое сознание бодрый женский, отнюдь не старушечий голос. – А я-то рассчитывала, что мы откупорим ещё одну бутылочку вина и всю ночь по-девичьи проболтаем.

– Ника, ваше вино, как всегда превосходно, – услышала я насмешливый голос Таркана. – И я бы не отказался составить вам компанию.

– Тогда неси её в постель, и мы начнем. Катя покажет тебя спальню. Хотя, погоди, я посмотрю на девочку, – я услышала скрип колес и догадалась, что Ника подъехала к Таркану.

Я всё еще не могла стряхнуть с себя сон. Почувствовала взгляд, потом кто-то коснулся моих волос. – Красивая, как все в нашей семье, – вздохнула Ника. – Ладно, пусть спит. У нас будет много времени.

Я чувствовала, как Таркан поднимается со мной на руках по лестнице. Лёгкие толчки при подъёмах на ступеньках заставляли нас сближаться. Слышала сильные удары его сердца. Таркан опустил меня на постель, Катя сняла кроссовки и накрыла одеялом. Сквозь ресницы я разглядела женщину в очках с короткой стрижкой. Позади неё стоял Таркан. Немножко подремлю и спущусь к ним, чтобы присоединиться к празднику, решила я, проваливаясь в темноту.

Глава 3

Проснулась утром. Не сразу поняла, где нахожусь. Светлая комната в бежевых тонах, зеленоватые шторы с жёлтыми лилиями. Слева от меня белый с золотом туалетный столик с зеркалом. Угловой шкаф из того же гарнитура. У кровати пушистый белый ковер. Красивая комната. Балконная дверь приоткрыта. На полу солнечная дорожка. Некоторое время я нежилась в постели, вспоминая вчерашний день. От воспоминаний о наших поцелуях сердце сладко сжималось, а в области живота поднималось волнение. Винная анестезия отступила, и я снова хотела Таркана. Придётся воспользоваться отпущенным временем на полную катушку. Кстати, может, он остался здесь на ночь? И мы вместе позавтракаем, а потом...

Ты не для этого приехала, – напомнил мне голос разума. Я вспомнила: вчера даже забыла позвонить маман, что я долетела. И она мне не позвонила. Или звонила? Я скатилась с кровати и нашла свой рюкзачок. Зелёный чемодан стоял возле шкафа. Я нашла телефон и обнаружила, что пропущенных звонков нет. Никому, видимо, и дела нет, что я уехала. Даже маман, что было странно. Тут же я обнаружила, что ещё только семь утра. Я протопала на балкон. Ласковое солнце тут же поцеловало мои ноги и открытые плечи, я сощурилась и ... увидела море. Подпрыгнула от радости. Дом Ники ко всем прелестям ещё и оказался рядом с морем. Тут же на балконе стоял круглый столик и два плетёных кресла. Я опустила взгляд вниз и ахнула: внизу раскинулся сад. Среди пальм, кипарисов и ярко-красных цветов неизвестного мне имени просматривался овальный бассейн с голубой водой, которая манила ощутить её прикосновение.

С ума сойду, если не искупаюсь, – подумала я. В ванной тоже все было по высшему разряду: мраморный зелёный пол, огромная ванная на львиных ножках с джакузи. Кругом зеркала, перед которыми я тут же принялась вертеться, оглядывая себя со всех сторон. Особых недостатков, кроме припухших век после долго сна и вчерашнего вина не нашлось. Ножки стройные, длинные, талия, на спине никаких складок, попа упругая. Спасибо мамину тренеру. Думаю, Таркану понравится. Ох, опять я о нём. Да что такое?! Срочно в душ и смыть все глупости. Пока все не проснулись, лучше я на море сбегая. Натянув лососёвый купальник и джинсовые шорты, я спустилась по лестнице с гладкими деревянными перилами. Гостиная впечатляла. Панорамные окна открывали вид на лужайку и бассейн. В гостиной стоял большой овальный стол с серьёзными стульями из орехового дерева. Тут же присутствовал камин. С высокого потолка спускалась хрустальная люстра, в которой весело резвились солнечные лучики, исполняя роль дневного электричества.

– Ох! – выдохнула я.

– Доброе утро! – оторвала меня от созерцания женщина с короткой стрижкой. Видимо, Катя.

– Как спалось?

Я смутилась, вспоминая, что вчера ей пришлось снять с меня кроссовки.

– Доброе! Спасибо, хорошо. Что-то вчера я раскисла.

– Южный воздух, нагулялись, вина выпили к тому же. Я Катя. Домоправительница. Не стесняйтесь обращаться по всем вопросам. Сейчас завтрак подам. Что вы предпочитаете яичницу или наше фирменное блюдо для гостей блинчики с клубникой и взбитыми сливками.

– Конечно, блинчики, – закатила я глаза от восторга. Наши завтраки с маман состояли из череды овсянки на воде с изюмом, обезжиренных йогуртов и варёных яиц с зеленью без желтков. К чёрту фигуру. Да здравствуют блинчики.

– Я так и думала. Как раз тесто подошло. Вы пока можете искупаться в бассейне, я там же вам и накрою. Позавтракать вам придётся в одиночестве, у Ники сейчас тренер, она занимается, позже массажист придет.

Мои глаза поползли вверх. Ох, и ничего себе.

– А что вы думали?! Ника никогда не сдаётся. Она на турнике подтягивается десять раз.

– Что?! А я только пару раз могу.

– Да-да, она очень сильная. Отдыхайте. Сейчас чистое полотенце вам принесу. После завтрака, если хотите, на море прогуляйтесь. У Ники утро расписано, она только к обеду освободится.

Я похлопала ресницами. Ничего себе старушка в инвалидном кресле. Ужасно хотелось спросить о Таркане, но это показалось неудобным, да и Катя уже ушла. Скинув шорты, я ласточкой прыгнула в бассейн.

Вдоволь наплескалась, повизгивая от восторга, словно вернулась в детство, я выбралась на бортик и устроилась на краешке бассейна, откинув назад мокрые волосы и подставив лицо солнцу, когда появилась Катя с подносом.

– Не вставайте, я вам туда подам, – засуетилась она, составляя рядом со мной тарелки.

Я сидела в купальнике, свесив ноги в бассейн, поедая изумительно вкусные дрожжевые блинчики с клубникой и взбитыми сливками, запивая их капучино с густой пенкой. Маман бы в ужас пришла от такого завтрака, а я чувствовала себя неприлично счастливой. Солнце, голубое небо, сладкий запах, доносящийся из сада. От радости болтала ногами в бассейне. Хотелось петь. Это вам не Москва с холодным дождливым летом, которое особенно порадовало нас в этом году, лишая возможности носить платья и босоножки.

Когда появилась Катя, я сидела, прикрыв глаза и выкатив пузико, словно домашний котяра.

– Ещё кофе? Может, персиков или арбузика?

– Нет, – выдохнула я. – Спасибо. Иначе лопну. – Я заставила себя подняться. – Давайте, я помогу вам с посудой.

– Ни в коем случае! – возмутилась Катя, составляя тарелки на поднос. – К морю пойдёте? – Я кивнула. – Здесь недалеко. По набережной до конца. Не заблудитесь.

– Катя, – я все же решилась. – Извините, вам вчера пришлось меня раздевать.

– О, все нормально. Таркан тоже хорош, столько вина девчонке наливать. Думать же надо.

– А Таркан здесь? – ухватила я.

Катя сделала паузу, внимательно посмотрела на меня:

– Таркан уехал. Они с Никой посидели немного, и она ему такси вызвала. Таркан женится через две недели, – сказала Катя, продолжая смотреть на меня в упор, заставляя пожалеть о любопытстве.

– Я в курсе, – как можно небрежнее сказала я и улыбнулась. – Просто вчера он показывал мне, как ездить по горным дорогам. Я не совсем освоилась. В Москве, знаете, совершенно другие дороги. Думала, урок повторить сегодня.

По лицу домоправительницы было видно, что она не поверила ни одному моему слову.

– Ты поосторожнее с Тарканом. Тут ни одна девчонка сочинская пала жертвой его красоты. Зачем, только такие мужики на свет рождаются на женскую гибель?! – вздохнула она. – Думаю, Ника найдет тебе, у кого поучиться вождению.

Она удалилась, а я так и не нашлась, что ответить. Была в её словах правда, от которой хотелось заткнуть уши, но она уже проникла внутрь меня.

Я тряхнула головой, отгоняя мрачные мысли. Покрасней мере, узнала, что его здесь нет. Это единственное, на что стоит обратить внимание. Подумаешь, напугала?! Женится он! Ну и флаг ему в одно место.

Я поднялась наверх, нашла пляжную сумку, намазалась солнцезащитным кремом и отправилась к морю. До моря вела набережная с узкой речкой, по которой шли отдыхающие с кругами, матрасами и пляжными сумками. Некоторые уже были в купальниках, некоторые в парео. Я влилась в поток, который вынес меня к морю. Огляделась.

Для меня, никогда не привечающей наши курорты, казалось в диковинку такое скопление народу. Партер у моря уже был занят, в амфитеатре ещё просматривались отдельные места, и только галёрка располагала к отдыху. Некоторые любители пляжного отдыха уже заправлялись пивом, а в столовую стояла длинная очередь. Ну не всем, блинчики к бассейну подают. Повезло мне. Живу в красивом доме рядом с морем, кабриолет в моём

распоряжении, кормят, как в ресторане. И всё же что-то меня настораживало. Как говорила моя мама: судьба всегда проверяет человека, сначала подсунув ему счастье, а потом, когда он привыкнет, отнимает не только его, но и всё хорошее, что имелось раньше.

Я выбрала галёрку и расстелила полотенце. Не успела позагорать и пяти минут, как места справа и слева тоже заняли, и я оказалась в тесной компании, где на меня никто не обращал внимания. Пойду, искупаюсь, решила я и поднялась.

Проковыляв по горячим камням между загорелых тел, я плюхнулась в воду. Тёплая, чистая и ужасно приятная. Даже холодно не было. Я нырнула с головой и поплыла брассом подальше от детишек и прочих, плескающихся на мелководье. Думала: никогда не наплаваюсь, но усталость взяла своё, и я вылезла.

Мне показалось или народу ещё прибавилось? Видимо, водные процедуры не только мне нравятся. Возле меня, чуть впереди, загородив солнце, появился ещё один зонт, под которым возлегало мужское тело. Я только и могла покачать головой. Пока обсыхала, обнаружила, что начинаю сгорать, а уходить не хотелось. Тело под зонтом село и оглянулось. Вполне симпатичный молодой человек с такими же как у меня рыжеватыми волосами, только более загорелый.

– Девушка, вам нужно под зонтик. Приглашаю, – он сделал широкий жест.

Я пожала плечами и отвернулась. Вот ещё, командир. Он вылез из-под зонта и подошёл ко мне.

– Не отказывайтесь, прошу вас. У вас такая же белая кожа, как у меня. Знаете, как я обгорел в первый день за два часа? Давайте перебирайтесь и – он как-то застенчиво улыбнулся: – выпьем шампанского за такой чудесный день и начало вашего отдыха. Кстати, я Максим, а вас как зовут?

Я рассматривала парня. Голубые глаза, длинные рыжие ресницы, рыжие брови и очаровательные веснушки на носу. Через пару дней и у меня такие же вылезут. Плечи уже горели, свободных зонтов на пляже не наблюдалось. Да и молодой человек ничего. Но не Таркан, конечно.

– Авдотья, – величественно ответила я после паузы.

– Классное имя, старинное, – он начал деловито подвигать своё полотенце, освобождая место.

Я потёрла плечи и перебралась к нему.

– Ну что, я за шампанским? – он потянулся за кошельком. – Или вы что другое хотите: вино, пиво?

– Как-то рановато для спиртного, – заметила я.

– Ну мы же на отдыхе.

Ну кто на отдыхе, а кто только прикидывается.

– Ладно, – согласилась я, устраиваясь поудобнее и глядя на него снизу вверх. – Несите шампанское.

Пока Максим убежал в сторону столовой, я блаженно растянулась на полотенце. Кажется, тут все только и думают, как доставить мне удовольствие.

Мы чокнулись пластиковыми стаканчиками, и я лениво, облокотясь на руку, смотрела на море. Рыжик, так я его окрестила, смотрел на меня. После обмена вопросами, кто откуда и зачем, он предложил встретиться вечером, чтобы прогуляться по ночному Сочи.

– Через две недели, – задумчиво сказала я. – Если вы ещё, конечно, будете в этом городе.

– Почему так долго?

Таркан женится, а мне понадобится хоть кто-то, чтобы отвлечься. Ну не говорить же ему об этом?!

– Вы что, уезжаете? – продолжал допытываться Рыжик.

– У меня есть кое-какие дела. Я не в отпуске.

В подробности не вдавалась, но Рыжик и не спрашивал. Только сказал, что планирует пробыть в Сочи всё лето, а потом поехать куда-нибудь дальше за солнцем.

– Не работаете? – удивилась я.

– Инвестор, – усмехнулся Рыжик. – Жду пока активы подрастут, живу на аренду. Но у меня есть хобби, так что я не скучаю.

Я не стала спрашивать про хобби, потягивала шампанское и смотрела на море. Через часик Рыжик засобирился, сказал, что записался на экскурсию: рафтинг по горной речке. Не хочу ли я присоединиться?

Но мне было явно пора к обеду. К тому же плечи у меня горели даже под зонтом. Мы собрали сумки, вышли на набережную. Шумела речка, впереди виднелась круглая вершина горы. Вместе с нами уползали от жары другие отдыхающие. Неожиданно я поняла, что не помню из какого дома, а их тут было много, и все похожи, я вышла. Ситуация глупее не придумаешь. Единственное, кому я могла позвонить, Таркану. Даже телефон Ники маман забыла мне дать.

Рыжик посмотрел удивленно:

– Ты, – он даже перешел на «ты», – правда, не знаешь адреса?

Не говорить же ему, что вчера меня принесли на руках, а сегодня я была так потрясена блинчиками у бассейна, что не обратила внимания, из какого дома вышла. К тому же картографический критинизм наследственный. Ездили мы с маман только по навигатору.

Мы остановились.

– Похоже, это здесь, – нерешительно сказала я. Вдруг сзади раздался пронзительный гудок. Мы оба подпрыгнули и оглянулись, а Рыжик схватил меня за руку. Белый Бумер остановился неподалёку. И что ему надо?

Хлопнув дверью, к нам приближался Таркан.

– О, я не ошиблась. Вот и мой родственничек, – сказала я, протягивая руку за сумкой. Максим поймал мою руку и поднёс к губам.

– Я буду ждать, – многозначительно сказал он, но я уже его не видела. Сердце гудело от радости и волнения, а в животе трепетали бабочки.

– Ты недолго скучала в одиночестве, – заметил Таркан, когда мы остались одни.

– А почему я должна скучать?! – улыбнулась я. – Мы чудесно провели время на пляже, пили шампанское и загорали. Ты ревнуешь?

Таркан взял меня за руку.

– Я почти не спал, думал о тебе.

– Надо было спать и думать о невесте, – я вырвала руку и позвонила в звонок. Мне хотелось подразнить его, довести до белого каления, чтобы он ни о чём не мог думать, кроме меня.

– Встретимся сегодня вечером? – его голос звучал умоляюще. – Пожалуйста. Ты сводишь меня с ума. Хотя бы просто поговорим.

– Не знаю, во сколько освобожусь. Мы еще не виделись с Никой.

– Я буду ждать твоего звонка, ладно? – его рука крепче сжала мою и тут же отпустила, когда Катя открыла дверь. На нас двоих она смотрела с подозрением.

– Привет, Катя. Ты телефон мой не находила? – спросил Таркан.

– Нет, – она сдвинула брови. – Ты точно здесь его оставил?

– Не помню где. Может, в машине? Принесешь ключи?

Я поняла, это был предлог, чтобы она ушла.

– Так ты позвонишь? – его пальцы прикоснулись к моей руке.

Мне показалось: он готов сделать это прямо здесь под виноградом. Бабочки в животе били крыльями так, словно попали в сачок. Кажется, сопротивление бесполезно. Видимо, пока между нами не произойдет то, что должно, ни один из нас соображать не способен.

– Позвоню, – хрипло сказала я. – Телефон был предлогом?

Таркан кивнул.

– Милая ты моя, такая рыженькая. Обгорела. Кожа у тебя нежная, – он коснулся рукой моего обнажённого плеча, и я покрылась мурашками. Надеюсь, Ника меня надолго не задержит. Это помешательство терпеть невозможно. На ватных ногах я прошествовала в дом, навстречу мне попала недовольная Катя с ключами от машинки, названной канарейкой.

В гостиной было прохладно от кондиционера.

– Наконец-то! – услышала я уже знакомый голос. В инвалидном кресле сидела женщина с очень светлыми, постриженными под каре, волосами, которую я бы при всём желании не смогла бы назвать пожилой. Она быстро подъехала и протянула ко мне руки. Я нагнулась, она обняла и поцеловала меня. Глаза у неё бы живые, бледно-голубого цвета с очень глубокими веками без морщинок. Склонив голову набок, она с улыбкой рассматривала меня, а её. Потом засмеялась. Смех у неё тоже был молодой и заразительный.

– Рада, что ты приехала! Ты такая славная, рыженькая. – Она сказала это так же, как Таркан, и тут же живо повернулась к домоправительнице:

– Катя, а что же Таркан не заходит? Я его в окно видела.

– Ищет телефон в машине. Говорит, что вчера его забыл там, когда встречал Авдотью.

– Странно, – заметила Ника. – Хотя... – она снова с улыбкой посмотрела на меня. – Нет ничего странного, когда проводишь время с такой очаровательной девушкой. – Домоправительница покачала головой. – Катя, ну зови же его, обедать будем. Что искать, если телефона там нет. Я помню, он вчера такси вызывал.

– Ника, вы же хотели с Авдотьей поговорить...

– Поговорим, поговорим. Всё успеем. Да что такое с тобой?! Авдотья, ну позови же его.

Я вышла в сад, подошла к гаражу. Таркан стоял, опершись на канарейку.

– Тебя Ника зовёт. Говорит, зачем искать то, чего нет, – поддразнила я его.

Таркан смутился и, обойдя меня, первым направился в дом. Я видела, как он обнял и поцеловал Нику.

Вопрос о телефоне больше не поднимали. Я отправилась к себе в комнату переодеться, а когда спустилась, Таркан сидел за накрытым столом один. Я остановилась у окна, глядя на него. Раздался скрип колёсиков и появилась Ника, а за ней Катя с большой супницей в руках.

– Авдотья, садись рядом с Тарканом, а я буду любоваться вами, – Ника подъехала на своем кресле с противоположной стороны стола.

Я послушно села, даже на расстоянии чувствуя жар его тела. В животе, требуя свободы, сражались бабочки, в голове пульсировала мысль: скорее бы наступил момент, когда мы останемся вдвоём. Мне уже было не до приличий и не до темы, что девушка не должна быстро сдаваться. Я хотела получить его.

На обед подавали суп из черноморских креветок. Очень вкусный, густой, щедро приправленный специями. Я набросилась на него, закусывая местным горячим лавашом. За столом воцарилось молчание, лишь изредка я чувствовала, как Ника поглядывает то на меня, то на Таркана. Мне показалось: она что-то задумала. Как будто ей, в отличие от Кати, доставляло удовольствие, видеть нас вместе.

Таркан справился первым.

– Это было превосходно, – выдохнул он, откидываясь на спинку стула.

– Похоже, Катя превзошла сама себя, – заметила Ника. – Авдотья, как тебе суп?

– О! – только и смогла вымолвить я. От специй приятно пощипывало внутри.

– То-то. Сейчас горячее подадут, – заметила Ника, увидев приближающуюся Катю с подносом.

– Катя, твой суп совершенство, – сказал Таркан. Катя поставила поднос на стол и не глядя на него, выдавила:

– Привози Лялю, я научу её готовить такой же.

Таркан сник. Ляля, какое странное имя, подумала я.

– Кстати, Таркан, ты Лялю не прячь. Вы давно вместе не приезжали, – заметила Ника.

– Ну, она не очень любит выходить куда-то последнее время.

– Что врач говорит, когда роды?

– Через месяц где-то. Она сейчас к врачу поехала, может что прояснится.

Катя раскладывала запечённую свинину по тарелкам. А мне есть расхотелось. То ли суп был калорийным, то ли разговор расстроил.

Когда очередь дошла до меня, я покачала головой.

– Спасибо, я сыта. Мама приучила за обедом: или первое, или второе, но никак не всё вместе.

– Я выдавила улыбку. – Фигуру надо беречь.

Катя всё ещё стояла возле меня, всем своим видом показывая, что я проявляю неуважение.

– Я салатик поем, – примирительно сказала я, глядя на тарелку с овощами.

Катя передвинулась к Таркану, который от мяса не отказался.

– Авдотья, расскажи нам про маму, – попросила Ника.

И я, радостная, что мы ушли от темы про невесту и роды, начала. А про маму я могу говорить долго. Даже за телефоном сбегала, чтобы Нике фотки показать. Когда мы с Тарканом склонились над экраном, наши тела соприкоснулись, и я снова поняла неизбежное.

После обеда Таркан куда-то уехал, предварительно бросив на меня вопросительный взгляд, я кивнула в ответ и отвернулась. Мы остались с Никой вдвоём.

– Ну что, Авдотья, пойдём-ка мы с тобой в библиотеку. Поговорим, для чего я тебя вызвала. Или ты устала после моря?

– Нет, – мне хотелось побыстрее покончить с этим. Я не люблю тайн, и мне не терпелось задать Нике мучившие меня вопросы.

Ника поехала в своём кресле вперёд, я пошла за ней по коридору. Мы оказались в уютной зале. Панорамные окна открывали вид на гору, поросшую зелёными деревьями. Две боковые стены заполнены книгами. Собрания сочинений, строго подобранные по цвету.

– Ох, как красиво, – я подошла к окну, возле которого удобно расположились два кресла.

– Моя любимая комната. Люблю читать, глядя на горы. Читать и думать над своей уходящей жизнью. Когда сидишь здесь, понимаешь, как много ошибок сделано. – Ника посмотрела на меня. – Ну, устраивайся поудобнее, Авдотьюшка. Разговор серьёзный будет. Катюша нам кофе сюда принесёт. – Ника так ловко перелезла из своего кресла, что я даже не успела предложить свою помощь. Села напротив и уставилась в окно. Я как-то раньше не задумывалась, что горы люблю.

Ника сцепила руки на коленях и тоже смотрела в окно, словно забыла обо мне. От этой паузы стало страшно. Появилось ощущение, что сейчас я узнаю что-то такое, после чего никогда не буду прежней. Ноша, которую несла эта сильная женщина, станет моей. Мне отчаянно захотелось сбежать. Даже не к Таркану, а из этого города, к маме. К своей московской беззаботной жизни. Дверь открылась: появилась Катя, она везла золочёный столик на колёсиках. Белый с золотом кофейник, такие же чашки, молочник. На белых блюдцах по кусочку яблочного пирога со взбитыми сливками. Не произнеся ни слова, Катя вышла, закрыв дверь. Я взяла чашку с кофе и сделала большой глоток. Обожаю корицу и такой крепкий горячий кофе.

Ника к кофе не притронулась. Медленно повернула голову, и я удивилась, куда вдруг делась её красота и ухоженность. Сейчас я видела перед собой очень пожилую женщину с мудрыми грустными глазами. Голубая блузка, на которую я только сейчас обратила внимание, подчёркивала уставшую от жизни синеву её глаз. Вздохнув, она достала из кармана кремовых брюк потёртую коричневую коробочку. Провела по ней пальцем, словно прощаясь.

– Ты что-нибудь знаешь о своей прабабушке?

– Очень мало. Знаю, что после того, как у неё ушёл муж, она ... э-э-э немного ну... – Я не решалась, сказать с ума сошла.

– Знаешь цветок Иван да Марья? Что-то вроде попугайчиков неразлучников. Символ верности. – Я кивнула. – Так звали твоих прабабушку и прадедушку. После расставания мир для Марии перестал существовать. Ей было сорок семь, дочерей они уже вырастили, а

жить для себя без своего Ивана она не хотела. Мария замолчала и перестала выходить из дома. А жизнь ей была уготована долгая: умерла она в девяносто лет. Целыми днями сидела и смотрела перед собой.

– Ужас, – высказала я.

– Я думаю, ей было необходимо уединение, чтобы понять те знания, которые открывались перед ней. Сидела, подобно отшельнику, только не в горах, а в доме. Мария была последней женщиной в нашем роду, у которой была семья и две дочки. Позже, ты знаешь, мужчины у наших женщин не задерживались, и рождалось по девочке. Так было, пока не появилась ты. Мария умерла, когда ты родилась. Почти сразу же. Её как будто отпустили.

Меня уже слегка потряхивало. Да и кофе остыл. Я подлила себе из кофейника, заметив, что рука моя дрожит. А Ника продолжила тем временем.

Дочки перекидывали Марию друг другу. Тяжело им было видеть её такой. Несли свой крест по очереди. Марии, впрочем, всё равно, где жить было: в Москве или в Сочи. Она из дома не выходила. Встанет, умоется, зачесет волосы в пучок и на стул сядет. Если её не покормить, то и о еде не вспомнит. Последний раз, когда её привезли, она вдруг сказала: больше меня в Москву не возите. Дело у меня есть. Похороните меня в этой земле.

Все удивились, конечно, что она, вообще, рот открыла. Добиться от неё, какое дело, не удалось. Мария снова ушла в свой мир. Ну и махнули на неё рукой.хлопот она, впрочем, никаких не доставляла, сама себя обслуживала. А потом вдруг резко стала сдавать. Как-то не смогла с постели подняться и кашлять начала. Тут-то уж пришлось нам дежурить у неё. И вот однажды вечером, все на концерт пошли, а я с ней осталась. Взяла книжку, села на стул рядом. Мария лежала с закрытыми глазами, руки на груди сложила поверх одеяла. Как-то мне не по себе было от её рук. Раньше она так не делала. А я устала после работы и задремала. Проснувшись от того, что она холодной рукой меня касается.

– Что, бабушка? – встрепелась я.

А она ласково так говорит:

– Хорошо, что ты сегодня со мной. Ты последнее желание моё исполнишь.

– Да что вы, бабушка? – перепугалась я.

– Время моё пришло, наконец-то. Устала я от этой жизни. И вот отпускают меня. Ты возьми в моей тумбочке, в платочке, в самом дальнем углу, коробочку. Я полезла в тумбочку возле её кровати и действительно нашла коробочку, перевязанную ленточкой.

– Открой коробочку, – попросила она. – Я открыла и ахнула. Золотое кольцо в форме веточки, а центре два больших бриллианта. Абсолютно одинаковых. Я этого кольца никогда не видела, а Мария и говорит:

– Иван мне подарил на помолвку. И сказал: два камешка – это мы с тобой: Иван да Марья. В моём сердце мы по-прежнему вместе. Его уж нет на этом свете, он там и ждёт меня. Там

нас ничто не разлучит. В этой жизни мы своё отработали, а вам это ещё предстоит. Ты должна отдать это кольцо седьмой девочке из нашего рода. Она уже пришла в этот мир. Замыкает она наш круг женских страданий. И только она может избавить наш род от проклятия. – Мне стало нехорошо. Буквально на днях нам стало известно, что мама твоя успешно разрешилась девочкой.

По этому кольцу я узнаю её, приду и расскажу, что она должна сделать. Кольцо надо носить на третьем пальце левой руки. В своё время каждая женщина из нашего рода придёт к ней и расскажет свою историю. А потом Авдотью ждёт испытание. Тут я не выдержала.

– Почему Авдотья?

Я точно знала: имя для девочки ещё не выбрали. Мама только сегодня спрашивала.

– Авдотьей её тогда звали и в этот раз назовут. Испытание ей будет такое же, как она тогда, двести с лишним лет назад, по слабости души не выдержала. Только в этот раз, если она не справится, ждёт её страшное наказание тела, а если справится и очистит наш род: получит в награду то, что женщина каждая желает. Ей самой принимать решение: надевать кольцо или нет. Если не возьмёт кольцо, проживёт жизнь долгую и благополучную, без счастья женского и материнского.

Мария начала задыхаться. Силы её были на исходе. Разговор этот, её, не говорившую, почти четыре десятка лет, измотал чрезвычайно. Я чувствовала, как она уходит.

– Лично в руки ей передай кольцо. Мы будем помогать ей, кто как сможет. Сила рода будет с ней. Я узнаю её по лучу, который будет идти из моего камня. Иван придёт по лучу из своего камня. Седьмая девочка будет знать все наши истории, все наши грехи.

К этому времени я уже не скрывала, что зубы мои клацали друг от друга, а я, обхватив себя руками, сжалась в комок, подтянув к груди колени.

Ника, между тем, открыла коробочку и положила кольцо передо мной на столик.

Бриллианты были огромными. Неприлично огромными. Я дрожать от такой красоты перестала и думать о плохом тоже. Прикинула, как бы оно смотрелось на моей руке. Веточка доходила бы до самой фаланги. Пожалуй, тут соответствующий дизайн ногтей. Только как ходить по улице с таким кольцом? Надеяться, что никто не подумает, что брюлики настоящие?

В общем, я влюбилась в кольцо, оно просилось на руку, именно на мой третий палец и вовсе не пугало. Тут мне пришла в голову мысль, что так выглядит искушение. В истории камни иногда убивали их владельцев. Мне тоже Мария предсказывало что-то страшное. Какую-то немощь тела, я взглянула на пьющую холодный кофе Нику. Вот не справлюсь и посадят в кресло-каталку. И какой мне будет смысл от кольца? А вдруг еще хуже: руки-ноги обрубят или Дауном сделают. Мозг отнимут. Нет, вроде мозг не грозили отнять. Мозг для меня это всё! Да и руки с ногами нужны. А то даже маникюр с педикюром некуда пристроить будет.

– Ты необязательно должна сразу принимать решение, – вернула меня в настоящее Ника. – Сроков нет.

– А можно подробнее, что за немощь тела? – спросила я.

Ника пожала плечами:

– Не могу знать. Но думаю: мало не покажется. Хотя бы переспи с этим одну ночь.

– А что изменится за одну ночь?

– Ты подумаешь. Авдотья, это не шуточки.

– Понимаю, – я не могла отвести взгляд от кольца. Ах, как сверкает, ах, как хорошо. На работе все бы умерли от зависти в один день. Вот я дурочка, о чём думаю?! Но это была странная особенность моего характера: после страха на меня нападала бесшабашность. Организм выключался, позволял делать глупости. Тормозов у меня не было.

Внезапно я снова покрылась мурашками. Фразу вспомнила, что они все ко мне придут. Как они придут, если они давно умерли? Их души? Ну не верю я в эту чушь. Жизнь одна. Но была одна вещь, которая мне не нравилась. Очень не нравилась. Мамин экстрасенс говорил тоже самое. Седьмая девочка. Только мне дано. Тут вдруг мой телефон запел карминой бураной. Такая мелодия у меня на маму стояла. Я на Нику посмотрела.

– Мама звонит, мне ответить надо.

Она кивнула.

Голос у мамы был никакой. Она даже не спросила, как я долетела.

– Мам, да что случилось?

– Виктор ушёл.

– Куда ушёл?

– Совсем, – ответила она ещё тише и всхлипнула: – Как все они уходят от нас.

– Мам, ну подожди. Он ещё вчера говорил, что справляется. Ручки тебе целовал.

– Позавчера, – поправила мама. – А вчера сказал, что какая-то сила заставляет его уйти. Даже вещи не собрал.

– Ну значит вернётся.

– Нет, сейчас позвонил, сказал, чтобы я выбросила вещи. Он меня любит, но рядом быть не может.

– Да и хрен с ним, мам. Ну сколько раз...

– Я люблю его, – заявила маман, – и жить без него не могу.

В голове звучала трагедия.

– Мам, ну, может, в спортзал сходишь? – Спорт маме всегда помогал. Эндорфины.

– Я торт купила, – заявила мама, – и съела половину.

А это было из рук вон плохо. Если маман ела сладкое, дело пахло серьёзным. Мой взгляд упал на кольцо. Похоже, вариантов у меня нет. Посмотрела на Нику. На кольцо. Мне показалось, или оно призывно сверкнуло синим цветом. Может, это Мария уже здесь? Мне снова стало не по себе.

– Мамуль, ты погоди вторую половину торта есть, мы тут вопросы решаем, – Ника ободряюще кивнула. – Лучше иди, побегай, а то Виктор вернётся, а ты поправилась.

– Да как он вернётся, если он сказал...

– Да мало ли что он сказал. Изменяться обстоятельства и вернётся. Так что надевай пока кроссовки. Ты же сама меня учила: мужчины уходят и приходят, а красота остаётся с нами.

– Я надеюсь на тебя, – сказала маман.

– Ушёл? – спросила Ника.

– Ушёл, – подтвердила я. – От Виктора я не ожидала. Всё-таки экстрасенс. Он тоже говорил про седьмую девочку.

И так мне обидно стало. Ну что за мужики такие, слабаки? А я надеялась на свадьбе у них погулять. Маман-то ведь даже замужем не была.

– Не осуждай его, Авдотья, – печально сказала Ника. – Они все от нас уходят. Так надоело одиночество. – Я посмотрела на Нику с подозрением. Уж не замуж ли она хочет? В восемьдесят лет?

Я посидела, подумала. Хотелось схватить это кольцо, натянуть себе на палец и была не была. Но что-то меня удерживало. Может, внимательный взгляд Ники или это предостережение о немощи. Неизвестно что там от меня требуют.

Ника протянула руку и взяла коробочку.

– Я понимаю, деточка, тебе маму жалко. Ты сейчас под впечатлением можешь неверный выбор сделать, а мне бы этого не хотелось. Давай всё до завтра оставим, и разговор наш закончим. Устала, прилечь хочу. Ты лучше сходи куда-нибудь, развейся. Машину возьми, если хочешь. Сочи прекрасный город для твоего возраста. Ты и заметишь не успеешь, как в него влюбишься.

Я вспомнила, что Таркан ждёт моего звонка. Действительно, что изменит один день? Вот проснусь утром и придёт решение. У меня так часто бывает. Даже сны иногда снятся с подсказками.

– Хорошо, – обрадовалась я. – Мне действительно хотелось бы осмотреть город.

Ника закивала, и такие глаза у неё стали озорные, словно она поняла, куда я собираюсь и была этому рада.

Глава 4

У себя в комнате я рухнула на кровать поспать полчасика, а проснулась в темноте. Но чувствовала себя отдохнувшей. Это было приятно. Сколько же времени? Нащупала на тумбочке телефон. Всего-то девять вечера. Подумала о Таркане. Блаженно потянулась, представила, как его руки обнимают меня.

Таркан снял трубку после первого гудка.

– Привет, – я сонно улыбнулась.

– Почему так поздно? Что-нибудь случилось?

Я вспомнила разговор с Никой, кольцо, мамин звонок. Ох, столько всего случилось, но у меня есть время до завтра, а ночь моя.

– Мы поговорили с Никой, а потом я заснула. Хотела на полчасика, а получилось на полдня, – я хихикнула. – Вредно пить шампанское на пляже.

– Ты пила с этим рыжим шампанское?

– А что здесь такого?! На море можно всё себе позволить.

– И что ещё ты себе позволила?

– Ну я только собиралась. Если для тебя не слишком поздно.

– Я ждал тебя полдня. Отменил все встречи.

Надо же. Он ждал меня. Приятно.

– Ну что ты молчишь? Где тебя забрать? К дому подъехать? Подъеду, позвоню тебе. Через сколько ты будешь готова?

Да я уже два дня, как готова.

– Э-э-э.. мне надо принять ванну.

– Примем вместе, если захочешь. – От этой мысли так меня накрыло, что телефон из рук вывалился на подушку, а когда я его снова к уху приложила, то услышала: – Выезжаю.

Я тут же вскочила с постели и понеслась в ванную. Тело должно быть чистым и благоуханным. Когда вышла, телефон разрывался.

– Имей терпение. Уже одеваюсь.

Я открыла шкаф и прошлась взглядом по вешалкам платьев. Ну что ж, поступим, как Шэрон Стоун в «Основном инстинкте». Только платье без всякого белья. Должна похвастаться: грудь у меня никаких парашютных лямок не требует. Ношу только для приличия.

Выбрала изумрудное платье с открытыми плечами и свободной юбкой в складку до колена. Провела щёткой по рыжим волосам, заправила прядь за ухо и улыбнулась. Выглядела я божественно. Наверно, из-за бушующего в глазах желания.

Взяла маленькую сумочку, босоножки на каблуках в руку и босиком пошлепала по лестнице. Только бы никого не встретить. В гостиной на моё счастье было темно, и я выскочила в сад. Южные ароматы, пение цикад и влажный горячий воздух, словно оставляющий на твоём теле поцелуй, напали на меня разом. Надела босоножки и выскользнула на улицу. Призывно мигнули фары припаркованного автомобиля.

Я запрыгнула на переднее сидение. В салоне играла музыка, чувственно плакал саксофон, хриплый женский голос пел о любви. Не успев сесть, я сразу оказалась в его объятиях. Его рука соскользнула с плеча под платье. Я замерла. Ещё мгновение и мы уже не сможем уехать, а я больше всего на свете хотела, чтобы за нами закрылась дверь всего мира, и мы остались вдвоём.

– Поезжай! Быстрее! – мягко освободилась я.

Когда мы свернули с нашей улицы, он сжал мою руку, и мы так ехали, рука в руке. Окна были открыты, манящий воздух добавлял желания нашим разгорячённым телам. Я снова подумала, что люблю Сочи.

Приехали минут через десять. Остановились перед высоким новым домом с круглыми балкончиками. Таркан, как положено, подал мне руку. Мы оба задрожали от соприкосновения. Вошли в подъезд, он поздоровался с консьержем, а я даже слова не могла вымолвить. Пока лифт ехал, мы пожирали друг друга взглядами. Таркан был в голубой рубашке, которая оттеняла его тёмные волосы и смуглую кожу. Мы прошли несколько шагов по коридору, он отпер дверь и пропустил меня вперёд. В квартире было темно, свежий ветерок играл шторой. Я повернулась к нему. Его горячие руки скользнули под моё платье, и он зарычал от восторга, почувствовав, что преград больше нет.

Преград между нами действительно не было. Каждый кусочек кожи казался священным. Никогда в жизни я не чувствовала такой опьяняющей свободы и счастья, лаская мужчину и принимая его всего.

Зарываясь в мои волосы, Таркан прошептал мне на ухо:

– Всю жизнь я мечтал о таком и не верил, что это существует.

Я повернула к нему голову, поцеловала в висок.

– Теперь веришь?

– Да, теперь я могу жить.

Вот она, мужская логика. Моей, женской, казалось, что после этого жить невозможно. Друг без друга, во всяком случае.

– Значит, теперь ты можешь спокойно жениться? – вырвалось у меня.

Таркан вздрогнул, словно я упомянула о наказании, о котором он забыл.

– Авдотья, не вспоминай сейчас об этом. Я должен жениться.

– Ладно, – я отвернулась.

Он прикусил моё ушко.

– Если бы ты знала...

– Расскажи.

– Нет, это только моё. Я его и нести буду всю жизнь. А ты ещё будешь счастлива, рыженькая моя. Тебя будут носить на руках. Всё у тебя будет. Поверь мне. Вот после меня и начнётся, – от его слов исходила уверенность, от которой я успокоилась. Даже спать захотелось. Я зевнула.

– Поспи, солнышко моё рыжее, – его рука гладила мои волосы.

– А где мы сейчас? – сонно спросила я.

– Это моя квартира. Никто нас не побеспокоит. Утром я тебя отвезу к Нике.

Я придвинулась к нему, чтобы захватить своим телом, как можно больше его тепла. – Он обнял меня рукой, и я провалилась в сон.

Проснулась, когда Таркан ещё спал. Повернула голову, любуясь совершенным произведением, возлежащем на подушке. Нет, для мужчины просто невозможно быть таким красивым. Я выбралась из-под его руки, от чего он вздохнул, но не проснулся. Квартира была однокомнатной, но очень уютной. Большая кухня-гостиная с круглым столом и венскими стульчиками. Из панорамных окон открывался вид на море, пальмы и коттеджи, утопающие в зелёных садах. Всё было светлым, солнечным и отмытым, словно стёкла в квартире после зимы. Я открыла холодильник и, достав оттуда пакет с соком, с жадностью выпила целый стакан. Часы показывали семь утра. Я снова зашла в спальню. Таркан спал на спине, безмятежно улыбаясь. Комната ничего не говорила о хозяине: здесь не было ни книг, ни фотографий, ни милых безделушек. Большой телевизор у стены на тумбочке. Журнальный столик. Одну стену занимала гардеробная комната. Я отправилась в ванную и приняла душ. Когда вышла, завернутая в полотенце, Таркан уже проснулся. – Ты такая красивая, словно белочка. Иди ко мне.

– Тебе разве не надо на работу?

– Я вольный художник.

Не заставив себя ждать, я прыгнула в постель. Кто бы мог подумать, что после вчерашнего мы можем уже соскучиться?! А потом я, накинув его голубую рубашку вместо халата, пила вкусный горячий кофе со сливками без сахара.

– Может, яичницу тебе пожарить? – Таркан заглянул в холодильник. – Яиц нет. И вообще ничего нет, – он улыбнулся. – Я редко ем дома. Напротив есть неплохое кафе.

– Я поеду завтракать к Нике. Катя готовит изумительные блинчики. Боюсь, только она неправильно воспримет, что я не ночевала дома.

– Но это не повод оставить тебя голодной, – засмеялся Таркан. – Ты позавтракаешь, искупаешься, а я сделаю кое-какие дела и позвоню.

Он говорил э так спокойно, словно мы будем встречаться через месяц и через год. Но мои внутренние часы уже начали бить тревогу. Один день прошёл, сколько ещё осталось до свадьбы? А потом я вдруг вспомнила про маму и про кольцо, которое вовсе не обручальное, но ждёт меня. Я погрустнела. Даже море, на которое смотрела из окна, перестало радовать. Может, надо ограничиться этой встречей? Не привыкать, чтобы не рвать по больному с ошмётками кожи? Ладно, после подумаю. Допила кофе. Натянула платье. С утра без белья я казалась себе развратной.

В машине ехали молча, Таркан хмурился, даже музыку не включил. Я посматривала по сторонам, удивляясь то цветущим пальмам, то кипарисам и пыталась приучить себя к мысли, что печалиться мне не о чем. По крайней мере, на этот раз не будет исчезновения поклонника по непонятным причинам. Правила объявлены. Но теперь хотелось вопрошать: зачем мы встретились? Я повернулась к Таркану и задала ему этот вопрос. Он нахмурился ещё больше. Повернулся ко мне, как всегда не сбавляя скорости:

– Белочка, ты слишком хорошая для меня, и я был бы счастлив с тобой. А я должен страдать!

– Но почему?

– Неужели ты думаешь, что после того, как я убил брата, которого все любили, Бог оставил меня на свете для радости?

Таркан наклонился и поцеловал меня.

– Беги!

Хорошенькое дело. Калитка заперта, придётся звонить. Откроет Катя.

– Неудобно как-то звонить.

– Ну ты же взрослая девушка. Скажешь, была в гостях. Здесь у тебя подруга.

– Спасибо, сама бы не догадалась так изысканно соврать, – я хлопнула дверью автомобиля и протянула руку к звонку. Вдруг калитка отворилась: оттуда вышел мужчина в рабочей одежде. Какая удача. Проскользнула внутрь. Мне повезло: Кати поблизости не оказалось. Не переводя дыхание, взлетела к себе в спальню. Настроение стало лучше. Приняла душ,

переоделась в купальник, спустилась вниз. С кухни доносился запах жареного. Появилась Катя с подносом в руках.

– Доброе утро!

– Доброе! – лицо у Кати было непроницаемое. Если моё ночное приключение обнаружено, то она об этом говорить не собиралась. – Сейчас Нике завтрак отнесу и вернусь.

– Я поплаваю.

– Вам блинчики или яичницу?

– Блинчики.

– Принесу к бассейну.

Я с бортика прыгнула в бассейн и энергично проплыла туда-сюда. Как же здорово иметь бассейн и сад. Солнце каждый день. Хорошо жить в Сочи. Вот приехала бы я сюда отдыхать на две недели. Я вылезла на солнце и решила сделать несколько упражнений, а то растолстею. Когда появилась Катя, я усиленно отжималась. Катя на это никак не отреагировала. Поставила поднос на столик и сухо пожелала приятного аппетита. Видимо, знает, что я дома не ночевала и догадывается с кем была. Ладно, я сюда не за тем приехала, чтобы нравиться. Взяла поднос, села на край бассейна и сделала глоточек кофе. Кофе был великолепен. А вот блинчики оказались не такими вкусными, как вчера. Осилила только два. Видимо, мамино здоровое питание вошло в мою плоть. Кстати, надо позвонить маман. Надеюсь, она в спортзале. Вернулась в свою комнату и вышла на балкон с телефоном.

– Привет, как ты?

– Никак, – грустно ответила маман. – Ночью плохо спала, в спортзал не пошла. А сегодня свадьба, нужно настроение, чтобы народ завести, а у меня и на саму себя сил нет.

– Мам, ты не кисни, а? Он хоть и экстрасенс, но тебя не стоит. И был бы настоящий экстрасенс, всех бы заколдовал и остался со своей принцессой.

– Что ты понимаешь?! Тебе ещё никто по-настоящему не нравился, – вздохнула мама. Виктор был замечательным, но и он ушёл.

Слышать маму в таком настроении было трудно. Я привыкла: она весёлая. Вдруг поняла, что надена кольцо. Никуда от этого не деться. Ради мамы.

– Мамуль, подожди, я сейчас расскажу тебе историю.

Вкратце, не вдаваясь в подробности обещанной мне немощи тела, я передала разговор с Никой.

– Ой, Дуняра, неужели правда, что ты можешь всё исправить? – в мамином голосе появилась надежда. – Мне бы так хотелось, чтобы ты вышла замуж и родила ребеночка. И чтобы Виктор вернулся.

– Я постараюсь, – бодро ответила я. – А ты сходи в спортзал. Тебе сразу станет лучше. Никуда не денется твой Виктор.

– Тренер звонил, сказал: нельзя нарушать режим тренировок, – в мамином голосе появились деловые нотки. – И что я раскисла, если у меня такая замечательная дочь?!

Закончив разговор, я собрала пляжную сумку и вышла в гостиную. Ники не было и даже Катя скрылась из виду. Схожу, искупаюсь, решила я, а за обедом потребую кольцо. Решение принято!

Вчера мне казалось, что это невозможно, но народу на пляже ещё прибавилось. Даже пляжные зонты были заняты. Пришлось расстелить полотенце на солнце и отправиться купаться. Плавала я хорошо, даже в школе в соревнованиях участвовала, поэтому распугав компанию обладателей матрасов баттерфляем, я быстро оказалась возле буйков и, перейдя на брасс, превысила ограничительную полосу, которая показалась мне несправедливо короткой. Через некоторое время раздался оглушительный вой сирены, и мужской голос с пляжа через рупор заявил, чтобы девушка в розовом купальнике вернулась в купальную полосу. Я недовольно посмотрела в сторону берега: похоже, вой, который усилился, относился ко мне. Это же надо: спутать лососёвый купальник с розовым. Ну ладно, хуже, что мне не дали нормально поплавать. На Бали, вообще, хоть на середине океана плавай. Пришлось плавать вдоль буйков. Когда я вышла, чуть не вскрикнула об ущемлении прав: рядом со мной справа и слева лежали люди на подстилках, а их дети забрасывали камни на моё полотенце и топтались по нему ногами. Шугнув детей, я легла, намереваясь посмаковать в памяти прошедшую ночь, но на меня наступили, окатили водой из детского ведёрка и... даже извинились, оторвавшись от бокала пива. Я села и зевнула. Ночь была слишком короткой для сна, и я решила двигаться в сторону дома, чтобы вздремнуть в ожидании Таркана.

В гостиной на своём кресле разъезжала Ника и разговаривала по телефону. Увидев меня, отодвинула телефон от уха:

– Авдотья, не уходи, выпей со мной кофе.

Я бросила сумку на пол и плюхнулась на диван. Выпью кофе, возьму кольцо, – я пристроила голову на подушку дивана... и провалилась в сон.

– Вот вам и доказательство, что она дома не ночевала, – услышала я приглушённый голос Кати.

– Да мало ли где она была?! – возмутилась Ника. – В Сочи столько интересных мест. Не сидеть же ей дома.

– А я вам говорю: она была с ним.

– И что?! – Ника провела рукой по моим волосам.

– Как что?! У него свадьба через десять дней. К чему это?

– Ах, Катя. Я против этой свадьбы, ты знаешь. Таркан не должен брать чужие обязательства.

– Ну раз уж взял, пусть держит слово. И Авдотье это ни к чему.

– А я вот думаю: вдруг она сможет его переубедить жениться.

От удивления я открыла глаза.

– Простите, разморило на солнце, – я зевнула, сделав вид, что ничего не слышала.

Катя тут же ретировалась, а Ника ласково посмотрела на меня.

– Тебе лучше поспать.

– Уже поспала, – я потёрла глаза. – Я всё решила. Надену кольцо.

Мне хотелось крикнуть: несите, пока я не передумала, но Ника сама резво закрутила колёсики по коридору. Так же быстро вернулась.

– Мария сегодня приснилась: сказала, чтобы я тебя не отговаривала, – Ника протянула мне коробочку с кольцом.

Я открыла, чувствуя, как бьётся сердце. Посмотрела на кольцо и замерла от восхищения. Как прекрасно, когда такое кольцо на помолвку дарят. Мне не суждено. Не поднимая глаз, чувствовала, как на меня смотрит Ника. Я быстро вытащила кольцо и надела на третий палец. Вздохнула. Ну всё, отступать некуда. Ника смотрела на меня с благоговением.

– Девочка моя, если тебе что-то понадобится, проси, что хочешь. Я думала, ты испугаешься.

– Я не из пугливых, – посмотрела на Нику и вдруг поняла, что у неё есть надежда. Я как будто в мысли её проникла и увидела его. Красивый, пожилой, глаза голубые в лучиках морщинок. Она его Колечкой называла. Тоскует по нему до сих пор.

– Его Николай звали, да? – вырвалось у меня.

– Да, а что?

– Голубые глаза, высокий. Стройный. Шрам на щеке, ближе к подбородку. Он сожалеет о том, что ушёл, но не может вернуться. Пока не может. Так обстоятельства складываются. И ещё ему стыдно, что он испугался вашей болезни.

Я выпалила это так быстро, словно в бреду находилась. Ника смотрела на меня, как на провидца. Ага. Кажется, Виктор говорил, что я очень скоро стану всё чувствовать. Ну вот и приехали.

– Авдотья, расскажи ещё про него. Как он?

– Не знаю, – покачала я головой. – Как-то больше ничего не показывают, – я вспомнила, как закатывала глаза, когда так говорил Виктор. Однако, «показывают» очень точное слово. Лучше не придумаешь.

– Ну ладно, деточка. Я ведь знала, что он хороший, несмотря на то, что бросил меня. Испугался. Я так и думала. – Ника взяла мою руку и погладила кольцо. – Ты справишься и будет у всех счастье, и у тебя тоже.

Моё счастье женится уже меньше чем через две недели. Внезапно я поняла, что надела кольцо ещё и для того, чтобы не сходить с ума и не надеть глупостей. Теперь у меня есть миссия, надо жить ради этого. К маман вернётся её Виктор, к Нике Колечка. Внезапно я вспомнила, что Ника перед этим про Марию рассказывала.

– Вы говорили, что Марие плохо.

– Время, когда она могла оставаться в промежуточном мире, чтобы общаться с нами, закончилось. Теперь, чтобы остаться, нужно платить.

– Чем платить? – я вспомнила давно прочитанного Данте. Семь кругов ада. Но это же вымысел.

– Душа расплачивается по-своему. Пока у Марии было покровительство, скажем так, высшего звена, её ограждали от низменных душ, а когда она пошла наперекор программе, сама должна справляться. Теперь душа Марии попала в плен к другой душе, более сильной, и та заставляет её работать на свою семью, которая живёт за счёт преступлений. А Мария осталась, чтобы помочь нам. Понимаешь?

Понимала я на самом деле одно: попала по крупному. Меня заставили вторгнуться в мир потустороннего, от которого я всегда держалась подальше. Ну, в общем, чего избегаешь, частью того и становишься. Это Виктор частенько цитировал. И что ещё поганенько: этой жизнью всё, похоже, не заканчивается. Впрочем, я пока Марию и прочих родственников не увижу, не поверю. Я посмотрела на кольцо, и оно вдруг так сверкнуло, что я прищурилась и стала озираться по сторонам. Может, кто появится?

– Что такое? – спросила Ника.

– Да так, показалось. Я, пожалуй, прилягу. От солнца разморило.

– Конечно, я понимаю, тебе тяжело от всего этого.

– Нормально, пока справляюсь, – я подхватила сумку и пошлёпала к лестнице. Спиной чувствовала, что Ника смотрит мне вслед так, как смотрят на уходящего в дальний путь. Мне показалось, она меня перекрестила.

У себя в комнате, даже не разобрав сумку, чтобы просушить купальник, я рухнула в постель и тут же заснула. Разбудил меня звонок.

– Рыженькая моя, боюсь, мы сегодня днём не встретимся, – голос Таркана звучал грустно, но ласково.

Я вздохнула. Ну что ж, кольцо надела и конец удовольствиям.

– Что-то случилось? – поинтересовалась я, хотя уже знала, с кем это связано.

– Она сегодня у врача была, и ей порекомендовали лечь в больницу. У ребёнка участилось сердцебиение, за ним надо понаблюдать. Её даже домой не отпустили. Мне надо собрать вещи и снова поехать туда. Ну и ещё... – его голос звучал как-то виновато: она просила, чтобы я побыл с ней. Ей страшно.

– Ну страшно, так побудь, – как можно нейтральнее сказала я, пытаюсь скрыть разочарование.

– Но я могу заехать за тобой часиков в десять. Я соскучился.

Я молчала. Ужасно хотелось согласиться, ведь время-то идёт, но моя гордость протестовала. Он, значит, уложит беременную жену спать, погладит по животу и ко мне сексом заниматься. Как-то это... Даже слова не могла подобрать. Я подняла руку, и кольцо так сверкнуло, словно предупреждало о чём-то. А в голове мысль возникла: Мария сегодня придёт. Надо дома быть.

– Знаешь, я не смогу, – услышала я свой голос, как будто со стороны.

– Не сможешь?! Ночью? У тебя какие-то планы?

– Да, ко мне тут должны прийти.

– Тот рыжий с пляжа?

Я засмеялась. У мужчин своя логика, базирующаяся на ревности. Ну не рассказывать же правду, в которую я сама не верила. Вот останусь дома и посмотрю: придёт Мария или нет.

– Это другой человек. Женского пола. Родственница.

То есть была, женского. А какого пола душа я не знала.

– А почему ночью?

– Работает много, – соврала я. – Сейчас все много работают, ты же знаешь.

Таркан немного успокоился.

– Ладно, белочка, мне идти надо. Я тебе завтра позвоню и постараюсь освободиться пораньше.

Мы попрощались. Как только повесила трубку, поняла, что хочу к нему. Эта ночь исчезнет и больше не повторится. Я устроилась на подушке, глядя на синее сочинское небо. С тех пор, как приехала, ни одного облачка не видела. Как-то несправедливо даже. Я вот в Москве каждый лучик солнечный ловлю, а тут ... Всё несправедливо. И то, что Таркан занят в такой хороший день. Надо же было. Видимо, его невеста что-то почувствовала и тут же соорудила преграду. Удивительно, как женщины умеют использовать детей, даже неродившихся, чтобы манипулировать мужчинами.

Снова зазвонил телефон, на этот раз на экране высветилась фотка моего начальника с бокалом вина. Вид у него там был пьяненький – он, когда увидел себя в таком виде,

потребовал удалить немедленно, – а я выставила её на звонок. Мне всегда нравилось противоречить начальству. Не будь я таким классным спецом, мне бы не поздоровилось.

– Авдотья, день добрый! – голос у Антона Антоновича был слишком деловым. – Нужна твоя срочная помощь. У нас сайт слетел. Говорят, кто-то специально решил навредить нашей компании. Как раз когда мы столько денег вбухали в рекламу, и телефоны разрывались от звонков. А сегодня всё встало.

– А Вадим не может справиться? – ехидненько заметила я.

Вадим был нашим вторым программистом, то есть он был первым, с начала основания компании, а потом уже наняли меня. Я его ошибки переделывала, и он меня тихо и громко ненавидел за мозг.

– Вадим не может. Я, вообще, не понимаю, зачем его держу.

– А уж я-то тем более.

– Ладно, поговорим, если всё исправишь до завтра. У тебя всего одна ночь, Авдотья, и провести ты её должна с ноутбуком в обнимку, а не с каким-нибудь там южным парнем. Ты понимаешь?

– За одну ночь могу не справиться. Надо посмотреть, что там.

– Надо! Пожалуйста. Ты знаешь, я умею быть благодарным.

– Ладно, я посмотрю и перезвоню.

Я потянулась: пришло моё спасение. Работу я свою обожала, а такие ситуации, когда никто не знает что делать, особенно. Я вскочила с кровати, натянула шорты, топик и вытащила свой любимый серебристый мак из сумки. Интересно, а у Ники есть вай фай? В любом случае, надо идти. Если вай фая нет, пойду в кафешку.

Я спустилась вниз. В гостиной пахло выпечкой. Катя поливала цветы.

Я потянула носом. Если бы у нас с маман была такая домоправительница, ни один тренер бы не справился.

– Вы не знаете, здесь проведён интернет? – я старательно игнорировала запах и сглотнула слюну.

– Конечно, знаю, – Катя посмотрела на меня с прищуром. – Здесь есть интернет. Пароль – день и год рождения Ники.

– Э-э-э я не очень хорошо помню.

– Или никогда не знала, – ответила Катя, подходя ко мне. – Двадцатое августа, одна тысяча девятьсот тридцать седьмого года.

– Спасибо, я запомню. А у бассейна интернет берёт? – поинтересовалась я.

– Берёт. Ника часто там работает.

– О, вот и мне надо поработать.

– И кем же ты работаешь? – Катя отвлеклась, чтобы посмотреть на меня.

– Программистом.

– Никогда бы не подумала. Мой сын тоже программист, – она посмотрела на меня с уважением. – Ты у бассейна будешь?

– Да, поработаю на свежем воздухе.

– Я тебе булочки с вишней туда принесу. Только что напекла. У Ники сегодня подруга в гости придёт, она их очень любит.

Надо было, конечно, отказаться, но я не смогла. Когда предстоит сложная работа, мой мозг требует чего-нибудь сладенького и никакие фрукты, которые подсовывает мне маман, не помогают.

Булочки оказались восхитительными, так же как и чай с имбирём, мёдом и лимоном, которого Катя принесла целый чайник. Мне захотелось позвонить маман и, включив видео, показать, как я работаю. Откусывая булочку и, повизгивая от удовольствия, я открыла сайт. Действительно ничего не работало. Я начала охоту. Строчку за строчкой я тестировала и проверяла и ничего не могла найти. Опомилась только тогда, когда на небе появилась луна. Передо мной стояла пустая тарелка из-под булочек, пустая чашка и холодный чайник. Не может быть, чтобы я всё съела?! – удивилась я и вдруг поняла причину сбоя сайта. Один из наших постоянных клиентов, каким-то образом, а я думаю нарочно, немного подгадил, когда отправлял форму регистрации. Исправив несколько строчек, у меня всё заработало. Для программиста это счастье. Ну почти, как оргазм. Я взвизгнула и в чём была, прыгнула в бассейн, подняв тучу брызг, забыв забанить злодея. Блаженно погрузив разгорячённые мозги в прохладную воду, я растянулась на спине, глядя в тёмное южное небо с россыпью звёзд. В такие минуты мне хочется стать космонавтом. Это момент победы мозга.

Когда я вылезала из бассейна, не чувствовала ночной прохлады. Несмотря на мокрые шорты и прилипшую к телу майку, я набрала номер начальника.

– Пообещай мне, что ты уволишь этого недоумка? Всё было так просто. Мне потребовалось – я хихикнула – съесть лишь несколько пирожков, чтобы понять, кто всё испортил.

На самом деле мне потребовалось несколько часов, но это не важно.

– И кто это? – голос Антона звучал напряжённо. – Хотя не важно. Сайт работает?

– Принимай звонки, сейчас посыплются.

– Авдотья, я всегда говорил: ты чудо.

– Этого мало, – я хихикнула. – Всегда было мало. А сегодня особенно. Сначала ты должен его уволить. Потом я назову злодея.

– Но я не могу. Он друг моих друзей.

Мы ещё немного попрепирались, и я снова прыгнула в бассейн. Там определённо было теплее, чем на воздухе. Я улыбалась звёздам и снова признавалась в любви к этому городу. Когда вылезла, передо мной появилась Катя с огромным полотенцем.

– Ника меня прислала, – недовольно сказала она. – Боится, что ты простудишься. Окна её комнаты сюда выходят. Она работает и смотрит, как ты развлекаешься.

– Спасибо, – я закуталась в полотенце с головой и начала приплясывать на месте.

– Может, тебе ещё чаю горячего?

– Лучше вискарика.

– Чего? – сдвинула брови Катя.

– Ну, виски-то в доме есть?

Маман держала большой бар. Пила она очень мало, – в алкоголе слишком много калорий – но любила смешивать коктейли по разным модным рецептам. Гости от этого балдели и засыпали, где придётся.

– Хотя нет, я лучше кататься поеду.

У Кати даже рот приоткрылся.

– Что, значит, ты поедешь?

– Ну, мне же дали Канарейку, то есть машину? Ника дала. Таркан научил ездить. Хочу прокатиться по Сочи. Не спать же ложиться. Такая ночь. Такая луна. Принесите ключи.

– Ну нет, только через мой труп, – решительно заявила Катя. – Выпить я тебе налью, но ключи от машины ты не получишь.

Когда Катя ушла, я сняла мокрую одежду и завернулась в полотенце. Прилегла на шезлонг. Появилась Катя с пузатым бокалом виски.

Я потягивала виски и смотрела на звёзды. Допивая последний глоток, почувствовала, что тяга к приключениям ослабла, и я хочу спать.

Глава 5

Проснулась я в шесть утра. В Москве бы ещё спала и спала. И что делать в такую рань? Потянулась. Взгляд упал на кольцо на пальце. Ночь прошла, а Мария так и не появилась и даже не приснилась. Может, всё это глупости? Плод воображения Ники? И что я тогда здесь

делаю? На этот вопрос в моей сонной голове появилась мысль: я люблю Таркана. От этого я слегка дёрнулась. Придёт же такое в голову?! Этот мужчина очередной любовник, пребывание которого в моей жизни скоро закончится, и я сейчас не хочу о нём думать. Я босиком прошлёпала на балкон. Посмотрела на море. И тут я поняла, что нужно пойти искупаться. С утра народу много не будет. Я натянула купальник и шорты, прихватила пляжную сумочку. Спустилась вниз. Похоже, даже Катя ещё не встала. Ну и ладно. Блинчиков мне не хотелось. Только кофе. Выпью в кафе на пляже, решила я.

Напрасно надеялась, что я единственная, кто рано просыпается. Народ уже присутствовал. Не так много, как вчера, но прилично. Я пробралась к берегу среди любителей раннего загара, бросила сумку и зашла в воду, поёживаясь. Вдоволь наплававшись, я выбралась на берег и не сразу нашла свою сумку. Вокруг неё всё было застелено полотенцами. Видимо, я зря не заняла место. Впрочем, мне всё равно не хотелось лежать. Я отжала волосы, повязала красное с жёлтыми цветами парео и отправилась в кафе. Выпив кофе, я снова почувствовала себя счастливой. Наблюдая за прибывающими людьми – вот понаехали, так понаехали! – я размышляла, чем заняться. И тут позвонила маман.

– Не разбудила? – поинтересовалась она.

– Нет, я уже искупалась. Здесь как-то не спится.

– Молодец какая. А я вот только встаю. Вчера поздно свадьба закончилась.

– И как прошло?

– Все в восторге от меня, кроме меня самой, но я звоню не за этим. Сегодня ночью мне приснился сон, и я поняла, что должна рассказать о твоём отце.

– Что?! – удивилась я.

Конечно, как и всякая дочь, которую вырастила одна мать, я задавала вопрос, кому принадлежит отчество в паспорте, маман не хотела даже говорить на эту тему.

– Неужели? – не удержалась я от сарказма. – Что же это был за сон?

– Знаешь, это был даже не сон, а мистика какая-то. Мне показалось: я увидела свою прабабушку Марию. Она стояла возле меня и разговаривала со мной. Выглядела так же, как я её помнила.

Я выдохнула. Так вот почему Мария ко мне не пришла. Была в другом месте. От волнения у меня даже ладошки вспотели.

– Так вот, – продолжила маман. – Мария сказала, что поскольку ты рядом с ним, тебе нужно всё знать.

– Рядом с кем? – спросила я насторожённо.

– С твоим отцом.

– Он что, в Сочи?

– Да, – маман вздохнула. – Именно поэтому я больше никогда не ездила в этот город и не возила тебя. Мы вряд ли бы встретились, но я не хотела, чтобы воспоминания терзали меня. Я очень страдала, когда он исчез, оставив меня беременной. Я хотела замуж. Мы планировали жить в Сочи. Я полюбила этот город.

Похоже, это у меня семейное. Маман замолчала. Послышался странный звук, как будто она всхлипнула.

– Мам, ты что там? Плачешь?

– Отплакала уже. Пью воду. Так вот, твой отец, его зовут Владимир. – Я еле удержалась, чтобы не поиронизировать, что знаю своё отчество, но сдержалась. Тон маман мне как-то не нравился. Она была, как будто на взводе. – Я его называла Вовчиком. Ну, это к делу не относится, – оборвала она себя. – Живёт в своём доме на улице Загородная. Если хочешь, можешь сходить и посмотреть на него. Дом пять. Он такой же рыжий, как ты и кожа у него такая же белая. Он всегда обгорал на пляже. Я над ним смеялась: местный и обгорает.

– А ты уверена, что он живёт там до сих пор?

– Уверена. Он влюблён в свой город и никуда не собирался переезжать. Так мне и объявил, когда мы планировали, где жить. Хотя мог бы и ухватиться за перспективу пожить в столице. Ну, в общем, я просьбу выполнила, а ты сама решай, что с этим делать. Ты девочка взрослая. Мне можешь ничего не рассказывать. Я не хочу о нём слышать.

– Да что случилось между вами?

– Дуняра, я не хочу об этом говорить. Спроси у него. А мне пора в спортзал.

– Рада слышать, что ты снова занимаешься.

– А что делать?! – маман вздохнула. – Жизнь продолжается, а депрессия портит фигуру.

Мы попрощались. Я так разволновалась, что не знала, куда себя деть. Вот новость так новость. Этот город, похоже, сведёт меня с ума. Кроме всего прочего и папашка рядом. Я знала, что не удержусь и обязательно схожу на него посмотреть. Не зная столько всего, сколько теперь, я бы, конечно, злилась на него за маман, а сейчас не могу. Очень уж очень любопытно : что у них произошло. Пока я увлечённо разговаривала: кафе наполнялось проголодавшимися отдыхающими. Некоторые уже употребляли пиво и вино. Проходящий мимо официант спросил, не желаю ли я ещё чего-нибудь. Я отказалась, хотя мне и самой впору было что-нибудь принять, чтобы успокоиться, но приличные девушки с утра могут выпить только шампанского в компании. Расплатившись, я полюбовалась морем, со вздохом оглядела заполненный пляж и направилась по набережной. Внезапно мне захотелось посмотреть на дом, где живёт мой родитель. Вообще-то даже не родитель, а зачинатель. Я открыла Яндекс карты и обнаружила, что улица Загородная совсем рядом. Минут пять ходьбы от дома Ники. Вот сюрприз так сюрприз. Заходить я не собиралась. Ещё не придумала версию, как познакомиться. Не сваливаться же на голову, как в фильме:

«Здравствуй, папа. Я твоя дочь». Солнце припекало, я вытащила из сумки кепку и убрала под неё волосы. Вот погода так погода, не то, что в Москве. А ведь был у меня шанс родиться и жить в Сочи, если бы не карма рода. Размеренным шагом я дошла до Загородной. Улица поднималась в гору, пришлось подчиниться, несмотря на жару. Дом оказался белым двухэтажным коттеджем с открытой верандой. Забор высокий. Я уперлась взглядом в табличку: «Сдаётся комната». Вот это удача. И придумывать ничего не надо. Можно снять комнату и приходить сюда. Или переночевать как-нибудь, если комната приличная. В любом случае можно зайти и посмотреть. Я выдохнула. То ли я в гору быстро поднималась, то ли волновалась. А вдруг я сейчас зайду и увижу его. Интересно, какой он. Мама говорит, что рыжий. А вдруг он узнает... Ну нет, это же не в кино. Не в силах больше ждать, я нажала на звонок и сдёрнула с головы кепку. Вдруг родитель выйдет?! Вышла женщина с короткой стрижкой лет сорока с лишним. Лицо широкое, глаза голубые. Бесформенная футболка и короткие лосины не скрывали, а скорее прибавляли лишнего веса.

– Я на счёт комнаты, – быстро сказала я.

– Ах да, – её лицо стало приторно вежливым. – Проходите, пожалуйста. Комната замечательная чистенькая уютная.

Женщина провела меня на второй этаж по лестнице сбоку дома. Комната как комната. Из окна виднелся кусочек моря.

– А удобства где? – спросила я на всякий случай.

– Туалет и душ в конце коридора.

Пожалуй, я не стану здесь жить. Буду приходить работать, как в офис. Хотя, конечно, у бассейна мне работалось лучше. Теперь бы узнать про папашку. А вдруг он уехал или переехал.

– Моя подруга здесь отдыхала и мне порекомендовала. Только вот, она про Владимира – простите, отчество не запомнила – упоминала. Я правильно пришла?

– Это муж мой. Владимир Валентинович. А как выглядела ваша подруга?

– Блондинка. Невысокого роста. Катя.

– Не вспомню, наверно, – махнула пухлой ручкой дама. – Это муж мой всех помнит. Он их на экскурсии возит. Кстати, завтра пара семейная едет на Агурские водопады и вас могли бы прихватить.

– Я ещё не определилась с планами. – Давайте сначала с комнатой решим.

– Оставляйте залог за три дня и живите на здоровье.

От цены за комнату у меня округлились глаза, но отступать было некуда. Впереди знакомство с родителем. Я снова подняла глаза на женщину: эх, ну никак её с маман не сравнить. Прогодал ты, папашка. Я вытащила из кошелька пять тысяч и отдала женщине.

– Когда заедете? Сегодня? – спросила она, поспешно зажав купюру.

Я пока не собиралась ставить её в известность, что жить здесь не буду.

– Пока не знаю, – я улыбнулась. – Оставьте комнату за мной.

– Но мне надо бельё чистое постелить.

– Уже стелите, – я обернулась через плечо. – Я заплатила.

Мою спину проткнул недобрый взгляд. Никто не любит, когда его тыкают носом. А зачем тогда вопросы задавать? У тебя сервис или как?

Маман не спрашивает, когда игрища устраивать, она просто делает это. Руководит. Была как-то у неё на юбилее. Артистка, полностью владеющая вверенными ей на вечер душами. Она так зажигала, что я ей гордилась. Я разозлилась, пообещав себе, что проучу эту наглую штучку, которая вместо маман оказалась тут. На обратном пути заметила виноград, розы и беседку. Забор подпирали кусты рододендронов цвета фуксии. Да, таких участков в Подмосковье не бывает.

– А когда экскурсия, если я вдруг надумаю?

– Завтра в девять.

– Как рано, – вздохнула я. – А можно заказать персональную экскурсию в то время, которое мне удобнее?

– Это будет стоить дороже.

– Не важно, – я взмахнула ресницами. – Поздно ложусь, поздно встаю. Да, мы не познакомились. Авдотья.

– Лена, – протянула хозяйка. – Ну, звоните, если надумаете на экскурсию.

Замок лязгнул, отделяя меня от дома, в котором я могла бы родиться, если бы сперматозоид хозяина захотел стать чем-то большим, чем отчество Владимировна. Я вздохнула. По крайней мере, дорога вниз шла под горку. Солнце жарило вовсю. Я вытащила кепку из сумки и нацепила очки. Телефон снова зазвонил.

– Аа-в-до-ть-я, – услышала я голос Таркана. – Где ты, белочка? Надеюсь, не сильно обгорела? Я еду в твою сторону с большим зонтиком, чтобы защитить тебя от солнца.

– А что, твоя невеста тебя отпустила? – я возненавидела себя за эти слова, как только их произнесла. Я не имею права на ревность. Разве что меня извиняло знакомство с женой моего зачинателя. Разволновалась, не успела взять себя в руки.

– Ты ревнуешь?

– Вовсе нет. Просто день оказался ... забавным. Ты ни при чём.

– Я понял. Попал под руку. Готов побыть мальчиком для битья, если мы встретимся.

– Да, – выдохнула я, чувствуя шелест крыльев внутри живота. – Да! – сказала я громче, зачем-то ускоряя шаг, вспоминая, как ускользают отпущенные нам минуты. – У нас так мало времени... – я сделала паузу, подумав про себя, прежде чем ты меня бросишь, как бросил Владимир мою маму. Только я не окажусь беременной. Мне это не дано. На минуту я задумалась: а утешило бы меня, если бы я забеременела от Таркана? Нет! Я хочу его всего, и ребёнок меня никак бы не устроил.

– Где ты? – спросил Таркан.

Где я? Забыла улицу от волнения. И только название улицы на одном из домов подсказало мне.

– Улица Загородная.

– Что ты там делаешь?

– Ничего. Просто гуляла.

– Знаешь, эта улица мало подходит для прогулки, – удивился Таркан. – Может, ты ходила в гости к тому Рыжему?

– Нет, – я засмеялась. – Мы договорились с Рыжим, что он придёт вытереть мне слёзы через две недели. Нет, уже раньше. Ну, в общем, когда ты женишься.

– И ты займёшься с ним сексом?

– Почему тебя это волнует? У тебя будет первая брачная ночь. Ой, прости, не первая...

– Авдотья! Не говори о том, о чём ты не имеешь понятия.

– Ну все знают, что после свадьбы наступает ночь...

– И эта ночь у всех наступает по разному, – отрезал Таркан. – Я уже подъезжаю к улице Загородная. Где ты, наконец?

Я вдруг подумала, что выгляжу не очень. Потные волосы под кепкой, солёное обгоревшее тело и полный кавардак мыслей голове. Но желание увидеть его пересилило. Наши губы слились в поцелуе, как только я оказалась в машине. Как, вообще, мы сможем расстаться навсегда? Как он может жениться на другой, когда мы так подходим друг другу? Он перехватил мою руку и поднёс к губам, а потом уставился на кольцо.

– Ничего себе камешек. Ты с таким кольцом на пляж ходишь? Совсем с ума сошла, москвичка?

– Но я... должна с ним ходить.

– Кому должна?

– Не важно. Не спрашивай.

– Ладно, – удивился Таркан. – За такое кольцо башку могут оторвать.

– Ну не все подумают, что оно настоящее.

– Спецы не ошибутся. Ты не можешь его дома оставить?

Я задумалась. А что у нас в договоре прописано? Должна ли я ради спасения рода носить кольцо постоянно? И, вообще, где Мария? Почему вместо меня она пошла к маман?! Я, конечно, хотела узнать об отце, но почему всё свалилось на меня в одно время?

Таркан обхватил моё запястье, лаская ладошку большим пальцем. Это было так волнующе приятно, что мне хотелось застонать, но я лишь попыталась освободиться, что оказалось безуспешным. Его рука залезала под топик и шортики, пока мы стояли в пробках. Я изо всех сил удерживала стон и делала вид, что ничего не происходит, умирая от желания. А когда мы остались в лифте вдвоём, он прижал меня к стене с такой силой, что я думала лифт рухнет, и свадьба не состоится. Мне даже на мгновение показалось, что меня бы устроило, если бы мы сейчас умерли. Многие проблемы не пришлось бы решать. Хотя, судя по Марии, проблемы и на том свете не перестают беспокоить. Вообще, странно, что я начала думать в таком ключе.

Таркан вышел из лифта, увлекая меня за собой. Мы снова оказались в его квартире, где не успели дойти до кровати. Таркан взял меня на руки, я обхватила его ногами. Мне показалось, что наш одновременный стон донёсся до неба, до Бога, если он там есть, в одновременной мольбе оставить нас друг другу, и я тут же услышала, как Таркан выдохнул мне в ухо.

– Я люблю тебя, белочка.

– И я тебя. Ты не знаешь, как сильно. – Он бережно поставил меня на пол. Уткнулся носом в шею. – Я люблю тебя. Люблю.

Я не знаю, сколько раз, мы как до дети, дорвавшиеся до каруселей, произнесли за этот день это слово, наслаждаясь им и пытаясь освободиться от того, что оно значило.

В конце концов, Таркан откинулся на подушку и выдохнул в потолок:

– Не знаю, что делать. Никогда не думал, что это будет так тяжело. Разве я мог предположить, что судьба подсунет мне тебя?

– А если бы знал?

– Если бы знал, не влез бы в эту кабалу.

Итак, он проговорился. Брак для него кабала.

– Но ты можешь заботиться о ребёнке, тебе необязательно жениться.

– Я обещал, что стану настоящим мужем. Я обещал ей семью и сдержу слово.

Я высвободилась, посмотрела на мобильный.

– Только не говори, что тебе надо идти. Наше время исчезает, растворяется. Я тебя не отпускаю, – его губы захватили мои, я провалилась в блаженство. Потом, когда очнулась, прошептала:

– Ты понимаешь, что времени всё равно не хватит. Сколько бы мы не занимались этим.

Он мотнул головой, вновь целуя меня, погружаясь в меня. Растворяясь во мне.

– Я люблю тебя. Люблю. Ненавижу время.

Я не собиралась уходить, но меня как будто выталкивало из кровати. Да и, вообще, спать не хотелось, а ещё меньше хотелось приходить утром в дом к Нике, рискуя встретиться с Катей. К тому же Таркан заснул. Я вылезла из-под его тёплой руки, включила свет в коридоре, где нашла свою одежду и пляжную сумку с мокрым купальником. К тому же я испытывала жуткий голод, что было неудивительно, ведь после того завтрака в кафе я ничего не ела. Захлопнув за собой дверь, я вышла в ночь и вновь была готова запеть свою любимую песню: я люблю Сочи. Ночи здесь такие же прекрасные, как дни. Днём всё ярко и светло от солнца, а ночью так темно, что не справляются фонари. К тому же поют цикады, тепло и свежо. Мне казалось, я могу пить этот влажный воздух. Задрал голову вверх, я полюбовалась звёздами и вышла на улицу. На глаза попало название «Морской переулок». Я оглянулась на высокий круглый дом, где спал Таркан и спустилась вниз, привлечённая огнями внизу. Город продолжал жить летней жизнью. Шатались обнимающиеся парочки, куда-то спешили принаряженные девушки на высоких каблуках. Спустившись вниз, я обнаружила кафе «Белые ночи». Слышала от Таркана, что там чудесные хинкали и решила поесть на ночь. Ведь я потратила так много калорий, что меня пошатывало.

К Нике я вернулась на такси. Пришлось воспользоваться звонком. Но, вернувшись в одиннадцать вечера, а не утром, я чувствовала себя порядочной девушкой. Дверь открыла Катя. Ничего не сказав, она молча пошла вперёд, всей своей спиной показывая, что она недовольна. Интересно, какое ей дело до наших с Тарканом отношений?

Впрочем, когда она запирала за мной дверь, спросила, буду ли я ужинать. Я холодно отказалась и пошла в свою комнату. Странно, но как только я улеглась в постель, сразу поняла: ночью что-то произойдёт. От этого по рукам побежали мурашки, и я спряталась под одеялом, зарывшись в подушку.

Шорох занавески заставил меня приподнять голову. Мария выглядела так же, как на той фотографии в семейном альбоме. На ней они изображены всей семьёй. Две дочери, одна постарше, моя прапрабабушка Татьяна, с уложенными выше плеч волнистыми волосами, другая, в белом платье с загорелым лицом и короткой стрижкой, и Мария в платье с белым бантом рядом с мужем.

– Ну, здравствуй, Авдотья! – послышалось у меня в голове.

– Здравствуйте! – сказала я вслух, приподнимаясь на подушке.

– Называй меня Марией и на «ты». Там, где я сейчас, нет возраста. Можешь ничего не говорить. Я слышу твои мысли. Ты смелая девочка, если решила надеть кольцо.

– Я хочу понять, почему женщины в нашем роду не имеют права на счастье.

Мария кивнула. Я видела её, словно живую. Заметила, что глаза у неё голубые, волосы русые, а платье тёмно-синее.

– Я познакомилась с Иваном, когда мне было девятнадцать. Он переехал в Нижний Новгород. Иван был одним из тех парней, которые нравятся всем. Его прозвали гармонистом, хотя, он не играл и даже не пел. Вокруг него всегда собирались люди, куда бы он ни пошёл. В нём был свет и обещание любви. Когда я увидела его: сразу почувствовала, как меня к нему тянет, но не строила никаких планов. Даже в нашей компании были девчата эффектнее, которые больше нравились мужчинам. Моего же внимания никто не добивался. Я мечтала о любви, но даже в мечтах мой избранник выглядел скромнее. Так что при встречах с Иваном я даже не пыталась кокетничать и старалась держаться от него подальше.

«Может, это было предчувствие?» – подумала я, и в моей голове тут же появился ответ, что Мария и сама так думает.

Мужчин тянет к тем, кто не обращает на них внимания. Моя подруга Тамара, что только не придумывала, чтобы зацепить Ивана, но безуспешно. Он был любезен со всеми, не отказывался помочь по хозяйству, мог пригласить на танец, но дальше не шло. И вот однажды я обнаружила, что он поджидает меня, прячась за деревом и делая вид, что остановился покурить. Во всяком случае, вид у него был смущённый, хотя он изобразил удивление:

– Мария, я не знал, что ты здесь живёшь.

Я улыбнулась и собралась идти дальше, но он взял меня под локоть.

– Почему ты избегаешь меня? Я обидел тебя?

– Нет-нет, – я опустила голову, даже не пытаясь вырвать руку. – Просто мне казалось... Неважно... – я освободилась и сказала, что мне надо идти.

– Я провожу.

Собиралась я в гости к Гале, но идти к ней вместе с Иваном, зная, как он ей нравится, казалось нечестным.

– Я забыла книгу... – соврала я и вернулась в дом, нарочно долго копаясь и надеясь, что он уйдет. Но он не ушёл, а я ... забыла книгу, потому что пока металась по дому, думала, сердце из груди выскочит от волнения.

Ну, в общем, к Тамаре я не пошла, прогуляли мы с Иваном до позднего вечера, а на прощанье он меня поцеловал и предложил встречаться, признавшись, что я давно ему нравлюсь, только он боялся, что я к нему равнодушна. Кокетничать я не умела и призналась, что всё наоборот.

С того дня мы стали неразлучны, но я лишилась своей лучшей подруги. Да и многие девчонки стали общаться со мной натянуто. Меня всё это не сильно огорчало, поскольку я была влюблена. К нашей свадьбе всё понемногу наладилось, и Тамару я всё же пригласила. Только вот после, когда убиралась, нашла иголки, воткнутые у порога. И, вообще, иголки я находила часто после того, как гости уходили. Даже в нашей постели. Кто-то отчаянно завидовал нам и пытался нас разлучить. Да только разлуку нашу Бог отложил на четверть века. Когда началась война, мне было сорок три. У нас уже было две дочки, старшей было двадцать два, младшей шестнадцать.

Мальчик, первенец, которому мы оба радовались, родился преждевременно и сразу умер. Кто знает, может, и завистники тому виной были, а, может, так по судьбе написано. Это горе можно было назвать единственным, поскольку жили мы с Иваном душа в душу. По-другому не скажешь. А потом настала война. Пошли туда наши мужья с нашими детьми. У Тамары дочка училась на фельдшера, и её призвали вместе с Иваном. Она уверяла нас, что если его ранят, она его спасёт.

Мария замолчала, лицо её постарело: несмотря на ту же самую причёску и платье, сейчас она выглядела уставшей женщиной лет пятидесяти. Даже морщинки под глазами появились.

– Я просыпалась и засыпала с молитвой и каждую свободную минутку поднимала глаза к небу: Господи, спаси моего Ивана.

Бог спас его, но не для меня и не для дочек. Вернулись они вместе с Любашей, дочкой Тамары. Она уже носила его ребёнка. Так что жить он стал в их доме. Однажды, когда я шла из магазина, Иван подкараулил меня. Просил прощения, умолял, чтобы я не запрещала встречаться с дочками. Рассказывал, что жив только благодаря Любе: она его, раненого, несколько раз с поля боя вытаскивала и лечила. Никто из них не предполагал, что вернётся домой. Каждый день мог быть последним.

Мне так тяжело дался этот разговор, что я заболела. После болезни перестала выходить на улицу. Боялась встретить его или Любу, которая носила ребёнка Ивана. Татьяна, старшая моя, считала отца предателем. Даже случайно встречаясь с ним, переходила на другую сторону улицы. Так же и младшую настроила. Так что Иван нас потерял. Да и новая жизнь у него не задалась. Мальчик родился слепым. Однажды ко мне пришла Тамара. Плакала, кричала, что это я виновата в его слепоте. Ей какая-то гадалка сказала, что я на них порчу сделала. Мне не хотелось оправдываться, и я сказала, что простила Ивана. Это была правда. Я продолжала его любить, а когда искренне любишь, не можешь желать зла. Но жить без него не имело смысла. Мир потух. Я научилась погружаться в другие миры, где не было той боли, которой я испытывала. Моё тело оставалось на стуле, а сознание улетало. Я искала ответ на вопрос: почему ушёл Иван? В тех мирах у меня был проводник, и однажды он погрузил меня в ту жизнь, где я смогла встретиться с Авдотьей.

Я вспомнила слова Виктора и вздрогнула. Не может быть, чтобы из-за меня впоследствии пострадало столько людей.

– Твоя душа настолько сильная, что снова вернулась в наш род, чтобы всё исправить. Ты и тогда была сильная, но тебя погубила любовь. Тебе разрешили вернуться, составив сценарий твоей жизни, чтобы ты больше не совершила той ошибки. Не нужно брать чужого. Не имеет значения, человек ли это, связанный обязательствами, или вещь.

Вдруг я увидела нависшую над Марией тень, похожую на гигантского человека, он схватил её и унёс. Я выбралась из постели и включила свет. Несмотря на тёплую ночь, я дрожала. В комнате никого не было. Словно мне всё это приснилось. Может, я сплю? Но для сна слишком многое совпадало. Я вышла на балкон. В Никином саду пели цикады, над головой висел звёздный купол. Неужели Таркан и есть моё испытание? И всё же я не могу поверить, что мы знали друг друга. Души знали. Я передёрнула плечами. Как же мне не хочется во всё это верить?! Как было хорошо в прежней жизни. Спокойно спала и в гости призраки не приходили.

Ладно, я должна справиться. Приехала спасать род, значит, надо спасать. Только вот в чём спасение? С Тарканом мы обречены на расставание. Завтра нам ещё позволено любить друг друга. Я зевнула, почувствовав усталость. Забралась под одеяло, пока размышляла на тему что хуже: прожить лучшие годы вместе с любимым мужчиной и пережить его предательство после сорока или не знать этого вовсе, провалилась в сон.

Глава 6

Разбудил меня звук пришедшей ватсапки. Может, я бы и не проснулась, но телефон пропиликал почти под ухом. Как он туда попал? Не помню. Протёрла глаза и прочитала: «Я проснулся, а тебя нет. Почему ты ушла?»

Я сладко потянулась, вспоминая, чем мы вчера занимались. Ну, впрочем, чем только не занимались. Я взяла мобильный и написала: «Ты уснул, мне стало скучно». И к тому же мне нельзя привыкать к тебе, подумала я. Так может прекратить это сейчас? Сегодня? Телефон пропиликал снова, но я вылезла из кровати, внушая себе, что меня совершенно не волнует, что он написал. Надо жить своей жизнью. Бросила взгляд на телефон. Проявила силу воли и сразу отправилась в ванную комнату. Умылась, залезла под душ и начала планировать день. Сначала завтрак у бассейна, потом прогуляюсь на море. Потом... Интересно, что же он написал? Не важно. После моря надо будет навестить арендованную комнату. Возможно, мне повезёт, и я увижу родителя, нет зачинателя. Так и будем его называть. И, в конце концов, нам нужно поговорить. Наедине. Только вот как это устроить?

А что, если Таркан предложит мне встретиться. Скажу, что занята. Но сегодня уже пятый день. Осталось.... Нет, я не должна считать и даже не буду смотреть, что он написал. Я вылезла из душа, вытерлась полотенцем. Приятно управлять своей жизнью. Сила воли что надо. Довольная собой я вошла в комнату, избегая искушения, подойти к подушке и увидеть телефон. Встала перед зеркалом. Кажется, я ещё не поправилась, а весов, на которые меня приучила вставать каждый день маман, не было. Маман, конечно, молодец, но как прекрасна жизнь без овсянки и зарядки. Сегодня попрошу Катю приготовить яичницу с беконом. Я уже взялась за ручку двери, когда телефон зазвонил. Кто это ещё в такую рань? Хотя уже девять

часов. На определителе высветилось: «Таркан». Я смотрела, как вибрирует на подушке телефон. Но я ведь не договаривалась с собой: не отвечать на звонки. Я могу просто с ним поговорить.

– С добрым утром, белочка, – голос Таркана был сонным и нежным.

– С добрым!

– Какие планы?

– О, так много всего, что и не рассказать.

– А я хотел предложить тебе провести день со мной.

Я что-то промычала в ответ. Можно поехать куда-нибудь, держать его за руку в машине, любоваться его профилем, а потом... но у меня свои планы, в конце концов. И мне нельзя привыкать к нему.

– Я думаю, будет здорово поехать с тобой в Дагомыс на корыта, – продолжил Таркан, не услышав от меня ответа. – Нет ничего лучше, чем в жаркий день искупаться в прохладной горной речке.

– А что такое корыта? – удивилась я.

– Это такие купели, в которых чистая горная вода. Их ещё называют озёрами любви. Там принято загадывать желание о любимом человеке.

Голос Таркана звучал завораживающе. Может, я могу перенести свои планы на завтра?

– Там так красиво, что туда возят экскурсии.

Слово «экскурсия» подействовало. В конце концов, я могу отправиться на экскурсию и загадать желание, чтобы я встретила человека, которого люблю.

– Ну что ты молчишь, белочка. Я могу быть у твоего дома через полчаса.

– Хорошо, – выдохнула я и повесила трубку, чтобы вдруг проснувшаяся сила воли не стала требовать отменить купание в озёрах любви.

Я вышла на балкон и сощурилась от яркого солнца. Боже, какая погода. Как можно такой день провести в одиночестве? Я быстро собрала пляжную сумку и спустилась вниз.

Катя суежилась в гостиной. Увидев меня, спросила:

– На завтрак блинчики?

– А можно мне яичницу с беконом и белую булку с маслом? – сказала я, чуть не прикусив себе язык от удовольствия.

– Сейчас сделаю.

Я села у бассейна, свесив ноги в бирюзовую воду, чувствуя себя неприлично счастливой. И пусть этому счастью осталось чуть больше недели, я возьму сполна всё, что предлагает жизнь.

На корытах мне понравилось. В таких местах мне ещё не доводилось бывать. Удивительно, что подобное есть на нашем юге. В купелях с чистейшей горной водой визжали дети, чинно плавали взрослые. Некоторые, захватив вина или пива, устроили пикник прямо на берегу. Над головой висело голубое небо.

– Ну что, пойдём купаться? – спросил Таркан, когда мы, облюбовав уединённое корыто, кинули наши сумки.

– Конечно, – я стянула через голову топик, оставшись в чёрном купальнике с бахромой на лифе. Таркан, растёгивая рубашку в клеточку, прошёлся взглядом по моему телу, лаская каждый изгиб. Я не могла оторвать взгляд от его сильных плеч, играющих под загорелой кожей бицепсов. В животе привычно вспорхнули бабочки.

– Ты такая красивая, белочка, – он подошёл ближе, и наши губы слились в коротком поцелуе.

– Говоришь, надо загадывать желание? – я, оторвавшись от него, первой вошла в воду. – Ой, холодно, – засмеялась я.

– Это горная река, а не морская ванна. Освежает. Местные любят летом приезжать на речку, – Таркан взял меня за руку. – Загадывай желание.

Единственное, что мне хотелось, чтобы он остался со мной. Я не могла даже гипотетически представить другого мужчину рядом. Как же я влипла.

– А ты будешь загадывать желание? – спросила я.

Таркан повернулся ко мне.

– Не буду. То, что я хочу, всё равно не сбудется. Зачем насиловать судьбу?

Значит, мы хотим одного и того же. По коже поползли мурашки. Я опустилась в воду и первой поплыла в узкий проход. А вдруг, если я очищу свой род, мы всё-таки будем вместе? Пусть не сейчас, чуть позже. Что-нибудь произойдёт, и жена отпустит его? Никаких несчастий, расстанутся по обоюдному согласию. Я слышала, как Таркан плывёт за мной. Я чувствовала его даже в воде.

Повернула голову:

– А я всё-таки загадаю. Проверим ваши любовные корытца.

Я нащупала дно и встала. Из одной купели мы приплыли в другую. Таркан взял меня на руки в воде, я посмотрела на него.

– Хочу, чтобы мы были вместе! – тоном капризного ребёнка заявила я, глядя на небо. Таркан поставил меня на ноги.

- Невозможно, – он нахмурился.
- Вот и посмотрим. Жизнь меняется. Я собиралась на Бали, один звонок и я здесь.
- Может, и лучше было вовсе не встречаться.
- Может быть. Но... желание загадано. Остаётся ждать.

Таркан улыбнулся.

- А ты целеустремлённая, белочка.
- Ещё бы. Давай не кисни. В корытах любви надо заниматься любовью.
- Прямо здесь?
- Не понимай буквально. Возьми меня ещё на ручки.

Наплававшись, мы поднялись в ресторан и заказали шашлык. Оттуда, где мы сидели, было видно, как занятно речка вырезала в горах купели, сама не зная, какое удовольствие доставит людям. Всё здесь дышало покоем, радостью и любовью. Взрослые играли вместе с детьми, катали их на матрасах, устраивали состязания.

- Не видела места лучше, – сказала я.
- Знал, что тебе понравится.
- Мне всё нравится с тобой, – вылетело у меня прежде, чем я успела подумать.

Таркан отвернулся, а потом неожиданно с силой стукнул кулаком по столу, так что подпрыгнули тарелки с остатками еды.

- Зачем я это сотворил со своей жизнью?! – он спрятал лицо в ладонях. Я пересела на его сторону и обняла его. Это был первый раз за всё время нашего общения, когда он не справился с собой.
- Расскажи мне всё, – попросила я.

Он поднял лицо, я успела заметить, как блеснули в глазах слёзы.

- Ничего, прости. Поедем? Или хочешь кофе?
- Ничего не хочу, – я отвернулась. Раз уж мы так близки, он мог бы мне всё рассказать. Настроение испортилось. Не люблю, когда не договаривают.

Мы сели в машину. У Таркана зазвонил телефон, и я впервые услышала голос этой Ляли по громкой связи. Она сказала, что её отпускают домой. Таркан вздохнул и глухо сказал, что приедет в течение часа.

Повернулся ко мне:

– Вот видишь?! Какие желания ты загадывала?! Нам даже не дают заняться любовью. Я должен ехать и забирать её домой. Потом окажется, что надо съездить в магазин, потом ещё что-нибудь. Время утекает сквозь пальцы. Наше время с тобой.

Я давилась слезами, словно этот день был последний. Ужасно не принадлежать себе. Кому нужна такая семья?!

Таркан так быстро вёл машину, но меня это не беспокоило. Мне вспомнилось утро и моё чудесное настроение, от которого не осталось и следа. Ненавижу, когда ломают мои планы, но тут я бессильна.

У дома Ники, мы посмотрели в глаза друг другу. Не касаясь и не сжимая рук, чтобы не растравлять душу.

– Пойду, – не выдержала я и открыла дверцу машины. Таркан уехал так быстро, словно спешил забрать ту, которая сломала наш день. Я подняла руку, чтобы позвонить и поняла, что мне нужно побыть одной. Прогуляться. Прийти в себя. Я шла по набережной в толпе отдыхающих и поняла, что не могу здесь находиться. Меня раздражало солнце и голубое небо. Свернула на узкую улицу и остановилась. Куда же деть себя? Таркану хорошо, у него есть дело, он едет на машине. Внезапно я вспомнила про Марию. Я, конечно, не могла даже приблизиться к её боли, но лучше поняла её тоску. Мне, общительной от природы, сейчас не хотелось ни с кем разговаривать. Словно в подтверждении моих слов зазвонил телефон, но я даже не стала смотреть, кто это. Мелодия смолкла, а я вдруг вспомнила, что собиралась навестить арендованную комнату и, если повезёт, увидеть своего родителя. Мне стало немного легче, и я быстрым, несмотря на жару, шагом направилась на улицу Загородная. Обгоняла медленно тащившихся туристов. Пока поднялась в гору до дома, задохнулась.

Тут будешь в форме и без тренажерного зала. Позвонила в звонок, как только восстановила дыхание. Дверь открыл мужчина в шортах. Невысокого роста, загорелое лицо, волосы ёжиком, рыжие, как и у меня. Сердце бухнулось вниз. Кровь прилила к лицу. Ну, здравствуй, папа. Не знаю, как ты меня, но я тебя узнала. Мы с тобой похожи, хотя бы этими волосами. У него и седина не слишком заметна. Так что, если бы не морщинки вокруг голубых глаз, выглядел бы лет на тридцать.

– Девушка, – он улыбнулся. – Вы, наверно, на счёт комнаты?

– Да, – выдавила я из себя.

– Пойдёмте, покажу.

Он пропустил меня в калитку.

– Э-э-э, вообще-то я уже сняла. Вчера.

– Так это вы?! Жена мне говорила. Авдотья? А где же вещи?

– Ну я пока без вещей, – проямлила я, бесстыдно продолжая его рассматривать. Борцовка обтягивала загорелые плечи, сильные жилистые руки. По сравнению с его расплывшейся

законной половиной, он явно держит себя в тонусе. Наверно, бегают по набережной по утрам. Мне бы тоже надо начать. А что?! Было бы здорово сказать маман: мы с папой вместе бегаем.

– Вас в комнату проводить, Авдотья? Или чаю выпьете со мной? Как раз заварил. Зелёный с жасмином. Настоящий горный. Попробуете?

Какой молодец. Мне даже врать не пришлось. Как раз за чаем мы и поговорим. Только бы его половина к нам не присоединилась. Как её там зовут?! Лена, кажется.

– Я один сейчас, – заметил между делом Владимир. Мои в «Моремол» поехали. – Пойдёмте, я покажу Вам, где у нас летняя кухня. Там и чаю выпьем. Или, может, вы покушать хотите? Лена борщ сварила.

Подавилась бы я её борщом, подумала я, но вслух вежливо отказалась, усаживаясь на деревянную скамейку возле такого же деревянного, покрытого лаком стола. Пока папашка разливал чай, я осматривалась. Здесь было прохладно из-за того, что кухня была под навесом, который густо обвивал уже начавший созревать синий виноград. По периметру стояли горшки с геранью, которая была всех цветов от белого до тёмно-бардового, а вход охраняли две маленькие веерные пальмы со стрелками белых цветов. Лёгкий ветерок доносил аромат роз из сада. Как бы я не злилась, пришлось признать: уют здесь создавала женщина.

Папашка поставил передо мной дымящуюся чашку и вазочку с печеньем курабье. Любимое печенье моей мамы, когда она позволяет себе полакомиться.

– Угощайтесь, Авдотья, – он присел напротив на деревянный табурет. – Знаете, мне кажется: я вас где-то видел. Лицо ваше мне знакомо.

Я чуть не расхохоталась.

– Ну, это вряд ли. Я первый раз в Сочи.

– Может, показалось, – он отпил глоточек чая и снова уставился на меня. Я, между тем, взяла печенье.

– Моё любимое, – невозмутимо заметила я, откусывая кусочек. Владимир даже закашлялся. Снова уставился на меня, хлопая рыжими ресницами. Ну давай же, вспоминай, но у него зазвонил телефон, и он принялся рассказывать, как куда-то доехать. Во время разговора взгляд его периодически останавливался на моём лице с недоумением.

– Фантастика какая-то. Я понял, кого вы мне напоминаете.

– И кого же? – спросила я с набитым ртом.

– Когда-то у меня была невеста. Мы собирались пожениться. Вы на неё похожи, хотя тогда она была блондинкой. Но у женщин никогда не поймёшь, какого цвета настоящие волосы, – он хихикнул.

– Это натуральный цвет, – я отбросила завившийся от влажного воздуха локон за спину.

Ну давай же, соображай быстрее. Посчитай возраст. Сходи, посмотри в зеркало. Догадайся, что я твоя дочь. Я сделала глоток чая. Владимир к чаю и не притронулся. Сидел, молчал.

– А что случилось с вашей невестой? – решила спросить я.

– Что?

– С невестой что случилось?

– Вам интересно?

– Мне всё интересно. Люблю, когда люди о себе рассказывают. Я писательница, – соврала я.

– Надо же. И как, печатают?

– Публикуюсь в интернете, у меня много читателей. Вы мне расскажите вашу историю, а я напишу рассказ и вам пришлю. – Любопытство заставляло меня так ловко придумывать, что я сама удивлялась сложности. – Я вот и комнату сняла, чтобы спокойно писать. Знаете, многие писатели так делали?! Рассказывайте!

– Да я не знаю с чего начать, – смутился Владимир, почёсывая ёжик на голове. – Любил я её сильно. Что нам тогда было? Мне двадцать два, ей двадцати не было.

– А как её звали?

– Имя у неё было забавное, – на лице Владимира расцвела улыбка. – Анжелика. Мама её назвала в честь главной героини популярного тогда романа.

Я кивнула. Надо было бы включить диктофон и дать маман послушать. Прошло почти тридцать лет, а он её помнит.

– Она была очень красивая. Блондинка. А фигура такая, что все мужики на пляже клеились. Жена моя такой никогда не была. Но женятся на сереньких уточках.

– Так вы и не собирались жениться на Анжелике?

– Как же так?! Собирался. Влюблён был без памяти. Мы оторваться друг от друга не могли.

Вдруг мы услышали голоса. Владимир заговорщицки прижал палец к губам. На тропинке появилась Лена с пакетами в руках. Из-за её плеча выглядывала дочка. Точная копия мамы. Даже одеты одинаково. Обе в обтягивающих джинсах в такую жару. И ведь надо же было появиться на самом интересном месте.

– Давай, отец, помогай! – Лена водрузила сумки перед мужем. Дочка в наушниках переминалась с ноги на ногу. Вынула наушник: – Пап, поесть есть что?! Мама не дала в КФС сходить.

Я посмотрела на девушку. Милая, тебя бы к маман на овсянку. Бёдра бы в два раза уменьшились. Помню, как ненавидела мамино воспитание в детстве, зато потом, уже в

четырнадцать, все подруги завидовали моей фигуре. Первую конфету я получила в детском саду. Даже не знала, что это такое.

Владимир взглянул на меня с извиняющейся улыбкой и взялся за пакеты. И вот тут во мне разыграло нечто:

– Подождите! Мы ещё не договорились. Я хочу сделать заказ.

Владимир замер, дамы воззрились на меня.

– Хотела заказать персональную экскурсию на завтра, – я нажала на кнопку телефона, глядя на часы. – О, мне уже пора. Боюсь, не успеем.

– Ну раз так, т не будем мешать! – Лена сама подхватила пакеты и ткнула дочку в бок. Та с неохотой последовала за ней.

Владимир ёрзал на месте, явно испытывая неудобство. Зато я наслаждалась моментом. Мне хотелось сказать, что он их распустил, но вместо этого я любовалась бликами солнца в его волосах. Таких же рыжих, как у меня. В голову даже залезла мысль: как здорово иметь отца. Этого в моей жизни ещё не было.

– Вы ... хотели сделать заказ....

Голубые глаза остановились на моем лице. И чёрт знает почему, мне захотелось сказать: давай поедem куда-нибудь, пап. Расскажем друг другу о себе.

Я увидела Лену.

– Куда можете предложить экскурсию? – спросила я самым деловым тоном, который могла изобразить.

– Можем на корыта поехать...

– Э-э-э, нет. Там я была. Сегодня.

– Агурские водопады...

– Тоже была.

– Каньон реки Псахе. Туда не возят экскурсии. Там очень красиво. Сухой каньон. Там, знаете, как в сказке. Можно сделать много красивых фото. Искupаться в водопаде. Возьмите с собой перекусить. Чтo-нибудь непортящееся при жаре. Рюкзак, полотенце, шлëпанцы. Кажется всё.

– Хорошо, – я смотрела, как Лена облокотилась на стол. Полезла в сумку и достала пятьсот рублей. – Предоплата. Завтра вы заняты. – Я выпрямилась. Вспомнила маман. Она любила что-нибудь выкинуть напоследок, чтобы запомнилось. Я просто протянула руку.

– Значит, до завтра. Вас не затруднит заехать за мной. Ой, не помню адреса. Но, может, вы знаете, где живёт Ника?

– Конечно, – Владимир тепло улыбнулся. – Сочи маленький город. Все знают друг друга.

– Тогда встречаемся в десять.

Владимир улыбнулся:

– Ещё не привыкли рано вставать?

– Если проснусь раньше, я вам наберу, – я достала айфон и под неодобрительным взглядом Лены, мы обменялись телефонами.

Я вышла на улицу. Жара начала спадать. Оказывается, за всё это время я ни разу не вспомнила о Таркане. Ну, надо чаще общаться с родителями, хихикнула я, спускаясь вниз. Домой по-прежнему не хотелось, и я продефилировала до речки и вышла к морю. Народу вечером было так же много. В раздевалку стояла очередь, так что я порадовалась, что не сняла купальник. Медленно вошла в тёплое море и поплыла вдоль солнечной дорожки. Кто-нибудь знает, как прекрасно купаться на закате?! Солнце ещё опустилось вниз, заливая тела людей оранжевым цветом, делая всех загорелыми. Я почувствовала себя лёгкой и счастливой. Я плыла к ускользающему солнцу и жмурилась от его мягких лучей, позволяя морю обволакивать меня. Я люблю Сочи, подумала я и, перевернувшись на спину, замерла в блаженстве.

Глава 7

После вечернего купания спала я прекрасно. Телефон отключила, чтобы никакие смски не разбудили. Проснулась в семь и сама себе удивилась. Вот так бы в Москве. Потянулась и почувствовала, что необходимо сделать зарядку. Натянула купальник, прошла к бассейну и начала делать разные упражнения. Тело отзывалось не так бодро, как в Москве, зато поту с меня текло, как будто в моих руках были тяжеленные гантели. Кстати, гантели бы надо прикупить, раз уж я здесь до снега. Пока приседала, увидела, что ко мне направляется Катя. И тут я вспомнила, что ничего не купила с собой на экскурсию. Вот растяпа. Придётся просить.

– Вы рано встаёте, – заметила Катя. – Завтрак придётся подождать.

– Хорошо. А можно вас попросить два завтрака?

Катя нахмурилась, мне показалось, она оглядывается вокруг, выискивая Таркана, который где-то спрятался, чтобы не попадаться на глаза.

– Я еду на экскурсию в сухой каньон. Вчера забыла купить продукты.

Катя кивнула и удалилась. Спина её ничего хорошего мне не говорила. Интересно, почему Ника не могла нанять кого-нибудь более любезного? Катя напоминала мне домоправительницу из английского фильма, которую сами хозяева побаивались. Только наколки не хватает и накрахмаленного передника. Я вернулась к приседаниям и выпадам. Интересно, когда включу телефон, увижу пропущенные звонки от Таркана? Не нужно о нём

думать. В наказание сделала десять лишних приседаний и перешла к прыжкам. Когда появилась Катя с подносом, я вылезала из бассейна. Кроме яичницы с беконом на блюде лежали аппетитные белые булочки. Похоже, Катя хочет, чтобы я растолстела и перестала нравиться мужчинам. Во всяком случае, одному из них. Никакими упражнениями не сожжёшь такое количество калорий. Пришлось проявить силу воли и отодвинуть булочки. Дома было проще: мягких и сладких соблазнов маман не держала.

Позавтракав, поспешила к себе. Включила телефон. Пропущенных не было. Сообщений тоже. Разочарование накатило неожиданно для меня самой. Ну уж я была уверена, что он позвонит. Бросила телефон на кровать и сосредоточилась на сборе рюкзака. Времени оставалось мало. Зачесала волосы в высокий пучок и надела солнцезащитные очки. Когда спустилась, Катя сунула мне большой пластмассовый контейнер и бутылку воды. Я набрала номер Владимира. Через минутку буду, сообщил он. От его бодрого голоса мне стало легче.

Он приехал на джипе, на которых возят туристов. Не очень чистый, далеко не новый, но очень большой и надёжный.

– Доброе утро, – Владимир улыбнулся, и мои губы против воли растянулись в улыбке. Сегодня он был в бейсболке и от этого казался ещё моложе. Загорелые руки уверенно держали руль. Моё детство было бы другим, если бы я выросла на море с таким отцом. Маман бы тоже была бы другой. Более спокойной, счастливой и загорелой. Только я подумала о ней, и телефон зазвонил. Телепатия.

– Как ты там, Дуняра?

– Еду на экскурсию.

– С кем едешь? – подозрительно спросила она.

Вот ведь. Чувствует на расстоянии.

– Мам, купила экскурсию в туристической будке. Еду с группой, – я покосилась на Владимира, но тот смотрел на дорогу. – Как ты?

– Иду в спортзал. А что делать?! Жизнь продолжается. Ещё сегодня организую детский праздник, так что времени грустить нет.

Я передала привет тренеру, сказала, что тоже сегодня занималась.

Когда мы попрощались, Владимир живо повернулся ко мне:

– А вы не боитесь ехать в дикие места с незнакомым мужчиной?

– Знаете, мама меня воспитывала ничего и никого не бояться. Страх притягивает неприятности.

– Кажется, я слышал что-то подобное. Ты молодец. А что, Ника стала комнаты сдавать?

– Нет, она моя родственница.

Мне показалось, что Владимир удивился, но больше вопросов не задавал. Включил радиоджаз, следил за дорогой. Ехал он быстро по тоннелям, которые построили для олимпиады. Я обратила внимание, что светофоров почти нет. Менее чем через полчаса, мы с Мамайки доехали до Хосты, переехали через мост и начали подниматься в горы. Даже не знаю, кто из них лучше водит машину: Владимир или Таркан. А вот мне никогда не научиться так ловко обгонять и не сбавлять скорость на крутых поворотах. Для этого здесь нужно родиться.

– Сейчас немного потрясёт, зато не придётся по жаре тащиться, – сказал Владимир, сворачивая на просёлочную дорогу. Переехав через брод, затормозил.

– Приехали! Рюкзак и воду бери с собой. Вернёмся вечером.

– Вечером?

– Если пройти весь маршрут, это около восемнадцати километров, причём не по ровной дороге, а по ущелью, где придётся то прыгать, то спускаться, то подниматься, это займёт с привалом часов до пяти. Завтра ноги не будут шевелиться.

– Это как раз то, что мне нужно, – сказала я.

– Если не будешь успевать, скажи. Я привык быстро ходить. Я бодро пошла за ним, решив показать, на что я способна. Подумала, что они с маман отлично проводили бы время вместе. Она обожала всякие походы и новые места. Во время привала расспрошу его, почему они расстались. Я только успевала смотреть по сторонам. Дикий самшитовый лес, живописные ущелья. Кажется, ты совершила путешествие во времени на много столетий назад. Владимир повернулся ко мне:

– Когда ещё в институте учился, много где побывал с рюкзаком. Мы с ребятами на неделю в горы уходили. Места здесь тогда были совершенно дикие.

– Давай руку, – он помог мне спрыгнуть. Первое прикосновение отца, которое он должен был сделать почти тридцать лет назад. Рука показалась мне тёплой и сильной. На нём была футболка цвета хаки, которая ему шла.

– Ну вот мы и пришли, – повернулся ко мне Владимир, когда я уже начала отставать. – Можешь поверить, что когда-то здесь был океан Тетис?

Я подняла голову вверх, где высоко вверх уходили белые стены, оставляя лишь узкую полоску голубого неба.

– Здесь потрясающе, – выдохнула я.

Владимир довольно улыбнулся, словно был хозяином этого места.

– Сейчас покажу тебе, где девчонки любят фотографироваться. Некоторые даже платья берут с собой. Вот смотри: если хочешь, залезай туда. Там, куда он показывал, стена образовала уступ, похожий на балкон. Я осторожно наступила на лежащее дерево. Всеобщую манию к фотографированию себя, я не разделяла, но чувствовала, что если

полезу, он будет мне помогать, а мне, девочке, выросшей без отцовской ласки, снова хотелось почувствовать его руку. Нога немного поехала вниз, я пискнула, и Владимир тут же ловко поддержал меня и подтолкнул дальше. Осторожно ступая, я забралась на балкон и уселась там, свесив ноги. Владимир сделал несколько кадров на мой телефон, после чего не без его помощи я спустилась. Он, конечно, может считать меня неловкой, но я получила удовольствие.

Здесь не было туристов, и мне казалось, что мы затерялись во времени веков. Мы почти не разговаривали, только иногда Владимир обращал моё внимание, то на увившее дерево плющ, то на узкий коридор, образованный разломами. Здесь попадались пещеры. Я уже было собралась войти в одну из них, как Владимир тронул меня за плечо:

– Разрешения спроси у духа сначала.

Я вытаращила глаза:

– У какого духа?

– Того, который владеет этим местом. Однажды женщина туда залезла и начала кричать подругам. Вышла с пробитой головой.

– И вы верите во всё это?

– Привык верить, – сурово сказал Владимир. – Я в горы ещё мальчишкой с прадедом ходил, тот всегда с духами разговаривал. Подношения оставлял. Прежде чем войти в речку, позволения спрашивал. Горы неблагодарных наказывают. Камешки сбрасывают или кругами водят, а ещё бывает земля вздрагивает, тогда беды не оберёшься. Дед говорил: когда к горам с уважением, они никогда не обидят, без еды и питья не оставят, если заблудился.

Я так и застыла возле пещеры.

– Лучше не пойду. Я как-то с духами не умею общаться. – Тут вспомнилась мне Мария. В общем-то, какая разница?! Духи природы или человека.

– Пойдём тогда к мокрому каньону, искупаемся. Здесь тяжёло долго находиться.

Мне тоже хотелось уйти из этого места. Была в нём какая-то обречённость, как в смертельно больном человеке. По деревянной лестнице мы поднялись вверх, и я увидела табличку: «Не ходить! Опасно для жизни»

Владимир табличку проигнорировал и пошёл по узкой тропинке.

– Тут написано: «опасно», – заметила я, вглядываясь вперёд.

– Там, где настоящая опасность, а табличек не вывешивают, – повернулся ко мне Владимир.

– Давай, Авдотья, смелее. Кажется, ты не робкая девушка.

Прослыть трусихой перед новообретённым отцом мне не хотелось, к тому же запреты на меня не действовали. Я осторожно спускалась, держась за ветки деревьев. Владимир иногда

подавал руку, указывал куда лучше наступить. Вскоре в просвете между деревьями блеснула речка, и я услышала приглушённый шум воды.

– Мы почти пришли, – обернулся Владимир. – Сейчас будет крутой спуск, а после отдохнём.

Мы остановились перед извергающимся в голубое озеро водопадом. Кроме нас тут никого не было.

– Идиллия, – вырвалось у меня.

Владимир кивнул. Мы постояли некоторое время молча. Глаза впитывали в себя сверкающие на солнце струи воды. Величие места охватило меня. Здесь было гораздо радостнее, светлее, чем в сухом каньоне. Наверно, дух этого места был добрее.

– Ну что, искупаемся и перекусим?

Кивнув, я стянула майку и шорты, порадовавшись, что надела купальник и осторожно, стараясь не поскользнуться, вошла в воду. Конечно, тут же я вспомнила наше первое купание с Тарканом. А ведь он мне так и не позвонил с тех пор, как жена вызвала. Ладно, попробуем насладиться природой. Вода показалась мне прохладной, и для моей разгорячённой кожи это стало настоящим праздником. Я поплыла ближе к водопаду, шум воды успокаивал. Под сами струи я побоялась плыть и обернулась, ища Владимира, но его не было на берегу. Я осмотрелась и заметила его наверху. Он что, прыгать собирается? Ничего себе, папаша. На всякий случай отплыла немного подальше и, нащупав дно, встала. Никогда бы отсюда не прыгнула. Наверно, он сумасшедший. Я крикнула, но мой голос утонул в шуме воды. Помахала рукой, он махнул мне в ответ. Красиво вытянул вверх руки и прыгнул. Сердце у меня замерло, но скоро его рыжая голова появилась на поверхности. Я подплыла к нему.

– Вы меня испугали.

– Побоялась, что некому будет тебя обратно вывести? – усмехнулся Владимир.

Я не ответила и снова поплыла к водопаду. Легла на спину и лежала, глядя в голубое небо. Когда вышла, Владимир деловито раскладывал на большом камне еду. Я достала контейнер, который мне дала Катя. Тут оказалась половина жареной курицы и несколько варёных картофелин. Поставила контейнер на импровизированный стол.

– Похоже, вам придётся мне помочь.

– Ого, – присвистнул Владимир. – А я-то надеялся сегодня поголодать. Утром были дела, успел сделать только пару бутербродов.

– Я надеюсь поголодать с тех пор, как приехала.

– У тебя отличная фигура.

– Пока я недолго в Сочи. Если бы мама видела, что я себе здесь позволяю. Она такого никогда не ест. Кстати, вы мне так и не дорассказали про первую любовь.

– Вы запомнили, – он грустно улыбнулся. – Я вчера ударился в воспоминания. Знаете, а ведь вы на неё похожи, вот ведь парадокс. Особенно, когда улыбаетесь.

Я нервно засмеялась. Папа, уже горячо, узнай меня. От смущения оторвала крылышко и занялась едой.

– А ведь мы с ней здесь были. Анжелике нравилось в Сочи. Она обожала солнце и голубое небо. Была готова из Москвы переехать, растить тут наших детей.

– Да что случилось-то? Вы о ней с такой нежностью вспоминаете. А столько лет прошло.

– Я когда Анжелику встретил...

– Погодите. Давайте по порядку. Вы где познакомились?

– На море есть спортивная площадка. Когда увидел её: она висела на перекладине и качала пресс. На ней был голубой купальник в полоску и белые шорты. Да ещё блондинка. Я просто замер. Когда осмелился, подошёл и говорю: девушка, хотите, покажу новое упражнение на пресс? – Она смирив взглядом мою фигуру и улыбнулась. Упражнение было сложное, мне пришлось её поддерживать, чтобы она не упала. А уж когда я до неё дотронулся, между нами, как разряд проскочил. Позже я предложил вместе пообедать. Ну с тех пор, мы и не расставались. Сочи город маленький, я здесь вырос, все знакомые о нашей любви узнали. И Лене, она в то время учиться уезжала, донесли. А мы с ней вместе со школы. Ну, я ей объяснил, как мог. Мол, прости, но это любовь. Лена сначала заплакала, а потом слёзы вытерла и говорит: «Как пришла твоя любовь московская, так в Москву и уйдёт, а ты здесь останешься». И как, говорится: накаркала.

Анжелике надо было в Москву на работу. Она говорит, заявление напишу об увольнении и приеду к тебе. Ну пока её не было, тут такое началось. Все друзья мои на меня ополчились: да как ты можешь Ленку бросить, да она так тебя любит, да ты ей обещал. В общем, обработка началась та ещё. Приезжает Анжелика ко мне. Говорит, пока увольняться не стала, написала заявление на отпуск за свой счёт. Ну в общем, у нас опять любовь. И вот однажды я остался в огороде поработать, Анжелика ушла на море. И как только я один остался, появилась Лена. Грустная такая, спокойная и говорит, что беременна.

– Вы с ней...

– Нет, что ты?! Но до того как Лику встретил, мы, прости меня, любовью-то занимались. Я Ленку спрашиваю: какой срок, она говорит: три месяца. И почему она раньше не сказала, непонятно. День был тогда жаркий, душный, августовский. Я почувствовал, что земля поплыла под ногами. Я хоть мы и расстались, к Лене хорошо относился. А она словно почувствовала и ко мне на шею кинулась: «Вовка, говорит, ну ладно меня, но ты хоть ребёнка не бросай, ладно? Я рожать буду. Не смогу от тебя аборт сделать. Да и опасно уже» Я обнял её, так и стоим, слёзы глотаем. Не знаю, сколько простояли: только вижу Лику под яблоней, и у неё лицо такое, словно я её ударил. Я Ленку отстраняю, она поворачивается к Лике и говорит:

– Я ребёнка жду от него, уезжай в свою Москву.

Повернулась и мимо прошла. Я к Лике кинулся, обнял её, а она руки мои убрала и спокойно сказала:

– Твоё прошлое между нами встало. Тебе решать, что делать, а мне в Москву надо.

Сколько я её ни уговаривал: собрала вещи и села в первый же самолёт. Говорит: буду тебе нужна, приедешь и найдёшь меня.

Помню, поехал я тогда к ребятам, и мы всю ночь ездили по кабакам и пили. Я не знал, что делать. И с каждой рюмкой понимал, что обречён любить Лику всю жизнь. В конце концов, решил: ребёнка не брошу, Ленке буду помогать, но женюсь на Лике и уеду в Москву. Нам тут с ней жить не дадут, а в Москву никто за нами не поедет. Может, когда всё утихнет, вернёмся.

Владимир вздохнул: взял бутылку с водой и жадно начал пить. Руки у него подрагивали: вода пролилась на грудь. К еде он так и не притронулся. Сидел, смотрел на водопад, а на лице, как мне сначала показалось самодовольном, проступили первые краски страдания. Я чувствовала себя не лучше: замёрзла, на руках появились мурашки. Мне то хотелось ударить его за то, что он сделал, то броситься к нему на шею и сказать, что я дочь Лики. Только сейчас заметила, что солнце скрылось за деревьями, и мы сидели в тени.

– Тебе переодеться надо и покушать, – заметил Владимир. – Прости, что вылил на тебя всё это. Я так глубоко своё чувство внутрь засунул, что даже не подозревал, что оно существует. А ты вот появилась и напомнила.

Напряжение между нами достигло апогея. Если бы я осталась, он бы узнал, что я его дочь, но история потрясла меня. Я думала, что пережила мама, попав такую передрыгу в одиночестве. Ведь чтобы он там дальше ни рассказывал, он к маме так и не приехал, а женился на этой толстой корове.

Я схватила одежду и поднялась выше, где водопад заглушил мои всхлипывания. Меня трясло от жалости к маме и от несправедливости судьбы. А потом вдруг, когда я вытирала слёзы, на камень кольца Марии упал луч солнца и ослепил меня солнечным зайчиком. На мгновение в тени деревьев я увидела Марию, а в голове уже знакомым мне, чуть хрипловатым усталым голосом, прозвучали слова:

– Не плачь, Авдотья. Тебе придётся выслушать его. Это часть твоей миссии.

– И тогда я смогу помочь маме?

– Если дойдёшь до конца, ты поможешь всем.

– Я дойду, не могу больше слышать про страдания.

Лицо Марии исчезло, я снова услышала водопад, а в голове появилась мысль: «Уж не я ли причина всех страданий?» Но я же ведь тогда ещё была только клеточкой.

«Не нужно мыслить измерениями одной жизни», – прошелестело ветвями дерево.

Схожу с ума, перегрелась или перекупалась, – подумала я, сбегая вниз. Владимир, тем временем, развёл на камнях костёр и повесил курицу над огнём.

– Думаю, тебе не помешает горячее, – сказал он.

Ненависть к нему вдруг исчезла, меня охватило приятное чувство защищённости. Хоть он и не знал, но я почувствовала себя дочерью. И отчего-то маленькой. Даже в щёку поцеловать его захотелось.

Мы поделили курицу и картошку и, похрустывая огурцами, принялись за еду. Мне казалось: я никогда не была такой голодной. После обеда он угостил меня чаем из термоса. Таким же вкусным, как и накануне у него дома.

– Обожаю чай с жасмином, – сказала я, чувствуя, как согреваюсь и наполняюсь силой.

– Лика тоже любила, – он осёкся. – Хватит на сегодня воспоминаний.

– Нет, прошу вас. Расскажите. Я всё равно так устала, что не могу пока идти дальше, – соврала я.

– Устала? Не заметил. Ладно, буду идти помедленнее.

– Не надо. Просто давайте ещё посидим. И вы расскажете до конца. Здесь так красиво.

– Ты, правда, напишешь об этом?

– Хорошо, – согласилась я, подумав, что просто обязана всё это написать хотя бы для того, чтобы отдать маме.

– А у тебя есть отец? – вдруг спросил Владимир.

Я выдержала его взгляд, стараясь не моргать.

– У меня есть зачинатель. Я его так называю. Тот, кто меня зачал. Мама меня одна вырастила.

– Кто знает, может, я тоже, как ты говоришь, зачинатель, – он опустил голову, словно принимая обвинение.

– Так вы поехали в Москву?

– Давай уж по порядку. Недолго осталось, – Владимир поднял голову, но так и не выпрямился, остался сгорбленным. Это не шло к его спортивной подтянутой фигуре. Казалось, его кто-то ударил.

– Я купил билет, собрался ехать. Мы тогда с родителями жили, которые волей неволей в курсе дела оказалась. Они в мою жизнь не вмешивались, но когда узнали, что Ленка беременна, – она им рассказала – начали насаждать, чтобы я на ней женился. Нам, говорят, стыдно будет в глаза людям смотреть. Город маленький, а уж Мамайка тем более. Все нас

тут знают. Уже разговоры пошли. Я пытался им объяснить, что люблю Лику и женюсь только на ней. Родители завели песню: красotka московская мне не пара, она не сможет жить в Сочи, а ты не можешь нас бросить. Родители тогда на пенсию жили, комнаты сдавали, отец экскурсии возил, я им помогал в свободное от работы время. Ленка идеально вписывалась в наш, так сказать, семейный бизнес. Плюс ещё огород у нас был. Ну, в общем, отец попробовал на меня надавить, я грубо ему ответил, что сам буду свою жизнь строить и уехал к ребятам. Телефонов тогда сотовых не было, ночью я не пришёл, вернулся утром. Мать плачет: ночью отца с сердечным приступом забрали в больницу. Конечно, я себя виноватым почувствовал. Отец на сердце никогда не жаловался. Мать, правда, ни словом не упрекнула, только попросила, чтобы я отпуск на работе взял и помог им. Полный дом отдыхающих, экскурсии расписаны, а отец в больнице. Ну что делать?! Пришлось остаться. Ленка тут же появилась, начала матери помогать. Мы тогда ещё отдыхающих завтраками кормили и уборщицы у нас не было. Я Лене говорю: «Зря стараешься, я всё равно уеду», а она мне: «Никуда ты от нас не денешься. Место тут твоё». Как собаке мне сказала. Место! Не представляешь, как часто я вспоминал её слова.

А дальше поехало: отец вышел, мать на операцию: кровотечение по женской части. И опять я не могу уехать. А Ленка тут, конечно, вертится, помогает. Получается я негодай, она святая. А я сердцем понимаю: ловушка эта. Дни считаю. Звоню Лике по её домашнему телефону, а там сначала трубку не берут, потом какая-то женщина говорит, что Лика уехала, а ей ключи оставила. Ты не поверишь, но я вылетаю только через три месяца и за это время ни одного словечка между нами, но я понял: люблю только её одну. Мать с отцом всю плешь проели, что я их опозорил. Мне уже всё равно. Я, наконец, купил билет и могу ехать в Москву.

Приезжаю по адресу: открывает женщина, говорит, я купила квартиру, никакой Лики не знаю. Выхожу во двор, сажусь на скамейку у подъезда и понимаю, что всё кончено. У меня нет больше адресов, я не знаю никого из её знакомых и, смешно сказать, но с собой у меня нет ни одной её фотографии. И всё же я думал: Бог или судьба нас сведут. Я не мог поверить, что мы расстались. Неделью я ходил улицам и смотрел на блондинок. Надеялся на встречу. Бесполезно. Последний день, я просто ходил по местам, где, как я чувствовал, ей было хорошо. Мне казалось: это был Калининский проспект с такими домами, как книжки.

– Да, ей нравится это место, – вдруг вырвалось у меня. Я поспешно закашлялась. Потом начала врать, краснеть, а он всё смотрел и смотрел на меня, а потом хлопнул себя по лбу.

– Как же так, я не догадался сразу. Ты же её дочь, Авдотья.

Ну вот именно точные слова: её дочь, не моя дочь. Зачинатель. Я встала.

– Не понимаю, о чём вы говорите, – фраза из старого фильма.

А он так просто мне руку протянул:

– Ну привет, солнышко. Я чувствовал, что ты есть.

Может, я когда-то и фантазировала, что встречу отца, но никогда не думала, что это будет так. Здесь, среди гор, водопада и сверкающего солнца это казалось естественным. Здесь я могла его простить, если бы у меня остались обиды, но они исчезли. Мне достаточно было выслушать. Его эмоции, подёргивание глаза, нервно сжатые руки, губы, прикушенные до крови. Он не знал, кто я, когда рассказывал. Он не мог притворяться.

Смогу ли я когда-нибудь выговорить это простое «папа»? Странно, но я чувствовала его любовь. Ту давнишнюю любовь, когда он любил меня, блуждая по улицам Москвы, ища маму и не зная, есть ли я во плоти.

– Папа!

– Дочка!

Может, в истории это было самое быстрое признание дочери?

– Я хочу прыгнуть, как ты. Оттуда, – сама не зная почему, вдруг произнесла я.

– Я не могу потерять тебя, когда нашёл.

– Но ты можешь договориться с духами. Это будет для нас подтверждением родства.

– Если это так важно для тебя. Я попрошу дух отца, чтобы он тебя прописал.

– Что? Смешно, – я чувствовала себя в приподнятом настроении. Похоже, не только я в этом городе общаюсь с духами.

– Тогда я тоже попрошу своих, – продолжала я. – У меня тут прапрабабушка Мария похоронена. – Я глупо хихикнула. – Мы с ней иногда общаемся. На лице отца не проскользнуло никакого недоверия. Он только кивнул и, отойдя от меня на два шага, повернулся лицом к водопаду. Губы его беззвучно шевелились. Я прониклась. Позвала Марию и попросила. Она кивнула. Мол, нужно, так нужно. Я помогу.

– Ты готова? – отец повернулся ко мне. Лицо у него было суровым и собранным, словно готовился к сражению. У меня задрожали коленки. Пронеслась ласточкой мысль: что я делаю?

– Идём! Встанешь, где я скажу, сделаешь, как я скажу!

От его слов дрожь прошла. Я шутливо отсалютовала, подняв руку.

– Есть, капитан!

– Мне после этих твоих слов даже анализ на ДНК делать не надо, – усмехнулся Владимир. – Ликин жест и её слова, когда я пытался командовать.

Отец поддерживал меня, пока я готовилась на строго выбранном им месте. Я прыгнула по его команде. Как только оказалась в воздухе, почувствовала крылья. Сильные надежные крылья, которые донесли меня до воды, словно чайку, заметившую добычу в море и решившую её непременно схватить.

– Это было прекрасно и совсем нестрашно, – сказала я, как только выбралась из воды и подошла к отцу. Он ещё был бледен, видимо, переволновался.

По дороге обратно я так устала, что заснула в машине.

– Авдотья, приехали.

Я открыла глаза. Весь наш чудесный день в горах промелькнул передо мной. Я наклонилась и поцеловала его в щёку.

– Пока не знаю, стоит ли говорить о тебе Лене, – нахмурился он.

– А я пока не знаю, стоит ли говорить маме, – засмеялась я.

– Ну что ж, давай хранить нашу тайну. Я ужасно рад, что ты есть, и ты такая замечательная. Я бы хотел увидеть Лику. Интересно, какая она стала.

Я достала айфон и показала несколько фотографий. Он вцепился в телефон, растягивая фотографию, увеличивая лицо.

– Такая же красавица, – вздохнул он. – Только более мудрая.

– Если бы ты знал, сколько она всего делает для этого. Тренажёры, личный тренер, бассейн.

– У неё есть кто-нибудь?

– Был. Они расстались. Я надеюсь, он вернётся. Мама к нему очень привязана.

Я вышла из машины, помахала ему рукой. Мне показалось, что в окне дома мелькнула тень. Неужели Катя подсматривает за мной? В любом случае ей надо выразить благодарность за обед для пикника. Как здорово, что мы встретились и поговорили. После его истории у меня больше нет обиды, что меня бросили. Я закинула голову и посмотрела в звёздное небо. Теперь я люблю Сочи ещё больше: здесь мои родители любили друг друга и это родной город моего отца.

Глава 8

После насыщенного дня хотелось спать. Даже если бы позвонил Таркан, я бы не смогла пойти на свидание. Похоже, в Сочи я становлюсь ленивой. В Москве в это время я готова была пойти зажигать с девчонками в бар или на дискотеку. Вытянувшись на постели, включила телевизор, но происходящее на экране, где рекламы было больше, чем самого фильма, меня не заинтересовало. В мыслях я то и дело вспоминала фразы из нашего разговора с отцом, его улыбку, сильные руки, поддерживающие меня в сложных местах. Так что скоро я нажала на кнопку пульта и провалилась в сон.

Не знаю, сколько я проспала, было ещё темно, когда почувствовала лёгкое дуновение, заставившее заплесать тюлевую занавеску, на фоне которой появился женский силуэт. Я не испугалась, было предчувствие, что меня навестят. Правда, я ожидала Марию, но это была

другая женщина. Её узкое, затянутое в талии, платье серого цвета, спускалось к полу элегантными складками. Маленькая шляпка кокетливо сдвинута набок. Черты лица тонки и благородны.

– Мария отправила меня к тебе, – продолжила она, элегантно присаживаясь возле журнального столика. Теперь я заметила, что платье у неё с турнюрком и большим бантом. На ножках – показавшимися мне очень маленькими – туфельки. Цвета были какие-то блёклые, или это она выбрала такой образ. – Мария всегда всех спасала и теперь ничего не изменилось. Вместо того чтобы заниматься своими делами, пришлось вам помогать. Но я здесь ненадолго. – Тон голоса у неё был капризный, во всяком случае, в моём мозгу так отпечатывались её слова.

– Вы Татьяна, мама Марии? – угадала я.

– Мне не нравится это имя, но меня действительно тогда так звали. – Она поправила шляпку.

Имя и на самом деле не вязалось с обликом.

– Я могу называть вас как-то по-другому.

Она передёрнула плечиком.

– Будет проще, если ты будешь задавать вопросы. – Марии было тяжело с такой матерью, подумала я.

– Я её любила, – вдруг живо ответила Татьяна. Всех любила. Разницы не делала. У меня их пятеро родилось.

– Пятеро детей?

– Двое мальчиков погибли, три девочки выжили. Вот – она загнула два пальца – пять пальцев на руке: отрежь один, будет больно, несмотря на то, что останется четыре. А отрежь два?

Я села на кровати, еле сдерживаясь, чтобы не броситься к ней и обнять. Вовремя сообразила: невозможно обнять того, кто не имеет тела.

Татьяна достала из складок юбки платочек и приложила к глазам. На её лице появились морщины, или я не заметила их вначале.

– Я не хотела рожать столько детей, но мой муж ничего не хотел слушать. Его темперамент был моим наказанием. Сразу скажу: я его не любила. Ни дня не любила, – слёзы на её глаза высохли, на лице проступила досада. – Несмотря на его красоту. Вот сидит напротив меня: глаза голубые, волосы чёрные, борода чёрная, так бы и плюнула: тьфу, какой красивый. Наш брак родители устроили. А я другого парня любила. Не дали нам вместе быть. Любимого моего женили, меня замуж выдали. Родителям наплевать на чувства. Не хочу вспоминать. Всю ночь перед свадьбой проплакала. Ну а потом дом, семья, хозяйство. Беременности одна

за другой. Смерть, забирающая невинных. Они были такие хорошенькие, мои мальчики. Старшенькому было пять лет.

По моим щекам потекли слёзы. Я больше не порывалась встать, тяжесть её горя передалась и мне. Плечи Татьяны ссутулились, теперь она напоминала старушку.

– Что ещё хочешь спросить?

– Вы с мужем всю жизнь прожили?

– Да. Пётр любил меня, – она махнула рукой в кружевной перчатке. – Я бы не обиделась, если бы он оставил меня в покое. Жили мы неплохо. Девчонки хорошие были. Утешали меня, как могли. Маша больше всех переживала. Молилась за них. Очень ей братика хотелось, потом сына, чтобы меня внучком порадовать. Но у неё тоже только две девочки родились, а мальчик ушёл на небо. Ещё одна замуж не вышла, а другая вышла, но опять девочка в итоге. Маша сказала: беда до сих пор продолжается?

– Да, – мне не хотелось говорить, что уже и девочки не рождаются, и мужчины сбегают, но не стала.

– Кольцо на тебе Машино. Я по нему тебя нашла. Оно как маячок, – Татьяна поднялась. – Ну, прощай, Авдотья. Бог тебе в помощь. То, что нужно, я тебе рассказала.

Она растворилась в воздухе, а я откинулась на подушки. Настроение было ужасным. Неудивительно, что пра-пра-прабабушка не хотела вспоминать и возвращаться в прошлое. Вертелась я на постели до утра, забылась только под утро. Приснилось, что я иду за маленьким гробом в чёрном платье и чёрной маленькой шляпке с вуалью.

Утром долго валялась в постели, не зная чем себя занять. Мне не хотелось ни на море, ни, вообще, выходить. Даже солнечный луч, весело пробивающийся сквозь шторы, сегодня казался неуместным. Если вернуться к объяснению Виктора, что я и есть та самая Авдотья, то есть её душа, то что она-я должны были сделать, чтобы получить такое страшное наказание? Думать об этом было так тяжело, что я накрылась с головой одеялом, надеясь ещё немного поспать, но мелодия мобильного телефона нашла меня там. Таркан? Я вылезла и нашла телефон вместе с кучей одежды на полу. Обычно я всё аккуратно развешиваю, но вчера была слишком уставшей. Увидев физиономию начальника на экране, чертыхнулась. Вот знала бы, что это он, осталась бы под одеялом.

– Авдотья, надеюсь, не разбудил? Или ты уже на море?

– Разбудил, – соврала я, вновь испытывая разочарование, что это опять не Таркан. Надо на него поставить другую мелодию. Хотя, что ставить, если он пропал.

– А на море полагается вставать рано и загорать до одиннадцати, – изрёк Антон. – А ты так долго спишь.

Я встаю рано, когда призраки не навещают по ночам.

– Авдотья, – голос у начальника прямо-таки звенел в ушах, и я отодвинула телефон, – сегодня тебе придётся отменить купание и поработать. Вчера мы встретились с новым партнёром и заключили договор. Будем продавать оборудование, для этого тебе надо подготовить специальную страничку на сайте. Шаблон ждёт тебя на почте. Сделать надо к завтрашнему дню, а лучше часика через два. Ты же способная. Быстро сделаешь, пойдёшь на пляж.

– Может, я сама решу, куда идти? – лениво отозвалась я, чувствуя, что сегодня покровительственный тон начальника злит меня меньше, чем обычно. Видимо, не выспалась. А скорее всего я рада работе. Когда пишешь код, в голове воцаряется мир. Ну так у меня во всяком случае.

– Ну-ну, я знаю, что ты взрослая девочка. Это я так, от зависти, что ты на море, а у нас опять дождь в Москве. В общем, я жду, – Антоныч повесил трубку, а я, чувствуя, что мне есть чем заняться, отправилась в душ, чтобы стряхнуть сонное оцепенение. Сначала я думала: не остаться ли в постели, но всё-таки мне нравилось работать за столом, да и чашка кофе не помешает. Надела первый купальник, который попался под руку. Вдруг захочется искупаться?! С ноутбуком под мышкой в джинсовых шортах и топике я прошествовала к бассейну, удивляясь очередному яркому дню. Когда видишь такое сверкающее великолепие, депрессия отступает. И если, лёжа в постели, мне ничего не хотелось, то сейчас, улыбнувшись солнцу и, позволив ноутбуку, загружать файлы, я прыгнула в бассейн. Немного освежившись, уже примирённая с жизнью, я уселась за столик. Минут через десять появилась Катя. Услышав про овсянку, искренне удивилась.

– Здоровый образ жизни, – пожала я плечами. – С изюмом вместо сахара.

– Изюм есть, а вот овсянки, скорее всего, нет. Но я отдам распоряжение, чтобы купили.

– Буду вам очень признательна, – я склонила голову набок.

– Тогда сегодня яичницу?

– Два варёных яйца под майонезом.

Катя удалилась, явно недовольная. Видимо, её вывело из себя моё нежелание есть, как все. Ну что делать, поживи с такой мамочкой, будешь с десяти лет знать, сколько калорий в каждом мороженом. Я прочитала письмо начальника, открыла дизайн нашего верстальщика и углубилась в работу. Заметила, что яйца съела, когда поднесла ко рту пустую чашку с кофе. Хотелось пить, но отвлекаться не стала. Нужно сделать всё, если не за два часа, то хотя бы до вечера. Наградой будет чистый мозг без всяких мыслей о себе. Я пару раз покрутилась со стулом, чтобы спрятаться от солнца и оказалась спиной к входу. Любуясь своим творением на экране, я вздрогнула, почувствовав лёгкое прикосновение к своему плечу. Повернула голову. Таркан стоял передо мной в голубой наглаженной рубашке и светлых брюках. Чистый мозг не успел получить никаких запретов и выдал правду: как люблю и как соскучилась.

– Здравствуй, белочка! Я знал, что ты обиделась и приехал лично просить прощения.

– С чего ты взял? – пожала я плечиком.

– Вижу это по твоему заострившемуся умному личику.

Уж не намекает ли он, что я исстрадалась по нему? Я улыбнулась, подперев голову рукой.

– Вчера ходила в поход, немного устала.

– В поход? – удивился Таркан. – Однако ты умеешь себя развлечь. Там, наверно, было много мужчин?

– Всего один, но симпатичный, – я вспомнила отца.

– Остальные девушки?

– Девушка была только я.

Его глаза сузились.

– Ты ходила в горы вдвоём с незнакомым мужчиной?! А если бы он тебя там закопал?

– Не волнуйся, контакт проверенный. Он водит группы туристов, но я его выкупила для себя, – я наслаждалась изумлением, которое Таркан и не думал скрывать.

– Он тебе так понравился?

Я сделала таинственное лицо.

– Ну в общем, да.

И тут у меня зазвонил телефон, а на экране высветилась надпись «Владимир-зачинатель». Мы мило поболтали, отец поинтересовался, не болят ли у меня ноги и сказал, что сегодня ведёт группу в Солохаул, не хочу ли я присоединиться.

– Может, объяснишь, почему он зачинатель? – спросил Таркан, успевший прочитать название контакта, высветившееся на экране. – Он что, детей зачинает по просьбе трудящихся колхозниц?

Я долго не могла успокоиться от хохота. Ну если маман можно назвать колхозницей, то всё к этому свелось. Таркан дал мне отсмеяться, а потом, приблизившись к моему лицу, взял его в ладони.

– Ты очень легкомысленная, Авдотья, хотя и пишешь непонятные значки, – он кивнул на экран ноутбука, где во всей красе светился мой длинный код новой страницы.

– Кстати, подожди, – я нашла мышку и нажала сохранение, а потом ещё сделала резервную копию. Всегда так поступаю: хитрые программы могут выйти из строя из-за одной запятой или лишнего пробела. Потратишь часы, отыскивая ошибку.

– Итак? – спросила я, чувствуя, как моя обида испарилась, а в животе начинается знакомое трепыхание. Аромат его туалетной воды смешивался с запахом тела. Он прижал губы к моим лишь на мгновение, чтобы меня окатило горячей волной.

– Разве я не вольна делать, что хочу? Я ведь тебя не спрашиваю, чем ты занимался.

– А что спрашивать?! Я провёл кучу времени в «Моремоле» в магазине «Дочки-сыночки», пока она выбирала вещи для малыша, потом мы поехали за кроватью, коляской. И всё надо было сделать именно в эти два дня.

– Вообще-то есть примета, что нельзя заранее покупать вещи для ребёнка.

– Я ей говорил, но кто меня слушает?! Она и врачей не слушает. До сих пор УЗИ не сделала. Так и не знаем: мальчик или девочка.

Таркан ни разу при мне не называл её по имени, предпочитая местоимение. Может, считал, мне так легче. Но я бы, вообще, предпочла ничего не обсуждать и провести оставшиеся дни в постели.

Таркан провёл пальцем от ямочки на шее, доходя до ложбинки груди и вздохнул:

– Так бы и съел тебя, но слишком жарко для обеда, – он посмотрел на бассейн. – Ты купаешься здесь?

– Да.

Он начал расстёгивать рубашку.

– Что ты делаешь?

– Искушаюсь вместе с тобой.

– Нас могут увидеть, – я представила Катину выражение лица. – Кстати, никак не пойму за что Катя меня не любит?

– Всё просто. Она родственница, – он замялся, – моей будущей жены.

– Понятно. Тогда неудивительно. Не стоит даже купаться.

Таркан, тем временем, снял брюки и остался передо мной в трусах, похожих на плавки. Я покраснела.

– Ну давай же, белочка, а то я брошу тебя в бассейн в шортиках вместе с твоим любимым компьютером.

– С ума сошёл?! – я выключила компьютер и бережно закрыла крышку. Таркан подал мне руку, вытаскивая меня из-за стола. На миг наши разгорячённые тела соприкоснулись, и он весело спросил:

– У тебя под шортиками есть трусики?

– А ты проверь, – хихикнула я, – и он запустил руку мне в шорты, стискивая ягодичу. – Я взвизгнула и тут же закрыла рот рукой. Пока мы боролись, я заметила нашу домоправительницу с лейкой. Таркану сегодня, похоже, было всё равно. Он махнул ей рукой.

– Катя, а лимонад есть? – нахально спросил он, не отпуская меня.

Домоправительница подошла ближе, испепеляя меня взглядом.

– Ника сказала вас накормить.

– Она уже обедала? – спросил Таркан.

– Да, уезжает по делам. Увидела в окно ваши игры.

Таркан посмотрел на меня.

– Тогда мы будем обедать у бассейна, да?

Моя рука застыла на поясе шорт, и я ничего не могла вымолвить. Этот странный пофигизм Таркана заставлял меня нервничать. Не понимаю, зачем демонстрировать наши отношения? Что сегодня произошло? Будущая супруга так достала, что у него начался протест, как у ребёнка?

Когда Катя повернулась спиной, я набросилась на Таркана:

– Что происходит? Ты никогда так себя не вёл?!

Он потянулся к моим шортам, но я отбросила его руку.

– Тогда сама раздевайся. Будь хорошей девочкой.

Я стянула топик и шорты, оставшись в зелёном откровенном купальнике. В общественные места я его не ношу. У него слишком маленькие треугольнички, которые не могут заслонить мою большую грудь. А уж если я повернусь задом: кажется, что на мне только пояс.

Я не поворачивалась, но он сам меня повернул и шлёпнул по попе.

– Это что такое?! Неужели ты так ходишь на пляж? Неудивительно, что к тебе цепляются рыжие дядьки.

– Я надела это для бассейна. На пляж я так не хожу, – я прыгнула в воду. Таркан проплыл несколько метров с головой, с наслаждением вынырнул и пригладил волосы. Я старалась держаться от него подальше, но куда спрячешься в бассейне?! С мокрыми волосами, зачёсанными назад и ресницами, с которых капала вода, он выглядел ещё сексуальнее. Стоило мне расслабиться, как я очутилась у него на руках.

– Что на тебя нашло? Совсем крыша съехала, жених?!

Таркан сразу помрачнел.

– Тебе знакомо чувство, когда ты устал быть хорошим и правильным?! Делать то, что ты не хочешь делать, а надо. Прости, если обидел, – он отодвинулся на безопасное расстояние.

Ну я вовсе была не против, конечно. Хотя и зла на него ужасно, за то, что не звонил столько времени. За то, что наше время исчезает. Похоже, и он дёргается. Но не здесь же на глазах у всех ?!

– Да, ты права, не здесь?! – Я удивилась, видимо, последнюю фразу от волнения вслух произнесла. – Не надо было Катю просить обед подавать. Поехали бы куда-нибудь.

– Можем и после обеда поехать, – отчего-то мне хотелось его обидеть. – А лучше всего заняться любовью на шезлонге. Раз уж тебе плевать на то, что я здесь живу и у меня тут родственники.

Таркан вылез из бассейна и наклонился, подавая мне руку.

– Вылезай, буду вести себя прилично. Вон уже и Катя идёт с тарелками. Пообедаем и я уеду. Наверно, тебе лучше заняться работой.

Тут уже я расстроилась. Зачем он приезжал, если не хочет забрать меня с собой? Пока я шла до столика, Катя обдала меня таким взглядом, что я поправила купальник, хотя это не спасло положение. Старалась не поворачиваться к ней боком, чтобы она не видела мои голые ягодички. Что заставило меня надеть этот купальник? Но я не ждала гостей. Собиралась искупаться в одиночестве после того, как поработаю.

Поставив тарелки на стол, Катя удалилась, не сказав ни слова. Мы молча принялись за еду. В общем, сами того не желая, испортили друг другу настроение. А надо было радоваться последним денькам. Но стоило нам обоим положить в рот ложку супа с мидиями, как мы посмотрели друг на друга.

– Восхитительно, – проговорили мы одновременно, поспешно потянувшись снова к супу. Так мы и ели, не поднимая головы от тарелок. Даже бабочки в животе затихли. Праздник желудка.

Съели мы одновременно. Обсудили, как же Катя хорошо готовит. Потом долго смотрели друг на друга. Я не выдержала:

– Знаешь, не могу на тебя сердиться. У тебя это бунт перед свадьбой.

– Спасибо за понимание, хотя и несколько запоздавшее.

– И я не хочу больше сидеть дома.

Таркан погладил меня по руке.

– Тогда одевайся, а я пока выключу телефон, чтобы этот день был только наш.

Я упорхнула, завернувшись в полотенце. По дороге встретила Катю и начала говорить, как мне понравился суп, но она перебила меня:

– Когда ты, наконец, поймёшь, что он женится?!

– Вот когда женится, тогда и пойму, – разозлилась я и прошла в дом. Видимо, она считает меня достойной соперницей, раз так нервничает, подумала я, поднимаясь по лестнице. В комнате я быстро стянула мокрый купальник, надела кружевное бельё оливкового цвета и цветастый сарафан на бретельках с широкой юбкой, который ещё ни разу не надевала. Расчесала подсохшие волосы, схватила маленькую сумочку. Последний взгляд в зеркало, и я, довольная собой и чувствующая себя настоящей соблазнительницей и стервой по совместительству спустилась вниз.

Таркан уже оделся. Невысохшие трусы промочили брюки в самом неприличном месте.

– Какая ты красивая, – сказал Таркан, подталкивая меня к выходу. Спиной почувствовала Катин взгляд. Мысленно сказала ей: «Ты не сможешь помешать нам сегодня. Это будет наш день».

А после жаркой даже под кондиционером ночи, опять настало хмурое для нас и солнечное в городе утро. Таркан нежно гладил меня по волосам.

– Хотел бы остаться, но надо бежать по делам. Сегодня у нас совещание.

– Ты говорил, что вольный художник.

– Что-то последнее время от моей воли мало зависит, – между густыми бровями Таркана залегла складочка. – Белочка, у тебя когда-нибудь было так, что всё выходило из-под контроля?

– В таких случаях надо что-то подправить в функционале, – усмехнулась я.

– Знаешь, у тебя странная профессия для девушки. Даже представить не могу, как ты со всем этим управляешься.

– Это легче, чем в жизни. Тот мир лучше подчиняется мне.

Он потрепал меня по волосам.

– Умная красивая и созданная для меня. Разве так бывает?! Если я попрошу тебя сбежать со мной, ты согласишься?

– Это будет до свадьбы, после или вовремя? – как можно равнодушнее спросила я, стараясь не дать забиться глупому сердечку.

– Ещё не знаю. Жду, пока дойду до такой стадии, что мне станет всё равно: негодяй я или нет. Только бы с тобой.

– Боюсь, ничего не выйдет. Даже если сбежишь, – хмуро заметила я, спуская ноги с кровати на пушистый ковёр. У меня вдруг, как только он заговорил, сразу лицо Марии появилось перед глазами, и она отчаянно замотала головой: мол, не делай этого. «Я и не собираюсь», –

мысленно ответила я ей без особого волнения, замечая, что уже вовсю наяву общаясь с умершими родственниками. Может, это от недосыпания? Спали всего четыре часа.

Таркан подошёл к окну.

– Ну что, погода, как всегда чудесна. Пойдёшь сегодня на пляж?

– Думаю, мне пойдёт на пользу окунуть невыспавшийся мозг в солёную воду, чтобы со свежей головой приняться за работу.

– Прости, что приставал к тебе. Если бы ты знала, какая ты сексуальная, – он повернулся ко мне и его чёрные глаза сверкнули. – Ты не ответила? Ты сбежишь со мной?

– Куда?

– Мы можем поехать в Турцию. У меня там друзья, перекантуемся какое-то время, потом...

И снова лицо Марии передо мной. Глаза такие испуганные.

– Давай не будем на эту тему, ладно? – разозлилась я, хватая со стула одежду. – Ты женишься, потому что она беременна. И ты не сможешь быть счастливым, зная, что нужен ей. Мне было бы легче, если бы ты предложил мне роль любовницы. Может, я бы и согласилась?!

Таркан перестал застёгивать пуговицы на кремовой рубашке.

– Этого не будет. Лучше мы вообще не будем встречаться.

– Значит, не будем, – мне, наконец, удалось собрать вещи со стула, и я направилась в ванную.

Он перегородил мне дорогу.

– Мне иногда так хочется рассказать тебе правду.

– Так расскажи.

– Ну не сейчас же. У нас есть ещё....

– Ты посчитай, сколько нам осталось, а я пока приму душ, – я со злостью заперла дверь. Невыносимо. Надо скорее бежать отсюда, чтобы остаться одной и прийти в себя. «Ты молодец», – прорезался в мозгу голос Марии.

«Я просто супер», – сказала я вслух, залезая в душевую кабину, чтобы смыть с себя запах нашей любви.

Когда я вышла одетая, Таркан протянул мне чашку горячего кофе.

– Прости, холодильник опять пустой. Но тебя, наверно, ждут блинчики у бассейна?

– Ты вчера так опозорил меня своим поведением, что я предпочту позавтракать на пляже в кафе, – сказала я. На самом деле меня раздирала такая тоска, что хотелось оказаться среди людей, а не дома.

– Ну, прости, бельчонок. Ты такая милая, когда злишься.

– А ты не зли меня, – я провела губами по его щеке, чувствуя лёгкий аромат туалетной воды. Какой бы дорогой парфюм он не использовал, я бы предпочла его родной запах.

Пока Таркан складывал документы в папку, я пила кофе, думая, что когда ночуешь не дома, собирать нечего. Жаль, вчера не захватила с собой пляжные принадлежности.

В машине слушали радио и молчали. Только раз Таркан взял мою руку и поцеловал. Так, как будто прощался.

– Подвези меня к морю, я сначала позавтракаю, – попросила я его по дороге.

– Будешь купаться голой?

– Куплю на пляже купальник.

– Тебе так стыдно за вчерашнее?

– Нет, просто умираю с голода.

– Прости, что не составлю тебе компанию.

Я только кивнула. У шлагбаума, преграждающего заезд на пляж, вышла из машины, даже не поцеловав его, словно он был таксист, а не мужчина, с которым мы провели страстную ночь. Перебежала на ту сторону речки и влилась в поток туристов, нацепив на нос очки. Мысль о том, что я на самом деле могу купить купальник, меня позабавила. Можно не терять времени и не возвращаться домой. В кафешке я заказала яичницу с беконом и свежавыжатый апельсиновый сок. Уселась лицом к морю. Вытащила из сумки телефон и позвонила маме.

– Привет, мамуль, как дела?

– Хорошо. Как ты, солнышко?

– Солнышко на солнышке. Погода чудесная. Сажу в кафе, жду завтрак.

– Завидую, а у нас дождь и холодно. Знаешь, вчера Виктор звонил.

– И? – я прижала трубку к уху, вдруг почему-то решив, что не буду ей рассказывать, что встречалась с отцом и провела с ним чудесный день.

– Сказал, что работает с нашей ситуацией и есть надежда, что нам разрешат быть вместе. И ещё сказал странную вещь. Даже не знаю, говорить тебе или нет.

Это был коронный мамин номер. Она начинала и умолкала на самом интересном.

– Мам, если ты уже начала, то договаривай.

– Виктор сказал, тебе нужно отказаться от какого-то мужчины. У тебя что, уже есть мужчина? – в голосе мамы звучало удивление.

– Я не понимаю, о чём ты, – сказала я, чтобы выиграть время.

– Всё ты понимаешь, Дуняра. Какой-то мужчина восточного типа. С чёрными бровями и глазами. Очень красивый.

Как я люблю экстрасенсов, которые, словно свечку в постели держат. Анализы не надо сдавать, сразу скажут: было у вас или не было.

– Мам, у меня что-то телефончик садится.

– Авдотья, ты не должна с ним встречаться! Надо отпустить его. Это он! – крикнула мама, словно, в самом деле, поверила, что связь оборвётся, а я останусь на необитаемом острове с женщиной, которого непременно надо бросить.

Вроде бы мне впору засмеяться, но по спине пробежал холодок, и я поёжилась.

– Кто он, может, ты скажешь?

– Мужчина из твоего прошлого. Из-за которого всё произошло.

– Из какого прошлого? – вдруг связь действительно оборвалась, и маман оказалась вне доступа. А мне принесли яичницу, на которую я воззрилась с удивлением.

– Что-то не так? – спросил официант.

– Нет, всё хорошо, – кивнула я. – А можно мне вместо кофе вина?

Официант не моргнул глазом.

– Конечно. Стаканчик или сразу бутылочку?

– Начнём со стаканчика, – сказала я, вспомнив, как однажды, когда мы с мамой отдыхали в шикарном отеле в Испании, утром вместе с закусками, хлопьями и кашкой подавали шампанское. Здесь, конечно, не Испания, но красное вино придаст мне сил после бессонной ночи и даст возможность обдумать мамины слова. Я снова набрала номер: абонент вне зоны доступа.

Глава 9

Остаток дня мне пришлось провести в обнимку с компьютером. Сначала я засела в кафешке на набережной, но пьяные разговоры отдыхающих, запах пива и нелепые заигрывания: «девушка, вы, что самая умная, раз с ноутбуком?» меня достали. Можно подумать, что здесь все только и делают, что пьют. Ну не объяснишь же, что компьютер пьяных не любит. Открываются не те файлы, нажимаются не те буквы, а уж мозг работает с каким-то вывертом. Так что я даже к ноуту не приближаюсь, пока не протрезвею. А мне пришлось

протрезветь, хотя я бы предпочла находиться не в кондиции, чтобы не думать о том, что прошёл ещё один день. Снова зазвонил телефон и, поговорив с Антоном Антонычем, я захлопнула серебристую крышку Мака и попросила счёт.

– Девушка, вы уже уходите?!

– Мне надоело изображать самую умную, – сощурилась я на добродушного парня в шортах с голым торсом и нависшим животиком.

– А можно вас куда-нибудь пригласить?

Я не соизволила ответить. Ну хоть бы пузан из-за столика приподнял?! Раньше воспитанные мужчины вставали, когда женщина уходила. Эх, куда всё делось? Хотя Таркан мне дверь открывает, чтобы я в машину села.

Гордо прошествовала к выходу из кафе со странным названием «Мята». Здесь все кафе надо было называть «Витя хочет выпить» или что-нибудь в этом роде. Как мой отец смог жить в таком развращённом городе? Тут я вспомнила, что он звонил днём, а я была в море и так и не ответила на вызов. Я зажала телефон ухом, когда прозвучало его «алло».

– Привет! Ты звонил?

– Да, как ты? Завтра веду группу на Калиновое озеро. Хочешь с нами?

– Да! – мне хотелось сказать: « да, пап», но я не решилась. Горы лучшее, что может быть в моём настроении. Даже хорошо, что мы не будем вдвоём. Мне хотелось посмотреть на отца в роли инструктора и не берeditь старые темы, которых было бы не избежать.

Договорившись с отцом и чувствуя себя при деле: сегодня надо закончить программу, а завтра мы поедем на озеро, я нажала на звонок. Конечно, открыла Катя.

– Добрый вечер! – она с иронией посмотрела на компьютер под мышкой, но удержалась от ехидства, лишь процедила сквозь зубы. – Ника хочет поговорить с тобой. Зайди к ней.

Я ещё ни разу не была у Ники в комнате, хотя и знала, что она находится на первом этаже после длинного коридора. Бросив ноут на диван, я прошлёпала сразу к ней. Ника сидела в кресле на колёсиках перед столом и что-то печатала, но когда я вошла, сразу повернулась ко мне.

– Авдотья, – её лицо засветилось. – Ты такая красивая.

– Спасибо, – я улыбнулась, разглядывая Нику в свободной блузе и коротких брючках. Её оголённые ниже колена тонкие ножки неестественного белого цвета не подходили к её развитой и загорелой верхней части тела и лицу, полному энергии и мыслей. Что-то мне вдруг вспомнилось об увечии, которое меня ожидает, если я вдруг откажусь от выполнения своей миссии.

– Извини, я сегодня не одета для гостей, но эта жара совершенно не подходит к брюкам, а у себя в комнате я не люблю включать кондиционер.

Я подняла взгляд, фокусируясь на её лице с ухоженными бровями и подкрашенными ресницами. Если бы не кресло, я бы хотела выглядеть, как Ника в её возрасте.

– Я была на свидании, – сказала она, улыбнувшись. – Ты моя спасительница. Оказалось, что Коля всё ещё любит меня. Несмотря на... – она показала на ножки. Педикюр на них, несмотря на нежный розовый цвет, казался таким же неестественным, как красная помада на губах девочки ясельного возраста.

– Я рада, что ваши отношения наладились, но я пока ничего для этого не сделала.

– Ты надела кольцо! Взяла на себя миссию! – И сегодня, – произнесла торжественно Ника, – когда мне позвонил мой бывший, я поняла одну важную вещь: если любовь так важна для такой старушки, как я, то для тебя, молодой и красивой, это гораздо важнее. – Ника поправила безупречно лежащее каре. – Вчера видела вас с Тарканом. Если вы любите друг друга, я могла бы помочь вам.

Я, почувствовав, что моё сердце взлетело вверх, словно испуганная птичка, и быстро сказала:

– О чём вы?! Таркан женится.

– Так отговори его!

– Отговорить?! Но... Таркан женится, поскольку она забеременела.

Ника подъехала ко мне и взяла за руку. Её рука была гораздо теплее моей. Поскольку она была в кресле, она казалась ниже, словно стояла на коленях передо мной.

– Это не его ребёнок! – тихо сказала Ника, подняв голову, чтобы видеть моё лицо.

– Что?!

– Это ребёнок его брата, которого он считает, что убил. А на самом деле... Ты, наверно, не знаешь эту историю?

– Я должна была догадаться, – сказала я, сползая по стене и садясь на пол. – Я так глупа, – горячие слёзы потекли у меня по щекам, а Ника тут же приглубила мою голову у себя на коленях, гладя по волосам.

– Ну-ну, девочка моя, не надо плакать. Теперь, когда ты всё знаешь, ты сможешь действовать. Мне надо было раньше сказать, но я тоже связана условностями. Вчера, когда увидела, как вы целовались, поняла: вы любите друг друга. Ты, а не Ляля должна стать его женой. А о ребёнке брата, он итак сможет заботиться. Для этого вовсе необязательно гробить жизнь. Я готова с ним поговорить. Ещё раз. Впрочем, я и раньше не одобряла эту жертву, но он менял девушек, и я подумала, что брак пойдёт ему на пользу.

Я подняла залитое слезами лицо.

– А он часто менял девушек?

– Ну, Авдотьюшка, – Ника достала платочек из кармана и начала промокать мои слёзы. – Не понимай буквально. Сочи курортный город, девушки приезжают развлечься, а он красивый парень.

Я покачала головой и снова зарылась в коленки Ники. Мне было больно. Я вовсе не была уверена, что те дни, когда он не приезжает ко мне, он действительно проводит с невестой. Он может быть с кем-то ещё. И я всего лишь одна из многих.

– Я видела, как он смотрел на тебя.

– Вы думаете, он любит меня? – я подняла лицо, вытирая слёзы.

– Я смотрела из окна, как вы играли, и мне показалось, что ты сводишь его с ума. Он накидывался на тебя, как зверь.

Я засмеялась.

– Так что завтра я приглашу его и скажу ему всё, что думаю. Ещё не поздно отменить свадьбу.

– Но его невеста в положении. Это может как-то сказаться на ребёнке.

– Переживёт, – взмахнула рукой Ника, и я заметила у неё на пальце перстень с большим лунным камнем. – Ляле не следовало соглашаться. Мне кажется, она обрадовалась такому исходу, поскольку и раньше Таркан нравился ей больше мужа. А тут вон как оно обернулось в её пользу. Хитрая девушка сыграла в благородство: мол, пока я ребёнка вынашиваю, погуляй, а потом всё: семья. И дурачок этот согласился.

Я вспомнила, как Таркан вчера спрашивал: убегу ли я с ним? Значит, он тоже не уверен, что сделает последний шаг. Но почему тогда он мне сам не рассказал?! Насколько проще было бы нам. Эх, ладно. Я поднялась на ноги.

– Ника, мне нужно поработать, – сказала я. – На самом деле, я хотела остаться одна и всё обдумать. Голова шла кругом, и я знала, что если погружусь в работу, то мой мозг, отдохнувший от проблем, выдаст решение, как нужно поступить.

– Иди, девонька моя, – согласилась Ника. – Я попрошу Катю...

– Не надо её просить, – резко сказала я.

– Она тебя обижает?

– Нет, но она так на меня смотрит, словно я последняя дрянь.

– Ладно, я пока Катю отправлю в отпуск.

Я вышла из комнаты, пошатываясь, словно пьяная от новостей. Ещё такая усталость навалилась, что пока волочила ноги наверх, решила, что вздремну пару часиков, а потом поработаю.

Я повалилась на кровать, даже не раздевшись. Сон стал моим облегчением, в нём я была свободна от всего, что навалилось на меня. Матрас показался особенно мягким, я словно провалилась в облако. Нахлынуло состояние эйфории. Легко, свободно, как в детстве. Я могу делать, что хочу. Я качалась на качелях в горах, наблюдая за голубым небом, качавшимся вместе со мной. Сердце захлебнулось от восторга, когда я увидела внизу Таркана. Он протянул ко мне руки:

– Если прыгнешь, мы будем вместе навсегда!

Он был очень далеко. Нас разделяла пропасть, внизу голубой лентой текла речка, по извилистому шоссе ехали крошечные автомобили, а вокруг меня стояли зелёные горы. Нужно раскачаться посильнее, тогда я смогу перелететь к нему. Я начала раскачиваться, готовясь к прыжку. Неожиданно качели остановились, и передо мной появилась Мария.

– Отпусти меня! – закричала я, разозлившись, неожиданной остановкой. – Никто и ничто не помешает нам быть вместе!

– Ты не имеешь права! – жёстко сказала она. – Ты взяла кольцо!

– Но я не могу без него! Надо рискнуть. Я сделаю что-нибудь другое. Пожалуйста. Отпусти меня, я так люблю его. – Я начала раскачиваться, наблюдая, как Таркан машет мне. Он был такой крошечный отсюда, а пропасть такой огромной. Но если я раскачаюсь ещё сильнее, то перепрыгну.

– Ты перепрыгнешь! – сказала Мария, придерживая качели. – И не разобьёшься!

– Так в чём же дело? – нетерпеливо спросила я, думая, какая она сильная. Стоит на краю обрыва и ещё удерживает качели.

– Ты даже успеешь купить подвенечное платье. Но не успеешь выйти замуж.

– Почему?

По щеке Марии потекла слеза.

– Ты не сможешь сказать ему «да» на свадьбе.

– Что, значит, не смогу? Я умру?

– Это было бы слишком легко. Ты взяла на себя тяжёлую ношу, девочка. Наказание будет гораздо хуже, чем смерть.

– Что это будет? Скажи!

– Кома? Болезнь? Я стану инвалидом? Буду ездить на коляске?

Мария вытерла слёзы и погладила меня по голове.

– Это называется цветочное существование. Ты потеряешь всё, чего достигла. Красоту, ум, здоровье. В конце концов, ты потеряешь и его. И ты не спасёшь наш род!

Мне показалось, что я слышу голос Таркана: «Авдотья! Ну что же ты?! Я люблю тебя!»

– А он действительно там? – спросила я.

– Нет, – ответила Мария. – Это его образ, но когда проснёшься, ты сможешь быть с ним. Он любит тебя так же сильно, как и ты его, но принять решение надо сейчас.

Поднялся ветер. Мария исчезла. Качели начали раскачиваться сами. Солнце скрылось. Голубое небо затянули тучи. На голову упали первые капли дождя. Я ничего не могла сделать, я летела навстречу к Таркану, так и не успев принять решения. И вдруг я подумала о маме, о Нике. И я не хочу быть калеккой. Не хочу! Прости, Таркан! В моей голове роились мысли, как же мне вернуться?! Я сжала пальцы изо всех сил, пытаюсь остановиться. В конце концов, я начала кричать: Помогите мне! Я хочу остаться здесь. Я выполню то, для чего пришла! Помогите мне! – Я смотрела на мелькавшие горы. И вдруг передо мной появились они! Все умершие женщины нашего рода. Тут были Мария, Татьяна, моя бабушка, и ещё одна женщина, которой я не знала. В длинных белых одеждах, с распущенными волосами и босиком, они взялись за качели, по две с каждой стороны и вернули меня на место.

– Ты звала нас, и мы пришли! – сухо сказала Татьяна, перекидывая назад чёрные до пояса волосы. – Теперь нам пора.

– Спасибо! – я перевела взгляд на бабушку и улыбнулась. – Ты тоже здесь? Я так скучаю по тебе. По нашим занятиям. Помнишь, ты учила меня вязать крючком? – я спрыгнула с качелей и попыталась обнять бабушку, но обняла воздух и пошатнулась, не чувствуя опоры.

Бабушка покачала головой.

– Меня нет, солнышко. Мы не сможем обняться.

Я кивнула и перевела взгляд на Марию.

– Спасибо тебе! Это же ты привела их всех?

– Конечно она, – раздражённо ответила Татьяна. – Она сама уже ничего не может, всю силу потеряла. Надеюсь, ты больше не совершишь этой глупости?! Всё потерять из-за мужчины?

– Она повела плечиком и, подойдя к обрыву, исчезла. За ней последовали Мария и моя бабушка.

Тогда я повернулась к той, которую я не знала, хотя в её чертах было что-то знакомое.

– А ты тоже из нашего рода? – спросила я.

– Твоя прабабушка. Тамара. При жизни не удалось увидеться. Если бы меня не уговорили участвовать, ни за что бы снова в этот род не сунулась.

Она казалась раздражённой, поглядывала в сторону пропасти, где исчезли остальные. Видимо, я её не слишком интересовала.

– Спасибо за помощь, – я встала с качелей. – Не смею задерживать.

– Я считаю, что ты зря это кольцо нацепила. Но теперь другого выхода нет. И присоединяясь к уже сказанному: всё потерять из-за мужчины – полная дурь. Даже не думай. Появится кто-нибудь другой. Этот, к которому ты хотела прыгнуть, вовсе не единственный на свете. – Её губы изогнулись в усмешке: мужчины не стоят ни одной из наших печалей. К сожалению, большинство женщин этого не понимают. Не будь в их числе.

Она грациозно подошла к обрыву и исчезла вслед за остальными.

А я проснулась. В комнату, толкая перед собой сервировочный столик, въехала Ника.

– Я тебя разбудила? – спросила она, подъезжая ко мне.

Я, оставаясь во власти сна, тупо смотрела на неё, ещё не понимая, в каком я измерении. Опять сплю? Или уже нет?

Вспомнила, как хотела прыгнуть через пропасть к Таркану. Последние слова Тамары. Тамара, моя прабабушка. Что-то я о ней ничего не помню. Кажется, была какая-то история. Впрочем, маман редко о ней вспоминала. Я посмотрела на Нику.

– Тамара, моя прабабушка. Вы о ней что-то знаете?

– Конечно. Это же мама наша. Моя и Ксении. Бабушки твоей. Сестры моей покойной.

Мне захотелось рассказать Нике мой сон, но я понимала, что не должна. Это только моё. Было что-то прекрасное, как четыре души одновременно, пусть две из них, и не по своей воле, пришли ко мне на помощь. Приятно, пусть даже во сне, увидиться с бабушкой. Сегодня я поняла, что такое помощь рода и вновь осознала свою ответственность.

– Ника, а вы ужинали?

– Нет ещё.

– А мы могли бы поужинать вместе? Мне хотелось бы узнать про Тамару. Она мне сегодня приснилась.

– Что-то было интересное? – насторожилась Ника.

– Она помогла мне. Но я не очень хорошо помню, что это было, – придумала я.

– С удовольствием.

– Тогда схожу за вашим ужином, – я приподнялась с постели.

Ника огляделась.

– Здесь не совсем удобно. Да и вечер такой тёплый. Я заметила, ты любишь завтракать у бассейна. Мы можем посидеть там. Только придётся тебе побыть в роли Кати, я её уже отпустила. Она так разобиделась, что даже не попрощалась.

– О, я справлюсь, – узнав, что Кати больше нет, я так обрадовалась, что была готова нести Нику на руках до самого бассейна.

Вечер снова был прекрасен: тёплый, нежный, с тонким ароматом роз и песней цикад. Ну почему в Подмосковье не бывает таких вечеров? Как правило, приходится кутаться в кофту и джинсы, а здесь мне было комфортно в шортиках и маечке. Пока Ника командовала, что мне принести, я носилась от бассейна на кухню, чувствуя себя в отсутствии Кати хозяйкой. Когда шла из погреба, сжимая, в одной руке бутылку вина, а в другой два хрустальных фужера, подумала, что смогла бы здесь жить. Работать можно и отсюда, а в Москву приезжать потусоваться с подружками. А что, может, намекнуть Нике после того, как она выпьет вина?

На ужин – о смерть моей фигуре! – Катя приготовила запечённые крылышки с картофелем и салат из руколы с огурцом и красной рыбкой, который я тут же взяла себе на заметку. Крылышки были с золотистой корочкой, картошка хрустящей. Ну а вино с тонким ароматом ягод смородины заняло бы приз на конкурсе французских вин. Некоторое время мы поглощали пищу молча, лишь чокнулись традиционным тостом «за нас». Ника кушала с большим аппетитом, аккуратно складывая на блюдечко обработанные куриные косточки.

–А я думала, мы будем худеть без Кати, – выдохнула я, облокотившись на кресле и делая глоток вина.

– Не надейся, – Ника улыбнулась. – У меня есть одна женщина на примете, которая работала в ресторане в «Жемчужине». Готовила так, что весь город приходил к ней кушать.

– О нет! А я-то надеялась посидеть на салатиках и овсяной кашке.

– Тебе-то что беспокоиться? Вон, какая худая?! И тебе силы нужны. Да разве ты справишься с тем – Ника выразительно посмотрела на кольцо – если есть не будешь? А ну-ка давай ещё крылышко.

– Не могу, – я поставила бокал на стол и сложила руки на округлившемся животике, чувствуя себя лягушкой.

Ника поклевала салат, мы снова выпили, не чокаясь, и она приступила без предисловий рассказывать про Тамару.

– Когда началась война, мне было четыре года, а сестре восемь. По иронии судьбы нашего отца оставили в тылу работать на Горьковском заводе, а дедушку Ивана отправили на фронт. Мария так плакала, что даже заболела. Как чувствовала, что больше он к ней не вернётся. Да ты, наверно, знаешь, эту историю?

– Да, но что было дальше, когда он вернулся.

– Вернулся он с молодой медсестрой, которая по иронии судьбы ещё и оказалась маминой подругой. У Марии началась депрессия, она снова слегла. Иван хотел и внушек своих увидеть, и дочек, но Тамара назвала его предателем и объявила ему, чтобы он навсегда забыл о своей бывшей семье. Так мы лишились дедушки. А он был ещё и герой войны. Но тут надо

было знать мамин характер. Гордость превыше всего. Она шла по жизни с высоко поднятой головой, а тут такое. Так что она предпочла выкинуть из своей жизни отца, пусть он и прошёл через ад и вернулся с медалями. А влияние моей мамы на семью было так велико, что ни её сестра, ни её мать, ни мы, малышки, послушаться её не могли. Да и сам Иван после их разговора к нашему дому не приближался. Я знаю: он несколько раз приходил, просил прощения, но её обида была так велика, что даже через двадцать лет, когда он умер, она не пришла проводить его в последний путь и никому не сказала о его смерти. В нашей семье нельзя было упоминать о нём. На все вопросы, Тамар отвечала: он предал нас. А когда у Ивана родился слепой сын, Тамара только сказала: так ему и надо. Бог отомстил за нас.

Я вспомнила отца. Интересно, если бы они встретились, моя мама простила бы его? Ведь, судя по тому, что она ничего о нём не рассказывала, в душе её до сих пор обида.

– Что думаешь, Авдотья? Права она была или нет? Как бы ты поступила на её месте?

– Я бы простила. Он прошёл через ад. Эта медсестра помогла ему выжить. И ещё знаете, я бы на месте Марии, не стала бы так жить.

– Это интересно, – Ника подняла правую бровь. – Продолжай.

– Это же было в Нижнем Новгороде? – Ника кивнула. – Я была там на экскурсии. Думаю, я сделала бы причёску, надела бы самое красивое платье и пошла гулять на набережную и познакомилась бы с кем-нибудь. Жизнь ведь продолжается. Марие было пятьдесят, моей маме чуть меньше. Это же ещё не возраст. Нужно жить дальше. Через слёзы и боль. Я бы попробовала устроить так, чтобы он общался с дочерьми. Хотя бы с младшей, если уж старшая была так непреклонна.

– Знаешь, тогда была война. Мужик был один на десять баб. Не думаю, что Мария бы смогла завести какие-то отношения.

– Если бы хотела, завела, – горячо сказала я, отпив вина из бокала. – Пусть даже несерьёзные. Отвлеклась бы и не сидела бы в молчании, уставившись в одну точку.

– А ты молодец. Могу ли я надеяться, что если Таркан женится, ты не впадёшь в депрессию?

– Таркан женится, – уверенно сказала я, вспомнив сон и тут же ощутив глухую боль в груди.

– А я буду жить дальше. У меня свидание назначено через две недели. Пусть мне слёзы вытирает. Его Максим зовут, мы на пляже познакомились.

Ника расхохоталась, подъехала ко мне и обняла. Мы поцеловались. Наверно, был самый подходящий момент, чтобы попроситься к ней жить, но позвонила маман.

– Дуняра, сама не знаю, но я беспокоюсь за тебя, – объявила она без предисловий.

– Мам, всё хорошо. Мы сидим в саду с Никой и пьём вино. Хочешь узнать, что мы ели на ужин? – сказала я, чтобы её отвлечь. – Крылышки с картошкой.

– О, ужас! – театрально заявила маман. – Дай-ка мне Нику, я с ней поговорю. Пусть тебя не раскармливают. Домой вернёшься, я тебя на диету посажу.

Я передала телефон Нике, и пока они разговаривали, поняла, что не смогу жить в Сочи без маман. А если она тоже переедет, то у них точно начнётся продолжение романа с отцом. Пусть уж лучше остаётся в Москве, Виктор хотя бы свободен. Хотя каким было бы счастьем для меня, надеть кроссовки, взять рюкзак и пойти с родителями в горы.

Глава 10

Когда утром позвонил Таркан, я некоторое время смотрела на телефон, не решаясь ответить. Наш разговор с Никой и вчерашний сон промелькнули передо мной, порождая мысль, что пора положить конец нашим отношениям, если мы обречены на расставание. Но... я не смогла.

– Привет, белочка. Мне ночью приснился сон, что ты меня бросила. Скажи, что это неправда. Я звал тебя, а ты не пришла.

Чувствует! Это сон и не сон, но, чтобы объяснить потребовалось бы много времени. Да и зачем, если он не рассказал мне, почему женится.

– А я должна приходить по первому зову, словно зверёк?

– Тебе не нравится, что я зову тебя белочкой?

Мужчины редко понимают, так как надо.

– А это была всего лишь шутка.

– Знаешь, я так хочу тебя увидеть, но сегодня у меня дела по работе. Ты уж не обижайся.

– Ничего страшного, – бодро ответила я. – Я еду на Калиновое озеро.

– Вот как?! Ничего себе, ты развлекаешься. Позвоню, когда освобожусь.

Я швырнула телефон на кровать, жалея, что ответила на звонок. Он опять занят. А дни ускользают. Даже не хочу считать, сколько осталось. Я вышла на балкон и подставила лицо солнцу. Нужно покончить с этим. Ещё несколько встреч ничего не изменят, я только сильнее привяжусь к нему. Хотя, куда уж сильнее. Снова зазвонил телефон. Это оказался отец.

– Авдотья, у нас небольшие изменения в расписании. Выезжаем на два часа раньше. Ты успеешь быстренько собраться?

Соглашаюсь. Это как раз то, что нужно в данный момент, чтобы обнулить мысли. Быстро сбегать в душ, решить, что я надену и надеть, собрать рюкзак и попросить у Кати еду с собой. Ох, её нет. Ладно, спрошу у Ники, могу ли я сделать себе пару бутеров в дорогу.

Ника была уже на кухне, когда я спустилась вниз.

– Будешь кофе? – спросила она, держа чашку в руках.

Я вкратце обрисовала ситуацию, Ника махнула рукой в сторону холодильника.

– Авдотья, что за вопрос?! Всё, что ты нам найдёшь, забирай с собой.

И вот уже через полчаса я снова в джипе с отцом. Мне оставлено лучшее место для обзора рядом с водителем. Сзади сидит семья: мама, папа и хорошенькая девочка с косичками лет восьми. Играет радио джаз, и я удивительно расслабляюсь, поглядывая на отца. В этом городе жизнь подарила мне две встречи с мужчинами. Одного скоро отнимут, надеюсь, что с отцом этого не произойдёт. Я не готова потерять их обоих.

Калиновое озеро в пятнадцати километрах от Хосты. И это снова нетуристическое место. Дорога сюда узкая, с крутыми поворотами и слепыми зонами. Отец мастерски ведёт машину, умудряясь разъезжаться со встречными автомобилями и ещё обгонять тех, кто медленно едет. Иногда, на крутом повороте, меня подташнивает от страха. Девочка, весело щебетавшая, уже заснула у папы на плече. Укачало. Все молчат, я наслаждаюсь видами и восхищаюсь отцом.

Озеро находится в лесу, что немного напоминает Подмоскowie. Это одно из любимых мест пикников для сочинцев. Озеро вырыто для полива частных плантаций, которые расположены неподалёку. Отец объявил, что мы пойдём туда после пикника. Семья раскладывает принадлежности для шашлыка, а мы идём к берегу.

– Ты не поверишь, я всё время думаю о вас, – сказал отец, глядя на воду.

– И что ты думаешь?

– Как всё сложилось. Не могу понять, где я ошибся.

– Ты несчастлив?

– Нельзя так сказать. Я счастлив, насколько могу. Мне нравится общаться с людьми, открывать для них мой любимый город. Но...

– Не даёт покоя мысль, что всё могло быть иначе?!

– Лучше и не скажешь. У меня есть к тебе просьба. Вышли мне несколько Ликиных фотографий.

Я посмотрела на него с удивлением. Вот это да. А что... если это продолжение? Вдруг он рванёт в Москву к маме? Может, надо посоветоваться? А вдруг жена узнает? А мама никогда не встречалась с женатыми мужчинами, насколько я знаю. Что делать? Вихрь мыслей.

– Моя просьба тебе кажется странной? Или ты должна посоветоваться с мамой? Ты ей ещё ничего не рассказала?

– Нет. Ты ведь тоже не рассказал жене?! – отец покачал головой, не глядя на меня.

Ну что ж, так даже лучше. Мне нравятся наши тайные встречи, и я вовсе не хочу, чтобы в наши отношения влезала Лена со своими комментариями.

– Я думаю, рано или поздно мама спросит, встречалась ли я с тобой, и мне придётся всё рассказать. Я только не понимаю, зачем тебе её фотографии? Вдруг они попадут к Лене.

– Не волнуйся. Лена не копается в моём телефоне. К тому же там стоит пароль. И... я умею скрывать то, что не надо знать моей жене.

Значит, у него были романы, и семейная жизнь его не удовлетворяет. Мне снова приходит в голову мысль, как здорово было бы поехать куда-нибудь на этом джипе втроём с родителями. Мечта идиотки. Я не знаю, что мне делать. Отец коснулся моего плеча.

– Пожалуйста. Хотя бы одну фотографию. Она будет напоминать мне, что когда-то я умел чувствовать.

– Какая разница одна, две или несколько? Дело в том, что сначала фотографии, а потом...

– А потом я поеду в Москву, – серьёзно сказал он. – Мне нужно объяснить Лике, что я не пропал, что так сложилось помимо моей воли. Я её любил.

– Ну хорошо, а дальше что? У тебя семья, у неё нет. Зачем ворошить прошлое? Вы изменились, у каждого своя жизнь.

– Не хочешь, не присылай, но ты не можешь запретить мне поехать в Москву.

– А если я не дам тебе адреса?

– Я всё узнаю у Ники.

Действительно. Как мне это не пришло в голову? Может, мне попросить её ничего не говорить?! Или я не имею права вмешиваться? Пусть идёт, как идёт. Если маман что-то не понравится, она отправит его так далеко, как ему и не снилось.

Отец ушёл, оставив меня одну у воды. Я не хотела его обидеть, я боюсь наделать новых ошибок, но я стою и смотрю на озеро, и в голове у меня полный кавардак. Видимо, придётся всё-таки поставить маман в известность. Вдруг её это повеселит в отсутствии Виктора? Заодно и разрешения спрошу про фотографии. Приняв решение, мне становится легче, и я иду помогать с костром. Сегодня на пикник у нас вкусные колбаски, которые отец ловко нанизал на шампуры и свежие овощи. Улучив минутку, я подхожу к отцу и говорю, что поговорю сегодня с мамой, и если она разрешит... Он ласково треплет меня по плечу.

– Не заморачивайся. Я итак её хорошо помню. К тому же, я не думаю, что она даст своё разрешение, насколько я знаю Лику.

Мир между восстановлен, экскурсия проходит по плану. Наевшись колбасок, мы поехали в чайные домики, где выпили вкуснейший краснодарский чай. На обратном пути я заснула под радио джаз и шум мотора. Вернулась к Нике сонная и растрёпанная, но меня ждал сюрприз. Ника сидела за столом с какой-то девушкой. Когда она повернула голову в мою сторону, я

сразу поняла, что это и есть моя соперница. Ляля бросила на меня оценивающий взгляд. Я в не самых чистых после прогулки шортах хаки, в голубой майке с пятнами от вкусных колбасок, растрёпанная и пахнущая костром.

Ляля посмотрела на Нику.

– Вы нас представите?! Или мне самой.

Помедлив Ника, назвала моё имя. Ляля неуклюже вышла из-за стола. Я понимаю: встала она исключительно для того, чтобы я увидела её живот. Мне немного легче от того, что я знаю, что это не ребёнок Таркана, и, скорее всего, Таркан к ней не прикасался. Она подошла ко мне. У неё русые волосы, заколотые в низкий пучок, серые глаза, бледная кожа. На скулах пигментные пятна. Вся такая естественная и домашняя. По фигуре видно, что не увлекается спортом и не отказывает себе во вкусной еде.

– Куда же ты встала, Ляля? Мы собирались ещё по чашечке чая выпить, – услышала я Никин голос со встревоженными нотками.

– А вот Авдотья мне и поможет, а то я не знаю, где что лежит, – не глядя на неё, заявила Ляля. – А вы отдыхайте. Мы быстро справимся.

Я поймала тревожный Никин взгляд и поплелась за соперницей на кухню. Ловко она придумала остаться со мной наедине.

Ляля включила чайник и начала меня рассматривать. Хотела бы я, чтобы мне дали возможность переодеться и причесаться. На Ляле длинное, до щиколоток, светлое платье в цветочек, завязанное бантом сзади. От неё исходит лёгкий аромат духов с цитрусовыми нотками.

– Давно хотела поговорить с тобой, но как-то не складывалось. Таркан выдумывал сотню причин только бы не везти меня сюда. Пришлось такси взять.

Во рту у меня пересохло, но я не решалась налить воды. Меня восхищало её самообладание. Ни грамма волнения. Чистое спокойствие.

– Так чего ты добиваешься, Авдотья? – она произнесла моё имя с таким презрением, что мне оно показалось уродливым, и в голове снова промелькнула мысль, что мне бы хотелось, чтобы меня назвали Катей или Леной и чтобы ноги моей в Сочи не было. В моей жизни не было подобных сцен, так что я не знала, как себя вести.

– Ты говорить-то умеешь или только чужих мужчин забавлять?

От этого её «забавлять» мои щёки стали горячими, как тот чайник, к которому она повернулась, чтобы выключить. Эх, если бы она не была беременной. Но, к сожалению, правда, была на её стороне. Что я могла ей сказать? Что мы любим друг друга? Что я знаю о данном ей позволении Таркана погулять? Или пообещать, что всё закончится. Мне кажется, это была худшая сцена в моей жизни. Мне отчего-то стало жаль Таркана. Такая стерва в упаковке благовоспитанной леди будет с ним рядом всю жизнь. И вот так же, как с ребёнком,

она будет иметь его всю жизнь. Наверно, однако, если бы не взятые обязательства перед родом, я бы после этого знакомства, сделала бы всё невозможное, чтобы уговорить Таркана не жениться.

– Знаешь, Ляля, – сделав ударение на её имени, начала я – ты не зря приехала. Похоже, ты не знаешь одну простую вещь: мужчина, который женщину любит, никогда не посмотрит на другую. А если смотрит и до свадьбы, самое время, подумать, что будет после. К тому же, он и раньше ведь гулял, не так ли?

Она схватила только что закипевший чайник и с перекосившимся лицом взглянула на меня. Ещё кипятком плеснёт, подумала я, но заставила себя насмешливо сказать:

– Ты чаем лучше займись.

– Да я тебя... – я вовремя успела перехватить её руку, и кипяток лишь немного ошпарил мои голые ноги.

– Сумасшедшая! – вырвалось у меня.

– Оставь его в покое! – закричала она и, поставив чайник на стол, бросилась в комнату.

Ну вот и попили чайку. Я потёрла ошпаренные ноги. Вот ведь идиотка беременная. Некоторое время я тупо смотрела в окно на веерную пальму под окном. Даже подумала, не вылезти ли в окно и куда-нибудь сбежать, чтобы больше не встречаться с этой сумасшедшей, но потом решила, что не буду прятаться.

Вышла. Они тихо разговаривали с Никой. Я молча проследовала на второй этаж. Легла на кровать, уткнувшись в подушку. Очень хотелось собрать чемодан и уехать. От этой мысли мне стало легче. А что я, действительно, здесь делаю? Кольцо надела. От Таркана отказалась. Всё! Домой! К маме! И тут я вспомнила, что собиралась рассказать ей про отца. Как раз меня это отвлечёт. Я набрала её номер, но мама сказала, что занята и перезвонит позже. В трубке слышались громкие пьяные голоса, музыка. Я поняла, что она устраивает очередную свадьбу. Ну что ж, ладно. Мне стало легче от того, что я хоть услышала её деловой голос. Долго лежать я не смогла. Как только ноги отдохнули, решила пойти прогуляться по набережной. А, может, и в центр съездить к морпорту, на кораблике покататься.

Когда я, принаряженная, в длинном сарафане без лямок, с сумочкой через плечо, спустилась вниз, Ника ещё сидела за столом, подперев голову рукой. Работал телевизор, но мне показалось, она его не смотрела.

– Авдотья, хорошо, что ты спустилась, – обрадовалась она. – Что там у вас произошло? Не верю ни единому её слову.

Я облокотилась на стол, рассказала, как всё было. Ника всплеснула руками.

– Вот ведь негодяйка. А мне сказала, что ты хотела ей кипятку на живот налить.

– Что?! Вот стерва!

– Вот я и говорю: Таркана надо спасать. Займись им, пока не поздно.

Я покачала головой.

– Мне нельзя им заниматься. Я могу рассказать, но попозже. Хочу немного прогуляться.

– Возьми меня с собой. Так хочется к морю.

Немного оторопело я смотрела на Нику. Я как-то не представляла, как мы будем гулять вместе.

– Ну, если тебе неудобно с калекой...

– Да от чего же?! – взяла я себя в руки. – Конечно, прогуляемся. А то, что вы дома сидите?! Погода отличная. На пляже можем пива выпить, – вдруг сказала я.

– Точно! – подняла вверх палец явно обрадованная Ника. – Тогда я поехала быстренько наряжаться. Интересно, чем ей не нравилась та блузка с рюшками и брючки, в которых она была?! Несмотря на возраст и болезнь, Ника осталась настоящей женщиной. Кажется, раньше, я была против того, чтобы возить бабулю в коляске по набережной, но сейчас была рада, что не останусь наедине со своими мыслями.

Когда мы с Никой сидели в кафе, любуясь, как солнце решило принять вечернюю ванну в море, мне пришла ватсапка от Таркана. «Прости её, она не знает, что творит. Не верю ни единому слову». Я прочитала Нике. Та нервно подняла бокал пива, сделала поспешный глоток, шумно поставили его и выдохнула:

– Ну вот как, скажи мне, он собирается с ней жить?!

Я пожала плечами и бросила телефон в сумку. Боль, там, где золотистый загар полили кипятком, стала сильнее. Отвечать Таркану я не собиралась. Простить? Да, пожалуйста. Уже простила. Как любит повторять моя мама: непростение дороже выйдет, болезнями и неудачами. Карма никогда не спит.

– Ты хотела мне рассказать, почему ты не можешь быть с Тарканом?

Я тоже сделала глоток пива и рассказала Нике про сон и предостережение Виктора.

Ника тут же замахала руками.

– Ой, ну если Мария сказала, да ещё этот экстрасенс, ничего не надо делать. Ну а ты сама что-нибудь чувствуешь?

– С самого начала нашего знакомства меня не покидает ощущение, что я знаю его очень давно. Мне тяжело, когда его нет, но ещё тяжелее с ним, потому что я чувствую, как уходит наше время.

– То есть, он твой мужчина, да?

– Мы подходим друг другу, как две половинки одного целого. Но, – я развела руками: – ничего не будет. А уж после сегодняшней истории, похоже, даже те дни, которые остались до свадьбы, придётся отменить. И, вообще, я хочу уехать.

– Куда? – удивилась Ника.

– Домой, в Москву.

– Но у тебя же миссия.

– Ну а что ещё я должна сделать?! Я надела кольцо, отказалась от Таркана. Нигде не написано, что я обязана смотреть, как он женится.

– Ты пойдёшь на свадьбу, – заявила Ника.

– Зачем?

– Составишь мне компанию.

– Не думаю, что это хорошая идея.

– Тебе придётся это сделать, вот увидишь, – сказала Ника. – И эта нахалка сама тебя пригласит и ещё извинится за то, что так поступила с тобой.

– Да зачем всё это, Ника? – я подняла кружку и заметила, что она пустая.

– Ещё пива? – тут же спросил проходивший мимо официант, даже не дав опустить мне её на стол. Я вопросительно посмотрела на Нику, но у той ещё было полкружки, и она ответила за меня.

– Конечно, несите, молодой человек.

– А ты знаешь, это нужно в первую очередь тебе, – сказала Ника. – Побывав у него на свадьбе, ты поймёшь и дашь всем понять, какая ты сильная. А так получится, что ты сбежала к маме.

Я представила Таркана в костюме под руку с этой женщиной в белом платье с огромным животом, в то время как на том месте должна быть я. Нет. Это выше моих сил.

– Но я не хочу смотреть на это. Я не смогу!

– Ты сможешь. Слушай мой план. Накануне тебя нельзя пить и нужно хорошенько выспаться. У меня есть волшебная таблетка. На свадьбе тебе пить нельзя, иначе, тебя развезёт и у нас будет сбежавший жених. Но как только мы приходим домой весь мой погреб в твоём распоряжении. Согласна?

Я кивнула.

– Слушай дальше. Мы покупаем или заказываем тебе умопомрачительное платье по фигуре зелёного цвета.

– Почему зелёного?

– Как у Скарлет в «Унесённых ветром».

– Обожаю этот фильм, – улыбнулась я.

– И вести себя будешь так же. Сведёшь с ума всех присутствующих мужчин, будешь танцевать и развлекаться. Задача: сделать вид, что ты его отпустила и происходящее тебя не волнует. Это тебя отвлечёт, а его заставит призадуматься.

Я в замешательстве посмотрела на сбросившее багряное платье солнце, потом на море и перевела взгляд на Нику. А ведь она права. При всей наивности это неплохой план. Мы с мамой обожали этот фильм и смотрели его вместе несколько раз. Я уже видела, как порхаю в танце то с одним, то с другим. Мои волосы убраны в красивую причёску, на руке золотой браслет, а на ногах золотые туфельки.

– Зелёное платье нужно отделать золотом, – задумчиво сказала я.

– Да хоть жемчугом расшить, – обрадованно сказала Ника. – У меня тут есть такая портниха, весь город у неё обшивается. Очередь на много месяцев, но для меня сделает исключение. Однажды я её вырчила. Надо будет, ночами будет шить. А ткань закажем у турков.

– Это символично, – фыркнула я, но Ника вдохновлённо продолжала:

– Все от тебя с ума сойдут. И даже наши родственники сойдут с небес, чтобы посмотреть.

– Мне кажется, они итак часто стали на земле тусоваться, – сострила я, делая глоток пива. Тут я вспомнила слова Тамары: «Мужчины не стоят ни одной из наших печалей. К сожалению, большинство женщин этого не понимают. Не будь в их числе».

Я повторила их Нике, та довольно рассмеялась. Протянула мне руку.

– А ты молоток, Авдотья. Такую, как ты, не возьмёшь без перчаток. Давай, выпьем за тебя! Всё получится!

Не успели мы сделать по глотку, как у нашего столика материализовался мужчина. Крепкий, с коротко постриженными седыми волосами. Черты лица красивые, несмотря на возраст.

– Я Вас приветствую! – он взял Никину руку и поцеловал. Её лицо просветлело. – А я вышел к морю прогуляться. Смотрю: Ника сидит.

Ника, забрав у него руку, посмотрела на меня:

– Николай, это моя двоюродная внучка из Москвы, Авдотья.

– Очень приятно, – он крепко, вовсе не по-пензионерски, сжал мне руку и тут же перевёл глаза на интересовавшую его персону.

Даже если бы она его не представила, по одному тому, как она на него смотрела, я поняла, что этот самый Коленька.

– Как поживаешь, Ника?

– Спасибо, отлично. Как видишь, несмотря на то, что на колёсах, могу позволить себе выпить, – она кивнула на кресло, в котором сидела... – её голубые глаза смотрели на него снизу вверх с вызовом. На щеках проступили два красных пятна.

– Ника, я очень сожалею. Я готов снова просить прощение.

– О, не стоит. Я уже привыкла. Даже думаю организовать соревнования на набережной среди таких, как я: кто быстрее доберётся до бара. Придётся поболеть?

Я поняла, что, несмотря на то, что они уже встречались, Ника ещё на него злится, и мне лучше оставить их вдвоём.

– Мне нужно прогуляться, – быстро сказала я.

– Авдотья, останься, – заявила Ника.

– Я быстро. Мне как-то нехорошо, – соврала я.

– Но ты же вернёшься? Я сама не доберусь.

– Я отвезу... – встрял Николай, но Ника проигнорировала, словно не слышала.

– Конечно, я вернусь. Если нужно будет раньше, звоните.

Краем глаза увидела, что Николай сел на моё место. Ну вот уж встреча, так встреча. Я долго гуляла по берегу моря, а потом позвонила Ника.

– Авдотьюшка, ты уж извини, что так получилось. В нашем возрасте не стоит выяснять отношения. Нужно радоваться отпущенному нам времени. Присоединяйся к нам, если хочешь.

– Мне нужно поработать, а вам хорошего вечера, – пожелала я.

Отношения между мужчиной и женщиной не заканчиваются никогда, – философски подумала я, направляясь к дому.

А вечером меня ждал ещё один сюрприз. Позвонила маман. Её голос звенел от счастья.

– Дуняра! Он едет ко мне! Едет! Мы сегодня встречаемся!

– Виктор?

– Ну, конечно. Что за вопрос?! Как будто в моей жизни существуют другие мужчины?!

Ещё как существуют, мамочка и даже просят твою фотографию, но сегодня тебе явно не нужно об этом знать. Радуйся настоящему.

– Я не знаю, что ты там делаешь, но Виктор сказал: ситуация меняется в лучшую сторону. Тёмные силы отступают.

– Прекрасно, – заметила я, сканируя сегодняшний день. Не дала отцу мамину фотографию, невеста Таркана облила меня кипятком и сходила с Никой в кафе. Кажется, ничего особенного, кроме того, что я не ответила на звонок Таркана и принесла в жертву нашу сегодняшнюю ночь. Зато у всех вокруг любовь. Я вздохнула.

– Дуняра, как у тебя дела?!

Плохо. У меня почти не остаётся времени побыть с тем, кого я люблю.

– Мам, да всё в порядке. Вот были с Никой в кафе. К ней тоже вернулся её возлюбленный, – я хихикнула.

– А что у Ники... О!

– Да, восемьдесят лет, не возраст для любви.

– Однако. Ну ладно, солнышко. Мне нужно одеваться. Он уже совсем скоро придёт. Мы так давно не виделись.

– Давай, мамуль, порази его чем-нибудь, – я нажала на отбой. Телефон снова зазвонил. Таркан.

Я тупо уставилась на экран. Смотрела, как он звонит. Понимала, что не имею права. Всё! Хватит! Даже тысяча и одна ночь ничего для нас не изменят. А вот другим может стать плохо. Выключила телефон. На город опускалась ночь. Сладкая, тёмная, созданная для любви. Но не для нас. Приду домой, заварю чаю и лягу спать. Одна.

Проснулась я рано. Включила телефон. Семь непринятых вызовов от Таркана. Последний уже в два часа ночи. Как только просмотрела, телефон зазвонил снова. Ну да, заботливые компании предупреждают нас, когда абонент появился на связи и делайте с этим, что хотите. Я сунула телефон под подушку и отправилась в душ. Пока ещё я не готова ему сказать. Надо проснуться и собраться с силами. Я больше не хочу, чтобы меня поливали кипятком. Я не хочу считать дни до свадьбы. Я ...хочу домой. Осталось продержаться не так уж долго. Телефон всё ещё звонил, когда я вернулась.

– Да?

– Белочка, наконец-то! Ну почему ты не хочешь со мной разговаривать?! Я не виноват, что она такая сумасшедшая, и она готова извиниться, если это поможет.

– Она... без пяти минут твоя жена, – холодно ответила я, хотя внутри у меня всё дрожало только от звука его голоса. – Извиняться нечего. Она права, а мы нет. Тебе лучше готовиться к свадьбе.

– Но почему? У нас ещё есть дни. Мы могли бы...

– Я больше не хочу. Так не хочу.

– Ты хочешь, чтобы я её бросил? Ушёл к тебе? – в его голосе слышалось такое отчаяние, что я присела на кровать, собирая последние силёнки.

– Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

– Ты нашла кого-то?

– Нет.

– Тогда почему? Она тебя напугала? Но она больше не будет!

– Отлично. Мы тоже больше не будем! В этом нет никакого смысла, – я нажала на отбой.

Таркан, видимо, понял или просто разыграла мужская гордость. Я смогла отказать ему! Но отчего же тогда так больно?! Мужчины не стоят наших слёз. Скажите об этом нашему сердцу. Я вышла на балкон, чтобы солнышко высушило мои слёзы. Всё плохо, зато правильно. Интересно, а кто-то, вообще, из женщин ему отказывал? Или я первая? Мне хочется считать, что я первая. Самая лучшая победа – это над собой. Надо пойти на пляж. Быстро бросила вещи в сумку, надела купальник и ставшие привычными шорты с майкой.

На кухне вместо Кати хозяйничал Николая. Мы оба смутились. Он суетился возле кофе машины. Возле него сервировочный столик. Там уже две тарелки, в которых яичница.

– Сделать тебе яичницу? – спросил он.

– Спасибо, я справлюсь.

Он улыбнулся, на лице лучики морщинок. Светится от счастья. Однако-однако. Мне становится веселее, только при одной мысли, что в их возрасте тоже можно заниматься этим и получать удовольствие. Меня это радует. В запасе у меня ещё много времени. Когда он уходит, я изучаю содержимое холодильника и готовлю себе полезный завтрак. Мацони с клубничным вареньем и кофе со сливками без сахара. Ставлю всё это на поднос и выхожу в сад, чтобы встретить новый солнечный день. Уже скоро я буду в Москве, где не так весело поют птицы. Город, пропитанный серостью и злостью. Мы не выбираем, где нам родиться, но я всё равно хочу домой. К маме. И на работу.

Глава 11

После сцены с Лялей я не хотела видеть Таркана. Наши отношения перестали казаться волшебными. Бабочки в животе заснули. На меня напала тихая депрессия. Каждое утро я вместе с толпой отдыхающих ходила на море, до умопомрачения плавала вдоль буйков. После этого валилась на полотенце и, закрыв лицо шляпой, позволяла солнцу ошпаривать тело горячими лучами. Когда становилось совсем жарко, садилась на мели, наблюдая, как накатываются волны. Потом шла к Нике, мы вместе обедали, и я уходила в комнату и включала ноутбук. На моё счастье на меня вышел мой старый знакомый. Ему нужен был сайт для ресторана быстрого питания. Работа творческая, он предоставил мне полную свободу, прислав лишь меню и краткие описания. Прошерстив кучу сайтов с бургерами, я

нашла интересное решение и общалась с дизайнером. Пила холодный чай с мятой и работала до полного вскипания мозга, который я выносила из дома вечером, чтобы полюбоваться закатом и снова искупаться.

Таркан звонил и писал, но я отправляла его письма в корзину, не читая. Меня преследовало тайное удовлетворение, что я всё-таки смогла не пойти на поводу у своих чувств и сама положила конец нашим отношениям. Единственное, на что у меня не хватило духу – заблокировать его номер. Его письма, пусть и непрочитанные, развлекали меня. Думаю, я первая в его жизни, кто так с ним поступает. Было и ещё кое-что во вселенной, что удерживало меня. Ника встречалась с Николаем и выглядела счастливой. А днём я звонила маме и каждый раз слышала, что у них всё хорошо: то Виктор принёс ей розы, то устроил вечер при свечах, то пригласил в театр. Её голос звенел, и я смеялась вместе с ней, забыв о себе.

Глухая боль утраты росла с каждым днём, но я заталкивала её глубже. Так, глядя на этих двоих, я твердила себе: «Ты не имеешь права. Они счастливы, потому что ты принесла в жертву свою любовь». Конечно, кто-то мог бы и сказать, что мне слишком рано говорить о любви, но те часы, которые мы провели вместе, то ощущение счастья, которое у меня возникало при встречах с Тарканом, не давали ошибиться. Позже, когда я оправлюсь, смогу вспоминать. Теперь же, заткнув уши наушниками, где вещала очередная аудиокнига, я гнала мысли о нём.

Нам предстояла еще одна встреча, которой я боялась. Мне казалось, что я могу закричать, когда он должен будет сказать ей «да» в день свадьбы. Единственное, что поддерживало меня: я должна сыграть роль Скарлетт. Ника отвела меня к портнихе Люсе, у которой нашёлся изумительный отрез зелёного шелка, расшитого золотом. Оно было чуть светлее, чем то, в котором Скарлетт отправилась покорять Ретта Батлера. Ника, когда увидела меня во время примерки, воскликнула:

– Ты будешь самой красивой на свадьбе! Он с ума сойдёт и передумает.

– Но я не передумаю, – мои глаза скользнули по Никиному креслу, её тоненьким, безжизненным ногам. Её болезнь, постоянное напоминание для меня, чтобы не потерять головы. Ведь если подумать, она тоже пострадала из-за удовольствия. Иногда удовольствия обходятся нам слишком дорого. Просто многие об этом не знают. Вот, знала бы Ника, что потеряет чудесную способность ходить, разве полетела бы на дельтаплане в тот злополучный день? Мне повезло, я знаю. Меня предупредили. У меня нет права на ошибку.

– Тебе говорили, что ты похожа на Николь Кидман? – улыбнулась Ника, подъезжая ближе и расправляя складку на моём платье.

– А ведь точно, – заметила Люся, не дав мне ответить и втыкая очередную булавку, – а ещё ты худеешь. Я снова убираю платье в боках. Точно будешь, как она. Только ростом пониже. И глаза у тебя зелёные, как у кошки, а у неё голубые.

Ника меня оглядела.

– Ты худеешь?! А я, наверно, слишком занята, чтобы заставить тебя есть. Ты переживаешь?

– Это от плавания и мама бы сказала, что это хорошо.

Я и, правда, иногда забывала поесть. Да и аппетита не было. К тому же новая домоправительница ещё не пришла и когда Ника была где-то с Николаем, мой ужин составляли помидоры с огурцом и чай с жасмином. Я не позволяла себе выпить бокал вина, боясь поддаться искушению и набрать номер Таркана.

– Ну как тебе платье, Кидман? – Люся оставила меня в покое и отступила на два шага, любуясь своим творением. – Тебя можно выпускать на красную дорожку для получения премии Оскар.

Я посмотрела на себя в зеркало. Мне говорили, что я похожа на Кидман, но я не верила, а вот сегодня заметила некоторое сходство. То ли я действительно похудела, то ли в глазах появилась грусть, которая была у неё в сериале «Моя большая маленькая ложь». Грусть человека, который многим пожертвовал и не получил того, о чём мечтал. Да и волосы у нас были одной длины. Правда, у меня не было чёлки.

Когда мы ехали от портнихи, от Таркана пришла смска. «Я умираю без тебя. Давай встретимся». Я отправила её в корзину. Каждый следует своему плану: ты женишься из-за чувства вины, я спасаю род. Я перевела взгляд на Нику, которая разговаривала с Николаем. Именно тогда на её лице появлялось это выражение, которое делало её прекрасной, несмотря на морщинки от улыбки. Она всегда улыбалась ему. А я вот перестала улыбаться.

После обеда отправилась на дальний пляж. Тут было меньше народу, открывался чудесный вид на гору, на которой ютились маленькие и большие домики, утопающие в зелени. Мимо пляжа, остановившись на станции «Мамайка», протарахтел поезд. Из окон выглядывали пассажиры, прощающиеся с морем и солнцем. Мне повезло: я ещё здесь. Я сбросила сарафан и расстелила полотенце. Улеглась на бок, бездумно глядя на небольшие волны. Вокруг меня кипела жизнь отдыхающих. Запах пива перебивал запах моря, но сегодня меня это не раздражало. Веселитесь, люди, и пусть вам будет хорошо. Я улеглась на спину и закрыла глаза. Кажется, задремала, но проснулась от какого-то тревожного ощущения. Надо мной, загорев солнцем, возвышался знакомый мужской силуэт.

– Откуда ты здесь? Зачем ты здесь? – недоумевала я, пытаюсь стряхнуть с себя сон и собраться с мыслями. Пряталась от него, пряталась.

– Ника сказала: ты пошла на пляж.

Однако?! На Мамайке не так уж мало пляжей. Только с правой стороны от речки шесть или семь. Прибавьте к этому кучу народу, занимающую каждый свободный метр. Люди похожи друг на друга в еле прикрытой наготе. Помню, как-то я искала своих подруг на пляже в Испании. Да мы десять раз созвонились. А там меньше народу, и я знала точно на каком они пляже. А тут?! Мистика, что ему удалось меня найти.

– И что, ты обошёл все пляжи?

Таркан пожал плечами.

– Когда очень хочешь, найдёшь. Разве трудно найти белочку на пляже среди людей? – Против воли я улыбнулась. – Почему ты прячешься?

– Я всё тебе сказала по телефону, – отвернулась к морю, чтобы не смотреть на родное лицо с капельками пота. Жарко уже не было. Видимо, он действительно долго меня искал. Солнце собиралось на вечернее купание в море, разливаясь на прощание розовым светом.

– Пойми, она безумела от ревности?! Она же видит, что после того, как мы встретились, я сам не свой. До нашей встречи я вполне спокойно воспринимал свою миссию. – Он тоже называл это миссией, как и я. Вдруг я почувствовала его пальцы на голени, где от ожога ещё слезала кожа. – Маленькая моя, тебе было очень больно? – он погладил пострадавшие места, а потом быстро наклонился и припал губами к моим ногам, покрывая их поцелуями. Я в ужасе огляделась. Кажется, мы стали центром внимания. Нет, ну тут многие парочки целовались или обнимались, но такого откровения никто не позволял. Мне было одновременно стыдно и чудесно хорошо от его горячих губ. Поцелуями он стирал ту безобразную сцену, которая до сих пор стояла препятствием между нами. Шелест крыльев бабочек в животе. Как же я люблю его и как хочу. И у меня нет сил прекратить это безобразие.

И вдруг детский голосок мальчика, которые располагались рядом с нами, зазвучал на весь пляж:

– Мама, а зачем дядя тётё ноги целует?

Молодая женщина отвернула его голову, пробормотав: «Ну это уже безобразие». Но мальчишка тут же снова повернулся к нам, на что Таркан серьёзно заметил:

– Дядя очень любит эту тётю.

– Мам, а тебя, значит, папа не любит. Он же тебе ноги не целует?! – последовала в ответ детская логика.

Женщина замерла от ярости и смирив меня взглядом:

– Не забывайте, что вы в общественном месте. Идите к себе в номер и делайте, что хотите. – И тут же повернулась к мальчику, грубо дёрнув его за руку, так что он упал на полотенце.

– Папа тебя не любит, потому что ты злая, а эта тётя добрая, – слышался обиженный голосок. Справа раздался мужской смех.

– Да заткнись ты! – Мать стукнула его по голове, и он заплакал.

– Зачем вы ребёнка бьёте?! – возмутился Таркан.

– Это не ваше дело?! Ваше дело вести себя прилично! – возмутилась женщина, поспешно хватая сумку и бросая туда вещи. И вот уже через пару минут мы увидели, как она потащила упирающегося мальчугана с пляжа.

– Сумасшедшие бабы! – выдал Таркан. – Целоваться неприлично, а бить ребёнка на пляже прилично. И заметь, никто не заступился?!

– Послушай, почему, когда ты появляешься, я всё время попадаю в дурацкое положение?! – возмутилась я. – Ты не должен был этого делать, она права. Вот, испортили людям отдых.

– Да ладно тебе. Просто, когда я увидел... мне стало жаль бельчонка. Ну не сердись, пойдём купаться?!

– По очереди.

– Ну уж нет, я боюсь утонуть, – он легко поднялся на ноги, протягивая мне руку. Ну не устраивать же новый скандал. На нас ещё поглядывали, видимо, ожидая очередного сексуального пируэта. Не дождётесь!

Мы одновременно подошли к морю. Настало моё любимое предзакатное время. Я быстро нырнула и поплыла по солнечной дорожке.

Сзади слышался голос Таркана:

– Куда же ты? Подожди!

Ну уж нет. Если он рассчитывал, что будет ласкать меня в воде, этого не будет. Больше я выдержу. Я изо всех сил гребла кролем, словно пыталась ухватить солнце. Когда совсем выдохлась, оглянулась. Таркан остался там, среди людей, в безопасной зоне буйков. Может, он и в самом деле, не очень хорошо плавал. Я же себя чувствовала, как дельфин. Только не умела так выпрыгивать из воды. Довольная, я снова поплыла вперёд брасом, закрыв глаза и позволяя солнцу высушить лицо.

Когда вернулась, Таркан стоял на берегу. Стало прохладно.

– Ты что делаешь?! Утонуть хочешь? – набросился он на меня. – Тебя не было целый час.

– Я люблю плавать! И это только моё дело, как далеко я хочу заплывать. Ты же ведь не спасатель, чтобы здесь командовать?! – я обняла себя за плечи, чтобы согреться. И так, я его переиграла. Никаких сексуальных игр на воде. Мы добрались до наших вещей, отстояли очередь в раздевалку. Таркан, ошарашенный моим выпадом, молчал. Ну что ж, женщины в нашей семье привыкли поступать по-своему.

Когда я вышла, он обнял меня за плечи.

– Поехали ко мне. Прошу тебя, умоляю. Готов встать на колени на виду у всего пляжа.

– Хватит с меня позора! – возмутилась я.

– Но почему ты отказываешься? Ведь у нас ещё есть время. Я не понимаю!

– Ладно, – решила я. – Я тебе всё расскажу. Только для того, чтобы ты понял, что я не капризничаю. Я действительно не могу.

Мы зашли в кафе и заказали мятного чаю. Надеюсь, мята успокоит его темперамент, да и мой заодно. Мята, вообще, мужчинам противопоказана, но Таркан, к счастью, этого не знал.

За столиком я уселась напротив и, не останавливаясь, выдала краткую историю. Таркан вопросов не задавал, лишь на его красивом лице время от времени проступала тень недоверия. А когда я рассказала, что про общение с душами своих бабушек, он дотянулся и постучал по моей голове:

– Остановись, белочка. Ты всё придумала. Ты не сумасшедшая. Так не бывает.

– Представляешь?! До приезда сюда я тоже в это не верила.

– Ты слишком много находишься на солнце. Припекло, наверно, – Таркан улыбался, впрочем, довольно добродушно. Да он никак не воспринял эту историю. Зачем я распиналась?! Даже обидно стало.

Я допила остывший чай.

– Ну, в общем, я тебя выслушал. Теперь твоя очередь. Сейчас расплатимся за чай и поедem ко мне. И не бойся, пожалуйста. Никто тебя за это не накажет. Никому больше этот бред не рассказывай, а то упекут тебя в психушку. Меня это не убедило.

– Не убедило?! Ладно.

Отчего-то я разозлилась. Захотелось крикнуть ему в лицо, что меня тоже не убедил его бред, что он должен положить свою жизнь этой стерве под ноги и воспитывать чужого ребёнка.

Таркан махнул официанту, но тот его не заметил. А я вдруг поняла, что никуда не поеду. Я решила этого не делать, и никто меня заставит. Нужно как-то отделаться от Таркана. Если ему удастся запихнуть меня в машину, дальше он меня не выпустит. Похоже, чаёк не возымел на него никакого действия. Южный темперамент плевать хотел на мяту.

– Ты расплачивайся, а я пока в туалет схожу. Много чаю выпила, – сказала я, радуясь, что туалет находится не в самом кафе, а чуть дальше, возле спортивной площадки, ближе к речке. Смогу сбежать, до того, как он обнаружит.

– А ты вернёшься?! – он схватил моё запястье. – Давай, официанта подождём.

– Не могу, – я сделала страдальческое лицо. – Уже давно терплю, но хотела всё рассказать.

– Ладно. Имей в виду, что бежать тебе некуда. Я знаю, где тебя найти.

Я выскользнула из-за стола и прошла мимо кафе. Поравнявшись с туалетом, оглянулась и принялась бежать так быстро, как могла. Шлёпки ужасно мешали, я сняла их и понеслась босиком. Свернула с набережной на соседнюю улицу и укрылась в магазине «Строительные материалы».

– Девушка, вы что-то хотели? – ко мне подошёл симпатичный молодой человек.

Я сообразила, что до сих пор стою босиком, потная, со шлёпанцами в руках и растрёпанная.

– Нет, мне просто надо ... побыть здесь какое-то время, – я выглянула в окно.

– Ладно, хорошо, – он пожал плечами. – На вашем месте я бы тапочки надел. Пол холодный.

Интересно, почему все мужчины считают своим долгом давать советы?! Пол приятно охлаждал разгорячённые ступни.

– У вас нигде не написано, что нельзя босиком, – сострила я, сделав вид, что рассматриваю краску. – Пожалуй, я кое-что посмотрю, раз зашла.

– Да, пожалуйста, – парень отошёл от меня, явно обиженный.

Я всё же надела шлёпанцы, поставила банку на место и задумалась. Действительно, а куда же мне идти? Сумка моя осталась у Таркана. И тут я вспомнила, что у меня есть комната в доме отца, которую я сняла. Туда вполне можно доехать на такси. Только вот телефон остался в сумке вместе с деньгами. И что же делать?! Пешком идти нельзя. Я пошла к кассе, где нашла того парня в компании остальных продавцов.

– Извините, можно узнать на счёт краски?!

Парень оторвался от разговора и пошёл со мной.

– Вы можете мне помочь?

– То есть вам не нужна краска?

– Нет, мне нужно такси. Но мой кошелёк и телефон остались у человека, с которым мне нельзя встречаться.

– То есть я должен вызвать вам такси и заплатить? – его глаза округлились от удивления.

– Пожалуйста. Тут ехать всего десять минут. Я верну деньги, как только получу сумку. Оставьте мне свой номер.

Парень смотрел прямо на меня, не мигая, находясь в ступоре.

– Это будет всего сто рублей. Я верну в два раза больше, – на его лице появился интерес. – В три.

– Да ладно вам. Просто вы странно выглядите. – Он вытащил телефон из зелёного комбинезона. – Куда вам ехать?

– Улица Загородная дом пять. Я вам так благодарна.

– Это действительно близко, – он потыкал на экран. – Ну вот, Рено 575 будет через пару минут. – Подъедет прямо к магазину.

– Вы меня спасли. Напишите ваш номер телефона.

– Да что уж я такси не могу вызвать для красивой девушки?! Может, сходим куда-нибудь?

Приятно, что в таком виде, меня ещё считают красивой. Но сходить куда-то?! Увольте.

– Вот и оставьте телефон, я перезвоню, как только доберусь до своего.

– Хорошо, – через минуту парень вернулся с визиткой магазина, где нацарапал свой номер.

– Меня зовут Владимир, а вас?

– Авдотья.

– Какое необычное имя.

Я привычно кивнула. Жизнь тоже отличается от жизни моих сверстниц. А уж последнее времечко так просто зашкаливает.

– Ваше такси уже здесь. Я заплатил.

– Спасибо, – я быстро пошла к выходу. На ступеньках повертела головой во все стороны: ни Таркана, ни машины. Вряд ли ему придёт в голову искать меня в строительном магазине. Юркнула на заднее сидение. Таксист домчал за пять минут. Я вышла возле знакомого дома и нажала на звонок.

Лицо отца показалось мне удивлённым.

– Авдотья?

– Извини, что без звонка, но мне придётся воспользоваться той комнатой, которую я сняла. Она ещё свободна?

Владимир открыл пошире дверь.

– Заходи. Что-то случилось?

– Нет, то есть да. Мне пока нельзя появляться у Ники. Я не очень помешала?

– Нет, что ты. Я как раз один, если не считать парочки отдыхающих, которые приходят только на ночь. Лена уехала к подруге с дочкой в горы. Вернётся завтра вечером.

– О, как хорошо, – я вздохнула.

– По этому случаю я пью белое вино собственного изготовления. Будешь? Или тебе чаю заварить с жасмином?

– Лучше вина.

Теперь, когда искушение будет недоступным, мне просто необходимо расслабиться.

– Только не выпускай меня отсюда, ладно? Дверь запири, и ключ мне не давай. А через этот забор я вряд ли перелезу, – выдала я на одном дыхании, подумав, что вдруг я потеряю контроль и сама захочу поехать к Таркану.

Отец посмотрел на меня, нахмурившись.

– Ничего не понимаю. Ты кого-то боишься? Если тебя кто-то обидел в этом городе, я...

– О нет! Всё в порядке. Я расскажу. Только умоюсь.

– Ладно, пойдём, дам тебе чистое полотенце. Может, хочешь душ принять?

Для душа даже сил нет, так вина хочется. Да и смысл его принимать, если даже чистых трусов нет. И ничего нет. Даже телефона. А вдруг маман будет звонить?! Хорошо, я её номер наизусть помнила. Надо предупредить. Только вот тогда у отца останется её номер. Хотя я могу его стереть.

– Нет, душ не хочу, а вот кушать очень хочется.

– Можно стейки пожарить на решётке. Будешь?

– Да, – я не удержалась и поцеловала его в щёку.

Ну вот и попала на праздник.

– Тогда вино к мясу лучше красное, как считаешь?

Я кивнула и взяла у него из рук чистое полотенце. Отчего-то глаза защипало от слёз. Хорошо, когда есть к кому прийти. Из зеркала в ванной на меня смотрела растрёпанная рыжая бестия с горящими от возбуждения глазами. Запустила пальцы и попробовала расчесать волосы. Ну куда там?! Даже расчёски нет! Вот она, любовь. Полный дискомфорт и никакого удовольствия. И ведь бывают женщины, которые не попадают в такое дурацкое положение. Мне ещё повезло, что Лены нет. Я с наслаждением вымыла солёное от моря лицо и даже намазалась кремом, который нашла на полочке и сразу почувствовала себя лучше. Подошла к навесу, вдохнула запах дыма, залюбовалась, как суетится отец, накладывая куски мяса на решётку. Загорелый сильный красивый. Меня охватило чувство нежности. Ну и гори оно всё, зато у меня теперь отец есть, и я никому не позволю разрушить наши отношения. Мы итак потеряли слишком много лет.

– О, ты уже здесь? – он обернулся. Подошёл к столу, где был тоненько порезан лаваш. На большой тарелке огурцы с помидорами и свежая зелень. Когда он успел только? Отец налил в два бокала красное вино. – Давай, пожалуй, выпьем. – Он посмотрел мне в глаза. – Знаешь, я всё время о тебе думаю. Как ты росла без меня. Сколько лет я упустил. Не слышал твоих первых слов, не видел первых шагов. Не знал, что ты такая красавица. За тебя, дочка.

– Спасибо, пап, я тоже об этом думала. Но мы же нашли, в конце концов. Это самое важное.

Мы пили вино, а по нашим щекам текли слёзы, которых мы не стеснялись. Видимо, раньше я не осознавала, насколько страдала от того, что у меня было только отчество в паспорте.

– Знаешь, я волнуюсь за тебя. Что случилось? – спросил отец, когда тёплый ветерок осушил наши щёки.

– Долгая история, – отмахнулась я. Один раз я уже пробовала сегодня рассказать, меня не поняли, и мне не особенно хотелось рассказывать, но я понимала, что должна. Отец ответил на все мои вопросы, и теперь пришла моя очередь.

– Но мы же никуда не спешим.

Я кивнула и начала с того, как познакомилась с Тарканом.

Отец тут же, как только я произнесла его имя, нахмурился.

– Таркан?! Да я его знаю прекрасно.

Ну, конечно, Я всё время забываю, что я в Сочи. Стоит упомянуть какое-то имя, как оказывается, что с этим человеком твой собеседник вместе пил, ел, учился, работал или ещё что-нибудь.

– Извини, – спохватился отец. – Рассказывай дальше.

– Откуда знаешь?

– Ну, когда строили отели в Имеретинке перед олимпиадой, мы работали в одной команде.

– И как он тебе?

– Как работник толковый. Обязательный. Но девки ему прохода не давали. И...

– отец сделал вид, что занят разрезанием мяса.

– И что?

– Со всеми вытекающими последствиями для мужчины его темперамента с учётом нашего климата.

Я улыбнулась.

– К сожалению, эта участь и меня не миновала.

– Ну надо же было Нике иметь голову на плечах, чтобы посылать за тобой этого красавца! – стукнул отец по столу кулаком. – Будто она не знала, как он на девушек действует. Тем более, у него эта баба беременная. И вроде свадьба скоро.

– Через два дня.

Мы выпили вина, не чокаясь. Ладно, пусть тешит моё самолюбие мысль, что я от него сбежала.

Пришлось рассказывать дальше. Умолчала я только о том, как сильно я люблю. Сказала, что это просто увлечение. Ну и, конечно, не стала упоминать ни про прошлые жизни, ни про Марию. Мне хотелось ему рассказать и об этом, но сейчас было не время.

– Ты можешь оставаться здесь, сколько захочешь, – сказал отец. – Освободилась хорошая комната. Там душ, телевизор, ремонт.

– Спасибо. Мне надо позвонить маман. Дашь телефон?

– Он что, у тебя телефон отобрал?

– Нет, я сама оставила сумку в кафе, где мы сидели. Ну, чтобы не вызывать подозрений, что я хочу сбежать.

– Вот ведь подлец. Да что он хочет от тебя накануне свадьбы?

– Пап, это не его женщина.

– Да в его женщинах пол города Сочи ходят. И моя дочь в их числе, как ни обидно.

Я засмеялась.

– Да брось. Я просто получала удовольствие от ... общения с ним.

– Тогда почему сегодня сбежала?

Ну уж про Лялю с кипятком я точно не буду рассказывать. Тут, похоже, у всех мужчин темперамент, независимо от возраста.

– Ну кто-то из женщин, пусть не из города Сочи, а из Москвы, должна ему отказать? Он уже несколько дней шлёт мне письма, звонит. Искал меня на пляже сегодня полдня. Нашёл, хотел время со мной провести, а я сбежала.

Отец рассмеялся, поднял бокал.

– Ладно, дочка. Только с женатым не путайся. Кончай это дело.

– Ни за что не буду! Дашь телефон?

– Конечно, бери, – отец протянул мне новенький айфон.

Я набрала мамин номер, сказала, что потеряла телефон на пляже, звоню с чужого. Отец не сводил с меня глаз. Сидел, подперев голову рукой и слушал.

– Я слышал её голос, он не изменился, – грустно сказал отец, когда я положила телефон на стол.

– Я уж не стала говорить, что сижу с тобой и пью вино, извини, – отец кивнул, а я вдруг добавила: – У неё сейчас всё хорошо, так что не стоит.

– Мужик вернулся?

– Да, – мне хотелось ему сказать, что мама его любит, но я не смогла. Так же, как не смогла удалить её телефон из памяти. Не хотелось, чтобы отец подумал, что я ему не доверяю.

– А ты знаешь, мне всё равно надо с Ликой поговорить. Попросить у неё прощения.

– Может, не стоит ворошить прошлое?

– Ты хочешь, чтобы она так и прожила всю жизнь с мыслью, что я её бросил? Я же не буду вмешиваться в её личную жизнь. Даже, если бы у неё никого не было, я бы всё равно Ленку не смог оставить. В моём возрасте жизнь уже не меняют. Старый стал.

– Да ладно тебе. Вон, по горам, как скачешь?!

– Это наследственное. А задора уже нет того, что был. Хотя люблю я твою мать до сих пор. Ну ладно, не буду тебя грузить. Скажи лучше, а Нике не надо сообщить, что ты здесь?

– А у тебя есть её номер телефона?

– Конечно, мы же с ней столько общались.

– Ну да, это же Сочи, – хихикнула я.

Отец нашёл телефон Ники и набрал его. Услышав мой голос, Ника вздохнула с облегчением:

– Авдотьюшка! Наконец-то. А мы тут сидим, волнуемся, куда ты пропала.

– Со мной всё в порядке. Таркан там?

– Конечно. Сумку твою привёз. Говорит, что никуда не уедет, пока тебя не увидит.

– Скажи ему, что я не вернусь. Пусть едет к своей невесте.

– Дай-ка я перезвоню тебе.

– Там? – спросил отец.

– Там!

– Козёл! Поехать может, ему морду набить, чтобы таким красивым не был на свадьбе?!

Я только руками всплеснула!

– Пап, ну ты что?! Зря я тебе рассказала.

Он только пожал плечами. Я думала, что на соседней улице сидит Таркан и ждёт меня. Мне было приятно. Шевельнулись крылышки бабочек в животе. «А ну-ка, тихо!» – мысленно приказала я им и улыбнулась.

– Радуетесь, что он за тобой бежит? – спросил отец, прищурившись.

– Ну, приятно. Ведь он же раньше не бегал за девушками?

– Не замечал. – Отец звякнул об мой бокал. – Давай выпьем, чтобы ты нашла свою любовь. Настоящую. И чтобы у вас всё было хорошо. Ты же ведь не сильно в него влюбилась? Ведь если бы сильно, ты бы не смогла убежать?

Типичная мелодия айфона позволила не отвечать. Отец снял трубку.

– Ника, рад слышать. Не волнуйтесь, ваша девочка у меня в полной сохранности.

Я слышала, как на него посыпались вопросы. Отец улыбнулся мне.

– Ну, мы тут выяснили, что мы тоже близкие родственники. Как-нибудь расскажу или Авдотья сама расскажет. Передаю ей трубку.

– Ты меня удивила?! – послышался бодрый голос Ники. – Впрочем, ты всё время меня удивляешь. Я догадываюсь, какие вы родственники. Очень забавно. Но я за тебя спокойна. Володька человек порядочный. Наверно, ты права. Тебе лучше там остаться. А вещи мы тебе привезём. Сейчас Николая попрошу. Скажи только, что тебе нужно.

– Главное – телефон, – улыбнулась я. – Ну и ещё кошелек, он в сумке. Ну и можно что-нибудь из одежды.

– Ладно, разберусь, сама женщина. Знаю, что тебе может понадобится. Таркана я отправила. Сказала, что ты не вернёшься. Пришлось на него прикрикнуть. Главное, чтобы он не выследил, куда Николай поедет.

– Я его на порог не пущу, наглеца такого! – вскипел отец, когда я высказала свои опасения.

– Пусть только попробует сюда заявиться.

– Пап, через два дня всё закончится. Потерпишь меня?

– Конечно, я даже рад. Поедем с тобой куда-нибудь. На корыта.

– Только не на корыта, – вздохнула я.

– Это он тебя туда возил?

Я кивнула.

– Козёл! – отец выпил залпом оставшееся в бокале вино.

– У тебя есть другие слова?

– Других слов нет. Хотя, знаешь, ведь тогда, с твоей мамой, меня тоже можно было назвать козлом. И она, наверняка, так считает. Мне надо поговорить с Ликой.

– Не сейчас, пап, – я думала о том, что мне надо как-то добраться до телефона и стереть мамин номер. – Да и, вообще, зачем ворошить прошлое?

– Это нужно нам, девочка. Обоим.

– У неё мужчина экстрасенс. Мало ли как он это воспримет? А у них только всё наладилось.

– Ладно, что ж, я против её счастья? А, может, ты мне всё-таки вышлешь её фотографию?

– Пап, у меня телефона нет, – развела я руками.

– Кстати, я видел Нику в кафе с её поклонником. Не помню, как его зовут.

– Николай.

– Рад, что они снова вместе. А то так жалко её было.

– Просто удивительно, что вы всё здесь друг про друга знаете.

– Но это же Сочи, детка. И, тем более, это Мамайка.

За воротами раздался гудок автомобиля.

– А вот и гости, – рассмеялся отец. – Насколько я хорошо знаю Нику, она воспользуется поводом, чтобы приехать и узнать подробности. А ещё она обожает праздники. Так что, похоже, спать мы сегодня ляжем поздно. Ладно, пойду встречать.

Отец встал, сунул телефон в карман шортов.

– Пап, не оставишь телефон, мне надо подруге позвонить?

Отец хитро прищурился на меня, придерживая телефон в кармане, словно опасаясь, что я его вытащу. Я изо всех сил пыталась изобразить невинность, хлопая ресницами.

– Не раньше, чем я телефон твоей матери наизусть выучу. А ты лучше сходи на веранду за вином.

А вот я и попала, подумала я. Пусть будет, как будет. Надеюсь, Виктор окажется настоящим экстрасенсом, чтобы понять, что за всем этим стоит ни интрижка, а прошлое, которое требует некоторых дополнений.

Глава 12

Я проснулась чудесным утром, когда в распахнутое окно поют птицы, а шторы не сдерживают буйство солнечных лучей, напоминая, что настал новый день. Мой взгляд остановился на висящем на вешалке зелёном платье, в золотых нитях которого играл свет. Заботливо отглаженное портнихой, оно было лично доставлено Никой, которую привёз Николай. Вместе с платьем Ника дала мне таблетку, чтобы я хорошо выспалась.

– Завтра ты должна быть красавицей. Никакого вина и отёков под глазами. Зато после свадьбы весь мой погреб в твоём распоряжении.

Я согласилась. К тому же вернулись Лена с дочкой, и нам с отцом придётся соблюдать нейтральные отношения. Я рано ушла к себе в комнату, распахнула окно, впуская звуки цикад, и уселась с ноутбуком в кровати. В программе был один затык, нужно было найти ошибку в коде, чтобы всё заработало. Этим я занималась до одиннадцати часов, а после выпила таблетку и легла в постель. Таблетка подействовала, мягко забирая меня в мир сновидений.

Я потянула одну ногу, потом другую, потом обе. Шесть раз. Обязательное утреннее упражнение, которому меня научили, когда я ходила на йогу. Боль от неминуемой утраты, свидетельницей которой, мне придётся сегодня стать, накатывалась с каждой минутой. Церемония назначена на два часа. А сейчас только восемь. А ну, держись! – прикрикнула я на себя и вылезла из постели. Мне срочно требуются эндорфины. Значит, надо заняться упражнениями. Жаль, что у отца нет бассейна. А поскольку мне не хотелось ни с кем встречаться, я включила планшет и начала выполнять комплекс за комплексом. Упражнения для трицепса, выпады для бёдер и самый сложный комплекс: бег из планки на руках, чередуемый с упражнениями на пресс. Проклятые эндорфины не появились, но тело стало более послушным. После душа я спустилась вниз.

– Ну как ты? – спросил отец.

– Выспалась. Сделала длинную зарядку.

Он хмыкнул.

– Значит, всё не так плохо. Держись, милая.

– Других вариантов нет.

– Тогда давай завтракать. Я отправил своих на рынок, пообещав им приготовить борщ с пампушками.

Я кивнула, испытывая благодарность за то, что он деликатно избавил меня от трескотни своей супружницы. Разговаривать не хотелось.

Отец быстро приготовил яичницу, кофе, и мы уселись в саду под навесом. Завтракали молча. Тоска накатывалась с каждым глотком. В конце концов, я отодвинула тарелку.

– Не могу больше.

Отец кивнул, положив в рот последний кусок яичницы.

Я собрала вещи в комнате, где успела обосноваться за два дня, и отец отвёз меня к Нике, куда должна была явиться её знакомая парикмахерша и очень хорошо знакомая визажистка, чтобы сделать нас красивыми.

Ника уже ждала меня в гостиной. Настенные часы показывали одиннадцать. ЭТО свершится уже через три часа. Почему-то вдруг я отчётливо увидела, как пару дней назад, здесь был Таркан. Как нервно он ходил взад-вперёд, ожидая меня. Что я наделала?! Лишила себя последних мгновений счастья. Если бы можно было вернуть время назад, я бы провела с ним эти последние два дня. Ну и кому какой толк от моей гордости?

Ника, крутя колёсики кресла, подъехала ко мне, и я, присев перед ней на корточки, разрыдалась, спрятав голову в её маленьких острых коленках.

Ника поглаживала меня по голове.

– Поплачь, деточка. Я знаю, как вы любите друг друга. Поняла это, когда он тогда приехал. Никогда не видела его в таком состоянии. – После её слов, меня затрясло от рыданий. Впервые в жизни мне хотелось кататься по полу и рвать на себе волосы. Или причинить себе любую другую боль, только бы заглушить боль внутри.

Ника клохтала надо мной словно курица.

– Милая, милая, ну что же делать?! Ох, Боже ты мой. Какое горе. Какое несчастье. Может, уж не ходить тебе, деточка?

Странно, но эти слова отрезвили меня. Я подняла голову.

– Я должна его увидеть в последний раз. Попрощаться с ним, – новый спазм рыданий, заставил меня замолчать, но я подавила его и вытерла слёзы. – Я пойду. Ведь Скарлетт бы пошла?

– Скарлетт бы пошла и показала им всем, несмотря на то, что творилось бы у неё на душе, – сказала Ника, изменив тон. – И если ты хочешь пойти, то немедленно прекрати реветь.

Я шмыгнула носом, стараясь размеренно дышать.

– Скарлетт бы пошла и заставила страдать Рета Батлера. Ты тоже заставишь его страдать. Разыграешь весь спектакль по нотам, а я помогу тебе. С женщинами нашего рода нельзя так поступать!

Я удивлённо смотрела на Нику. Её голубые глаза сверкали, словно она была молодой девчонкой, разозлившейся на кавалера. Складки на лице подтянулись, ей нельзя было дать и пятидесяти. Та сила, которой восхищались все вокруг, сейчас изливалась на меня. Я подумала: сколько всего ей пришлось пережить, и она смогла. Мне должно быть стыдно: это всего лишь чувство, которым придётся пожертвовать.

Я порывисто поцеловала её в щёку.

– Спасибо.

В дверь позвонили.

– О, это Наташа, визажистка. – Приводи себя в порядок. Пусть она пока займётся мной, – Ника хитро посмотрела на меня: – ведь там будут мужчины моей возрастной категории, и я собираюсь повеселиться.

Я смогла выдавить из себя улыбку. В своей комнате рухнула на постель и начала глубоко дышать, чтобы не плакать и старалась не думать о том, что произойдёт уже совсем скоро. Они уже вовсю готовятся к свадьбе, и его невеста помогает завязать моему любимому галстук. Я застонала и закрыла себе рот. Нельзя! Не распускаться! Где твой характер, Авдотья? Разве в нашей семье не дурной тон переживать из-за мужчины?! Тем более что здесь есть и немного моего решения. Ведь я сама сбежала от него в последние дни. Я сама всё решила. Так, я не заметила, как уговаривая себя, прошёл час.

Наташа оказалась милой стройной девушкой без макияжа с убранными под резинку волосами. Видимо, на себя времени не хватает или достало красить других, решила я. Она некоторое время изучала моё лицо, потом платье и бесконечные коробочки с тенями. Наконец, повернулась ко мне:

– Есть какие-нибудь пожелания к макияжу? Или картинка, на кого бы ты хотела быть похожей.

На Вивьен Ли. Но ведь не скажешь об этом. Да и разные мы.

– Только одна просьба. Макияж должен быть водостойким. Я всё время плачу на свадьбах.

– О, я тоже, – засмеялась Наташа. – Это так трогательно. Последний раз на свадьбе у друзей рыдала почти навзрыд. Они были такие милые.

Я кивнула. Меня как-то свадьбы моих подруг не впечатлили. Я, вообще, не сентиментальна.

Уверенные Наташины движения сделали моё лицо совершенным. Неужели у меня такие большие и выразительные глаза? И такие пухлые губы? От собственной красоты даже стало легче.

– Приложи платье, – попросила Наташа. – Я посмотрю, как это сочетается.

Я выполнила её просьбу.

– Восхитительно. Тени точно в тон. Ты затмишь невесту своей красотой. Или найдёшь себе жениха. Я бы к себе на свадьбу такую красавицу не пустила. Слушай, а это твой натуральный цвет волос?

– У меня всё натуральное, – грустно сказала я.

Только вот счастья нет. Но об этом Наташе знать не следует. Да к тому же в дверях уже стояла парикмахерша. Я сидела перед зеркалом и смотрела, как она занимается с моими волосами. То завивает, то зачёсывает, то подкалывает. Это отвлекало от мыслей, что та, которая отберёт сегодня любимого, тоже сидит перед зеркалом, чтобы стать красивой для него. И ей, наверно, в причёску вкалывают белые цветы. Интересно, ей хватит ума не надевать белое платье на восьмом месяце?

Волосы по моей просьбе зачесали наверх без пробора, убрали с шеи и подкололи на затылке, оставив спускаться локонами. Никогда в жизни я не выглядела такой красавицей и никогда в жизни я не чувствовала себя такой несчастной. Когда я уже полностью готовая стояла перед зеркалом и надевала украшения, мне вдруг захотелось растрепать волосы, размазать макияж, а платье разорвать на кусочки. Я даже испугалась себя и поспешно спустилась вниз, решив, что лучше быть среди людей. В гостиной уже был Николай. Он вызвался довезти нас до Дворца на улице Войкова, где должна состояться церемония.

– Авдотья, ты великолепна. Похожа на актрису, которая явилась получить премию «Оскар». Как же её имя... Вот ведь старость. Высокая такая.

– Николь Кидман.

– Точно, – поднял вверх палец Николай. – И ты лучше.

– Только если в этом платье и с этой причёской. Всем этим я обязана Нике и её волшебницам.

Николай улыбнулся.

– Ника это чудо. Не знаю, откуда она черпает свою энергию и делится со всеми нами. Когда мы расстались, жизнь сразу стала тусклой. Я сам себя презираю, когда вспоминаю, что смалодушничал.

Его загорелое лицо стало суровым, а глаза смотрели куда-то мимо меня в прошлое.

– Вы не должны винить себя, – быстро сказала я. – Бывают такие обстоятельства. Вы сделали то, что не могли не сделать. Главное, что Ника...

Увлечённые беседой, мы не услышали, как в гостиную въехала Ника.

– Кто там упоминает моё имя? – послышался её весёлый энергичный голос.

– Ника, – Николай поспешно бросился к ней и опустился на колени, припав к её руке.

Может, мне и следовало отвернуться, но я не могла отвести глаз ни от этой сцены, ни от самой Ники. И пусть я видела её во время примерки в этом бледно-голубом платье с рукавами, спадающими фалдами до локтя, но не видела её с высоко поднятыми, расчёсанными на косой пробор, белоснежными волосами. Сегодня она походила на добрую волшебницу из сказки, красоту которой не могли испортить ни морщины, ни возраст. На шею она одела ожерелье из топазов и такие же серьги, которые подчёркивали тон платья с лёгким белоснежным узором. На моих глазах выступили слёзы и сейчас, больше, чем когда-либо, я пожалела, что она не может встать со своего кресла на свои маленькие ножки в белых туфельках.

– Коленька, что ты такое натворил, что ведёшь себя так странно? – спросила она, всё ещё не отрывая от него взгляда.

– Не могу поверить своему счастью.

– Ну, то-то же. Погоди же. Ты мне всё заслонил. Я хочу взглянуть на Авдотью.

Николай поднялся с колен.

– О, Боже мой! – воскликнула она, глядя на меня. – Ты ли это, девочка моя?!

Я подошла к ней и присела на корточки, сжимая её руки.

– Спасибо вам за всё, – я почувствовала, как защипало глаза, и Ника тут же подняла мой подбородок.

– А ну-ка, перестань, милая. Ты должна держаться. Таким красоткам слёзы не к лицу. Макияж испортишь. Да и наш план близок к осуществлению. На Скарлетт ты, конечно, не похожа, но сойдёшь за маркизу ангелов, которая покорила самого короля. Надеюсь, ты готова? – Я кивнула. – Николай, сделай нам по чашечке кофе с коньяком для тонуса, – скомандовала Ника.

После кофе я почувствовала себя лучше, мы уселись в просторный Ленд Ровер Николая и покатали в сторону центра. Солнце уже палило во всю, как положено в июле, и его великолепию не мешали никакие облака. Идеальный голубой цвет, который не передаст ни один художник, ярко-зелёные пальмы и стройные кипарисы. Мы проехали по улице, с обеих сторон которой возвышались цветущие магнолии. И вот мы уже оказались в самом центре, у Дворца бракосочетаний. Кажется, мы немного опоздали, и гости уже были внутри. Николай поцеловал Нику и попрощался с нами. Среди оживлённых невест, женихов и гостей, подталкивая Никино кресло, я вошла внутрь. Впрочем, перед нами итак все расступались.

Моё сердце выбивало тревожную мелодию, периодически замирая в предчувствии. Сейчас я увижу его. Сейчас я увижу его.

– Ника, – услышала я голос и откуда-то сбоку появилась фигура вся в белом, чьё лицо почти скрывала фата. Я скорее догадалась, чем узнала, что это и есть Ляля. И она всё-таки вырядилась в белое платье, отчего казалась совершенно необъятной. Видимо, и она не узнала меня в первый момент, лишь вежливо кивнула. Нас окружили незнакомые мне люди, которых прекрасно знала Ника, и оттеснили меня в сторону. Я нигде не видела Таркана. Может, он передумал?! Не успела я порадоваться, как увидела его в шёлковом бежевом костюме, белой рубашке и отливающим золотом галстуке. Это зрелище заставило меня опустить глаза и крепко сжать челюсти, чтобы они не раскрылись от изумления. Турецкие сериалы выиграли бы, если бы он в них снимался. Бутоньерка из белой гвоздики на лацкане пиджака вызывала ощущение, что предстоящая свадьба и есть эпизод из фильма. Между тем, Таркан, ничуть не выдав своего изумления от моего, как я надеялась, потрясающего вида, быстро оказался рядом с нами.

– Ника! – он поцеловал её руку, потом перевёл бархатистые глаза на меня. – Авдотья, – он ограничился кивком головы, – рад видеть Вас на нашем торжестве, – он взял свою невесту под руку, отчего она зарумянилась и взглянула на будущего мужа с собственническим видом, предварительно пронзив меня серыми глазами, которые расширились от ненависти, когда она, наконец, меня узнала. Не успела я опомниться, как церемонию пригласили в зал, и ведущая, серьёзная женщина в строгом платье с белым воротничком, казавшимся неуместным, извинилась из-за того, что сегодня вышла из строя система кондиционеров.

Очень скоро это почувствовалось. Кто-то вытирал пот со лба, кто-то обмахивался предусмотрительно взятым веером. По моему телу струились ручьи пота, почему-то холодного. Слова я слушала вполуха, но не могла оторвать взгляда от стоящей перед нами пары, которая уже совсем скоро станет, согласно закону, близкими людьми. Моё сердце билось в такт какой-то неизвестной мне трагичной мелодии с повторяющимися словами «всё

кончено», а перед глазами стелилась лёгкая дымка, словно я вдруг стала хуже видеть. В момент, когда жениха спросили «согласен ли он взять в жёны Кулагину Людмилу Арсентьевну», Таркан вдруг посмотрел на меня, стоящую рядом с Никой в первом ряду гостей. Дышать я перестала, только и смогла опустить вниз голову, услышав его «да». Молодым предложили обменяться кольцами и в тот момент, когда Таркан взял в руки кольцо, всё закружилось у меня перед глазами. Так было однажды в детстве, когда мальчишки слишком сильно раскрутили меня на детских каруселях. Я в панике ухватилась за Никино кресло, но почувствовала, как опора выскользнула у меня из рук, и я продолжаю падать. В этот момент я увидела перед собой Марию, которая покачала головой, как бы показывая, что я не должна это делать. Сознание вернулось ко мне, и я успела заметить, что Ника в кресле выехала на середину зала и случайно толкнула Таркана, который выронил обручальное кольцо. Чьи-то сильные руки подхватили меня сзади и поставили на ноги, придерживая под локти. Возникла суматоха. Кто-то бросился поднимать кольцо, кто-то прошептал: «плохая примета». Ведущая церемонии кому-то звонила по телефону. Меня вывели из зала и усадили на диванчик, голова ещё кружилась. Вскоре рядом со мной оказалась Ника. Мне принесли воды и какую-то таблетку, которую я сделала вид, что проглотила. Другая служащая дворца бракосочетания предлагала вызвать врача, но я отказалась.

– Авдотья, что с тобой? – спросила Ника, как только нас оставили вдвоём, и остальные вернулись к прерванной церемонии.

– Не знаю, мне так стыдно. Вдруг подумают, что я нарочно.

– Нарочно такого не придумаешь, – покачала головой Ника. – И я хороша, так разволновалась, что не поставила кресло на тормоз.

– Никогда раньше в обмороки не падала.

– Может, ты беременна?

– Абсолютно исключено и подтверждено целым консилиумом врачей, – сказала я.

– Ну тогда это нервы, – Ника промокнула мне лоб платочком. – И ещё жара. Может, тебе лучше домой?

– Нет, я в порядке. Сейчас посидим немного и поедем вместе со всеми, – вдруг я почувствовала боль в сердце, словно в нём заковыряли гвоздём, и поняла, что Таркан всё-таки надел ей кольцо. Закрыла глаза. Свершилось.

Я плохо помню, как заставила себя встать с дивана и присоединиться к гостям, когда новоиспечённые молодожёны вышли из зала. На Таркана я старалась не смотреть, но один раз наши взгляды встретились: он совершенно точно не выглядел счастливым и даже спокойным. Между бровей складка, лоб нахмурен. Надеюсь, он не подумал, что я организовала обморок нарочно. Зато Ляля, глядя на меня и прижимая крепче руку Таркана, громко заметила:

– Ну вот, мы всё-таки поженились! А некоторым слабонервным не стоит смотреть на чужое счастье.

Все воззрились на меня.

Я развела руками.

– Извините. Не привыкла к такой жаре. Но мне уже лучше, так что я готова вместе с вами отпраздновать такое знаменательное событие.

Если ты рассчитывала, что я не пойду на торжество, то тебя ждёт разочарование. Я смотрела в её серые глаза, растягивая губы в улыбке.

– Авдотье уже лучше, и мы готовы. Кстати, мы так и не знаем, куда вы нас повезёте, – вступила в разговор Ника.

– О, это сюрприз. Вы там ещё не были, место замечательное. Таркан выбирал, – Ляля снова собственнически прижала его руку, и я заметила на его пальце обручальное кольцо, которое, ему не шло. Слишком громоздкое для его руки с тонкими, словно у пианиста, пальцами.

Воспользовавшись суетой с фотографом, я ускользнула в туалет. К счастью, ни причёска, ни макияж от моей выходки не пострадали, разве что лицо стало более бледным. Я даже немного пощипала щёки, чтобы вернуть румянец.

Ресторан находился в горном ущелье, где протекала быстрая речка, от которой веяло прохладой. Тут были и мостики, и водопады и даже мельница. Пока фотограф снимал молодых во всех позах и видах, я, прихватив бокал с холодной минералкой, отправилась прогуляться по территории. Видимо, отсутствовала я долго, потому что когда вернулась, гостей ещё прибавилось. Оказалось, у Таркана много друзей. Некоторые даже прибыли без пары, что подходило для моего плана. Меня с кем-то познакомили, но я лишь улыбалась и не запоминала имён. И вдруг я увидела рыжеволосого молодого человека с огромным букетом. Он как-то по-свойски расцеловал невесту, пожал руку Таркану. Я прищурилась. Оттуда, где я находилась, я не могла хорошо разглядеть его лица. Обуреваемая любопытством подошла поближе. Тот самый рыжий, с которым в первый день моего приезда мы пили шампанское на пляже, и с кем у меня было назначено свидание после свадьбы Таркана. Видимо, судьба решила придать ускорение нашему плану. От волнения я даже забыла его имя. Интересно, он здесь один или с дамой? Я отправилась к столу с напитками и взяла бокал с шампанским для тонуса. Сделала глоток, поставила бокал, словно напиток мне не пришёлся по вкусу и, повернувшись, тут же столкнулась с рыжим. Парень остолбенел. Загородил мне дорогу, неприлично уставился на меня. На его лице проскользнуло сомнение, узнавание, изумление, которое завершилось радостью. Ну, в общем-то, я его понимаю. Видел он меня только в купальнике и в шортах, а тут я была причёсана и принаряжена так, что сама, увидев себя в зеркале, здоровалась с незнакомкой.

– Не может быть?! – воскликнул он, качая головой и беря меня за руки. – Авдотья! Какими судьбами?! Я так рад.

Однако он ещё помнил не только меня, но и моё имя. Хлопал рыжими ресницами. С тех пор веснушек на его лице прибавилось, он загорел, а волосы посветлели. Я бы сказала, что он похорошел.

– Какой маленький мир в Сочи! – улыбнулась я, пытаюсь сообразить: раз они с Тарканом не знакомы, значит, он каким-то образом, надеюсь, не родственником, связан с Лялей.

– Ты прелестно выглядишь. Настоящая принцесса.

– Спасибо, – я вспомнила о своей роли. Теперь мне даже есть с кем пококетничать.

– Я думал о тебе. Собирался завтра позвонить. Ты уже освободилась?

Из-за его спины я видела, как к нам приближаются молодожёны. Рыжий всё ещё держал мои руки, но теперь я была этому рада. Склонила голову набок:

– Да, теперь я полностью свободна и могу даже записать за тобой первый медленный танец.

– Вижу, вы уже познакомились! – заявила подошедшая Ляля. От удивления она даже отпустила Таркана.

Рыжий живо повернулся:

– Ляля, представляешь, это та самая девушка, о которой я вам рассказывал.

Нисколько не стесняясь, она неодобрительно покачала головой.

– Будь осторожен, Максик, эта девушка опасна и вездесуща.

– Любая красивая девушка опасна, – заявил Макс, заглядывая мне в глаза: – Может, выпьем шампанского за нашу чудесную встречу?

– С удовольствием, – я скосила глаза на Таркана. Лицо его побагровело от злости.

– Я тебя предупредила! – заявила Ляля, коснувшись рукой Макса. – Милый, фотограф предлагает сделать ещё фото у мельницы.

– Хватит! – резко бросил Таркан и быстрыми шагами направился к столу с напитками и закусками.

Мы остались втроём.

– Ну ты и ... – Ляля не решилась дать мне какое-то определение, резко повернулась и пошла к столу.

– Что с ней такое?! Вы знакомы? – Макс наклонился ко мне. – Я никогда не видел, чтобы она так злилась.

– Давай прогуляемся, я всё объясню, – я взяла Макса под руку, чтобы увести от стола с напитками, где стояли молодожёны.

Мы пошли по мостикам, упиваясь прохладой и здешним умиротворением. Если бы можно было прихватить бутылочку чего-нибудь крепкого со стола, закуску и сидеть здесь, свесив уставшие от каблуков ноги в прохладную воду.

– Как красиво! – я выпустила руку Макса. – Ты был здесь?

– Нет, а ты?

– Была одна полчасика назад и теперь готова побыть твоим гидом.

Макс, похоже, забыл про Лялю. Я весело что-то говорила, иногда просила его меня сфотографировать, принимая соблазнительные позы. Когда он совсем расслабился, рассказала историю, как упала в обморок от духоты.

– Но ты же не виновата. Она должна это понимать.

– Я виновата. Прервала их обряд. К тому же это плохая примета, если во время церемонии падает кольцо.

– Какая глупость?! – Макс пожал плечами. – Я не верю в приметы. Ляля капризничает, потому что беременна, – он с некоторой тревогой взглянул на меня: – А у тебя нет проблем со здоровьем? Всё-таки это странно: упасть в обморок.

– Ты единственный, кто поинтересовался. Приеду в Москву, расскажу своему врачу. Раньше со мной такого не случалось. – А откуда ты знаешь невесту? – мне не хотелось называть её по имени. Мама говорила, что когда произносишь имя человека, придаёшь ему силу, а я вовсе не хотела придавать сил своей сопернице.

– Моя двоюродная сестра училась с ней в одной школе. В этот раз, когда я приехал, нас познакомили. Мы должны были приехать вместе, но её неожиданно отправили в командировку, так что мне пришлось идти одному. Я ещё переживал, что никого не знаю и сомневался. А тут ты.

– Больше не сомневаешься? – я поправила причёску.

– Нет, только боюсь, что тебя уведут.

– Ну что это за неуверенность в себе?! – я взяла его под руку. – Наверно, нам пора возвращаться.

– Да, и я чертовски голоден. – Но ты ещё не сказала, как оказалась здесь? Явно не по приглашению невесты. – О, я понял, почему его лицо показалось мне знакомым. В тот день, когда я провожал тебя с пляжа, Таркан нас увидел вдвоём и очень разозлился. Ещё бы немного, и он меня ударил. У вас были какие-то отношения?

Кажется, я покраснела, но постаралась, чтобы мой голос звучал небрежно.

– Когда я прилетела, моя бабушка попросила его меня встретить, а потом он показывал мне город. Только и всего.

– Он запал на тебя и почему-то стал считать тебя собственностью! Но как он мог, раз у него была невеста?! – Макс выглядел возмущённым.

– Тебе, наверно, показалось. Он просто удивился, когда увидел нас вдвоём.

– Знаешь, он и сегодня удивился, когда увидел нас вдвоём, – заметил Максим. – И его чувство я бы назвал ревностью.

А Макс умён и наблюдателен, подумала я.

– Наверно ему было стыдно за невесту, то есть жену. Она весь день нападает на меня.

– Ладно, идём, я не дам тебя в обиду, – улыбнулся Макс. – Но её муженёк пусть держится подальше от моей девушки.

Ничего себе, прикусила я губу. Всего-то два раза прошлись, и я уже его девушка. Однако, какие строгие нравы в курортном городе.

Когда мы пришли, все уже сидели за длинным столом, во главе которого, как и положено, молодожёны. Каждый раз, когда после перерыва я видела Таркана с ней, я испытывала целый каскад чувств, порой даже глупых. Сейчас мне отчего-то захотелось сдернуть с невесты фату и закричать, что она обманщица. Пусть все знают, что это не ребёнок Таркана. Мне пришлось сдержаться: почти все взгляды присутствующих обратились на нас.

– Долго вы же гуляете! – раздался добродушный голос мужчины с бородкой. – Похоже, скоро следующая свадьба.

Я почувствовала, как мои щёки залились краской, все лица гостей слились в одно большое пятно. А тем временем за столом, возникла суета. Люди двигались, освобождая для нас места.

– Голубков не разлучать, посадить вместе, – забасил мужчина. – И, вообще, пусть эта красотка разбавит друзей Таркана.

– Давайте-ка её сюда, – поддержал какой-то темноволосый раскрасневшийся парень.

Я не знала, куда деться, на одну секунду поймала взгляд Таркана: его лицо перекошилось. Ладно, возьми себя в руки, приказала себе я. Это же часть плана. Я нашла глазами Нику, и она еле заметно кивнула мне. Нас усадили на противоположном торце стола. Вокруг нас сидели молодые ребята, отчего-то все без девушек. Мне тут же навалили целую тарелку разных деликатесов и налили два бокала шампанского вместо одного. Как только мы уселись, блондинка закричала «Горько!».

Пожалуй, для меня это было ещё страшнее, чем надевание кольца, которого мне удалось избежать. Его губы, которые я помнила на вкус, требовательные и нежные, теперь должны поцеловать другую на моих глазах. Дыхание перехватило, я опустила голову, но всё равно краем глаза видела, как они встали и под дурацкий счёт гостей поцеловались. Мне хотелось убежать и, спрятавшись, завывать во весь голос. Он мой. Мой любимый!

Но я ничего не сделала. Только поднесла к губам бокал шампанского и выпила залпом. Через несколько минут щёки у меня начали гореть, как будто меня отхлестали. Я почувствовала зверский голод, словно меня только что спасли из тундры, где я питалась корешками. Я даже не смотрела, что я ем, поглощала закуски одна за другой, и скоро моя тарелка оказалась пустой. Шампанское притупило боль, и я обрела возможность созерцать. Гостей было человек тридцать. Я присмотрелась к родителям Таркана, и они мне ужасно не понравились. Возможно, это было предвзятое мнение, поскольку я знала, что у них не хватило благородства не обвинять Таркана в гибели брата. Наоборот, они загнали его в угол и, судя по всему, были довольны. Мать его была никакая, крашенная блондинка с выпрямленными паклями и отёкшими глазами, а вот отец, пожалуй, хоть и располнел, но раньше был красавцем турецкого происхождения. Во всяком случае, глаза у него тоже были бархатные и тёмные, а брови, хотя и поседевшие, хранили отпечаток бывшего величия. Его старила борода, которая казалась серой. Хотела бы я высказать им всё, что я о них думаю.

Парень рядом со мной начал рассказывать анекдот, и я, чтобы отвлечься постаралась вникнуть в смысл. Смысл ускользнул, но я улыбнулась. Снова раздалось «Горько!» и мне снова пришлось терпеть завывания сердца. Всё моё существо умоляло прекратить эту пытку, но я продолжала отпивать маленькими глотками шампанское, улыбаться и разговаривать. Думаю, мне удалось на некоторое время стать царицей маленького уголка, во всяком случае, я несколько раз ловила одобрительный взгляд Ники. А один раз нас даже пристыдили, за то, что мы так громко смеялись и не слышали очередного тоста. Да как я могла не слышать, я сделала вид. Я собиралась ограничиться водой, но без шампанского, которое хоть и казалось мне горьким, я бы не справилась. Спиртное притупляло боль и заставляло меня оставаться на месте.

Я болтала с Максимом и с парнем справа. Просила, чтобы мне подали то блюдо и это. В конце концов, не нашла ничего лучшего, как попросить открыть другую бутылку шампанского, потому что это показалось мне горьким. Я прикусила язык, как только тот добродушный парень, который, увидев меня закричал: «Давайте её к нам», так же громогласно завопил:

– Таркан, а вот у нас тут девушка жалуется, что шампанское горькое. Что ты там филонишь?

Я обомлела. Девушка на этом конце стола была я одна. Таркан бросил на меня такой взгляд, что дыхание у меня перехватило. Не отрывая от меня глаз, он встал. Мне показалось, что сейчас он сдёрнет скатерть и перевернёт стол на меня. Его жена поспешно вскочила, но он даже не повернулся к ней. Он всё ещё смотрел на меня:

– Ну если шампанское горькое, то пусть она скажет это громче, чтобы мы услышали, и подсластили.

Горло у меня перехватило, лица людей, смотревших на меня, слились, как будто я стояла на сцене в театре. Было невыносимо слушать, как кричат другие, но крикнуть самой было выше моих сил. И, тем не менее, я встала, почти не ощущая пола под ногами. Взяла в руки бокал, откашлялась. Голос у меня тихий от природы, а расстояние до их конца стола было приличное, мне и в нормальном состоянии было бы трудно говорить, чтобы меня слышали.

Мне показалось, в лёгких у меня вода, и я тону. Голова противно закружилась, я почувствовала тошноту, во рту появился привкус крови. Я глубоко вздохнула и пискнула:

– Горько!

Меня подхватили, но Таркан всё ещё смотрел на меня, не поворачиваясь к невесте, которая тянула его за рукав.

– Я что-то плохо слышу, Авдотья, – сказал он. – У тебя очень тихий голос. Не отрывая от меня взгляда, он обнял Лялю одной рукой. – Тебе придётся повторить.

Любовь, которая раньше заполняла каждую клеточку моего тела, вытеснила боль. У меня слезились глаза, саднило горло, дрожали коленки. Максим сжал мою повисшую руку. Я вырвалась из бездны глаз Таркана и увидела ободряющее лицо Максима. Улыбнулась ему, вспомнила маман, которая зажигает на свадьбах и не своим, каким-то чужим голосом, но вполне приличной громкости с нейтральным оттенком, крикнула: «Горько!»

Села, уткнулась в тарелку с остатками еды, чтобы не видеть поцелуя. Во рту у меня пересохло, мне казалось, что не смогу проглотить даже воды.

Вокруг веселилась свадьба.

– Хочешь, уедем? – спросил Максим через некоторое время моего оцепенения.

– Хочу, но это будет неприлично. Я приехала с бабушкой и с ней уеду. Просто я очень стеснительная на публике, – попыталась я выкрутиться. – Когда на меня все так смотрят, я чуть сознание не теряю. Вот и профессию себе выбрала, чтобы тихо сидеть за компьютером.

– У меня тоже так было в детстве. Мать в магазин посылала, а я ходил вокруг прилавка и боялся подойти к продавщице, – Максим начал рассказывать забавный случай. Я его не слушала, но была благодарна, что могу сидеть и смотреть на него, как ни в чём ни бывало. Словно я как все, развлекаюсь. – Вдруг музыка стала громче, а один из музыкантов, запел. Уставшие сидеть парочки потянулись на танцпол. – Ты обещала мне первый танец? – спросил Максим, прервав свой рассказ.

– Только приведу себя в порядок, – я решила, что прошло уже достаточно времени, чтобы мой поход в туалет не выглядел бегством.

Я пробралась среди пустующих столиков – на свадьбу сняли весь ресторан – в помещение. Здесь было прохладно и почти не слышно музыки. Поймала официантку, она показала, где туалет. Я заперла за собой дверь, привалилась к ней спиной и закрыла глаза. Последняя выходка меня вымотала, да и чувствовала я себя неважно. Какая-то слабость, словно заболела. Стояла, стараясь ни о чём не думать. Опять потерялась во времени, даже в зеркало не взглянула. Всё как-то стало наплевать.

В дверь постучали. Я опомнилась, сполоснула руки. Достала из сумочки помаду и подкрасила губы.

Ну, кому здесь не терпится?! Я распахнула дверь и чуть не сбила Таркана. Кроме него, похоже, стучать было некому.

– Я уже собрался дверь выламывать, думал тебе опять плохо. Ты выглядишь бледной.

– Не волнуйся, я больше не собираюсь портить твою свадьбу. Там это получилось случайно.

– Плохая примета.

– Извини.

Он отмахнулся, словно его это не волновало и вдруг крепко схватил меня за руку:

– Ты зачем на моих глазах с рыжим кокетничаешь? Потерпеть не могла? Чего ты, вообще, добиваешься?! Хочешь, чтобы я всё бросил ради тебя?! Да?! Так я готов! Давай, побежали!

– он приблизился ко мне, словно собираясь схватить на руки. Я поняла, что он сильно пьян.

– Ты же ведь любишь меня, белочка.

– Отпусти! – я попыталась выдернуть руку, но он схватил меня за талию и прижался к моим губам. – Сладкая такая. – Я продолжала вырываться, чувствуя, что в любую минуту сюда могут войти и увидеть прекрасную сцену. – Но Таркан отпустил меня сам, почти бросил, я даже покачнулась на каблуках. – Ладно, я сдержу слово и стану примерным мужем. А ты будь счастлива с рыжим.

Он хлопнул дверью туалета, а я вылетела из помещения и побежала к водопадам. По щекам текли слёзы, из груди вырывались хрипы. Как же больно. Как больно.

И всё-таки мне пришлось вернуться. Таркан танцевал с женой, вокруг вальсировали гости, и только Максим одиноко сидел во главе стола с бокалом шампанского в руке.

– Ну как ты? – спросил он.

– Знаешь, видимо, что-то съела не то или выпила много. Там так хорошо, прохладно.

– Тебе он нравится, – сказал Максим.

– Ты о чём?!

– Я о женихе. Ты влюблена в него, это видно. Он обманул тебя, не сказал, что женится, да? Вы встречались?

– Нет, он сказал, что женится, – призналась я, не в силах отрицать остальное, изо всех сил, хлопая ресницами, чтобы снова не расплакаться. – Пойдём лучше, потанцуем.

– Но он женился, а я готов... готов... – Максим смутился так и не сказав, что же он готов сделать.

– Всё в порядке. Просто мне нужно время. Сегодня не самый лучший мой день.

– Я буду ждать, – он протянул мне руку, и мы вышли из-за стола и присоединились к танцующим.

Этот день казался самым длинным в моей жизни и когда, наконец, гости начали расходиться, к нам подъехала Ника.

Я познакомила её с Максимом. Ника задержала его руку в своей.

– Заходите к нам как-нибудь. У Авдотьи здесь нет друзей, – улыбнувшись Максиму, она повернулась ко мне: – Николай уже приехал за нами. Можем и Максима подвезти.

– Было бы чудесно, – обрадовался он.

Ника наклонилась ко мне:

– Пойду ещё раз поздравлю молодых. Вы можете идти к машине.

Я встала. Неужели я выдержала этот день?

– Пожалуй, я тоже пойду, попрощаюсь, – сказал Максим.

Не думаю, что кому-нибудь нужно моё поздравление, пробормотала я, поднимаясь навстречу Николаю. Уже совсем скоро я смогу остаться одна.

Когда мы попали домой, и за Николаем закрылась дверь, Ника заметила:

– Ты молодец. Всё вышло по плану.

Я упала на диван и спрятала лицо в коленях. Никакой Скарлетт из меня не вышло, мне просто повезло, что там оказался Максим.

Глава 13

Я была уверена, что напьюсь после свадьбы, чтобы заглушить боль и вырубиться, но вернулась настолько измученная, что выпила лишь бокал вина с Никой и еле добралась до кровати. Проснулась рано: неутомимое солнце уже проглядывало сквозь шторы. Уж лучше бы шёл дождь и плакал вместе со мной. Боль навалилась с новой силой. Вспомнилась Мария. Жить, конечно, можно, но зачем? Ну и к тому же сегодня ещё было воскресенье: никаких звонков по работе, что где-то поломалась программа, не будет. Никто не придёт и не спасёт меня от депрессии. Хотя сегодня я могу взять билет на самолёт и уже вечером, а, может, даже днём, буду далеко от Таркана и мне, возможно, станет легче. К тому же я ужасно соскучилась по маман, да и с Виктором теперь будет о чём потолковать. Пройдусь по бульварам, куплю самые дорогие босоножки и новую короткую юбку. А в понедельник заявлюсь на работу. Все умрут от зависти от моего загара. Эти мысли заставили меня скатиться с кровати и умыться. Потом я включила ноутбук, подоткнула подушку и начала искать билеты. Посмотрела на часы. Было ещё только восемь, а это, значит, что я вполне могу взять билет на два часа. Регистрация потребовала цифры в паспорте, и я выудила из

шкафа сумку, с которой прилетела. Паспорта в кармашке не оказалось. Я начала вспоминать, куда могла его подевать. Паспорт в Сочи не доставала, да и с этой сумкой никуда не ходила. Только кредитную карточку и телефон оттуда вытащила. Так куда же делся паспорт? На всякий случай проверила карманы и даже пляжную сумку. Паспорта не было. Я похолодела. Даже мысль о том, что кто-то может набрать кредитов на моё имя, показалась не такой ужасной, как то, что сегодня я не могу сделать ручкой этому городу. От злости я швырнула сумку на пол и там же уселась, прислонившись к кровати спиной. Ну да, бедная несчастная девочка осталась пленницей города. Все хотят в Сочи, а я хочу отсюда. С кем бы поменяться?! Я вскочила и перерыла вещи. Перетрясла каждую по отдельности. Вывалила всё на пол. Паспорта не было. Ноутбук пропиликал мелодией, гася бесполезный экран с вожделенным билетом. Видимо, я посеяла паспорт где-то в аэропорту, когда проходила регистрацию или его украла. И тогда я заорала громко и в голос: а-а-а! Я даже не знала, что могу так орать. Кажется, ещё вчера для меня было проблемой крикнуть «Горько!»

В коридоре послышалось топанье, Николай распахнул дверь. Растрёпанный, голый до пояса, в коротких шортах.

– Что случилось? – он оглядывал комнату с разбросанными вещами и меня на полу в короткой ночной рубашке на тонких лямках.

И тут я разрыдалась. Николай что-то пробормотал. Убежал и вернулся с Никой на руках, которую посадил в кресло напротив.

– Авдотья, – она наклонилась ко мне. – Что случилось? Кто всё это раскидал?

Я шмыгнула носом и вытерла слёзы.

– Я потеряла паспорт, – они оба одновременно выдохнули.

– Ну и что здесь такого?! У меня есть знакомый в полиции. Полковник. Он мне не откажет. Сделаем новый.

– Но сегодня я не смогу улететь домой, – я всхлипнула. – Не погуляю по бульварам, не куплю туфли. – Николай смотрел на меня, как на сумасшедшую.

– Девочка моя, но ты здесь можешь купить туфли и погулять по набережной вместо бульваров, – осторожно сказала Ника. – Хочешь, прямо после завтрака и поедem по магазинам.

– Вы не понимаете, – вздохнула я. – Я не могу здесь находиться. Не могу видеть солнце и море. Тяжело, когда столько света, а на душе так погано, – я чувствовала, что по моим щекам текут слёзы, но вытирать их мне не хотелось. Потеря паспорта стала последней каплей, которая привела к взрыву. Если бы только мне удалось сегодня улететь, я осталась бы в Никиной памяти сильной.

Ника сделала знак Николаю: тот ретировался из комнаты, хотя, мне он совершенно не мешал. Я дошла до такого предела отчаяния, что мне было всё равно, кто на меня смотрит.

– Я теперь понимаю, почему Мария сидела на стуле и не хотела никуда идти. Сил нет, тут, – я прижала руку к сердцу – всё болит. Я тоже никуда не пойду. Даже шторы не открою. Не могу видеть этот праздник.

– Так-так, – спокойно проговорила Ника. – А я вот думала: ты не сломаешься. Ты же осуждала Марию, говорила, что ей надо было пойти на набережную и найти кого-то, якобы это поможет забыть ей любимого. А у тебя-то всё ещё лучше.

– Что у меня лучше?

– У тебя даже свидание назначено с Максимом. Вот иди, забывай. Что в этом городе мало девиц, которые проливали слёзы по Таркану? Хочешь умножить их число?

Я даже не заметила, как слёзы высохли. Стыдно стало за крик свой и за беспорядок, который устроила. Не помню, чтобы когда-то я так распустилась.

– Но я всего лишь хотела уехать, – тихо сказала я. – В Москве мне стало бы легче.

– Не стало бы, – со знанием дела отсекла Ника. – Все наши беды переезжают с нами. И, вообще, сбегать к маме последнее дело. Ты не маленькая. На тебя вся надежда рода. – У меня даже подбородок приподнялся от таких слов. – И, пожалуйста, сделай одну вещь для меня.

– Что?

– Открой шторы, терпеть не могу эту больничную обстановку.

– Но я... не хочу видеть солнце.

– Пожалуйста, – голубые глаза Ники смотрели на меня с надеждой. Мне опять стало стыдно за себя. Прошлёпала босиком, открыла шторы и начала собирать вещи с пола. В комнату заглянул Николай. На подносе две чашки кофе.

– Я завтрак готовлю, – деловито сообщил он, переступив через мои вещи на полу. – Через десять минут вернусь за вами.

Оттуда, где я сидела, мне было видно два голубых кусочка: моря и неба. Я не могла решить, какой цвет ярче. Мы молча выпили кофе, потом я снова стала собирать вещи. Ника сидела на кресле, глядя вдаль.

– Думаешь, я не страдала, когда он меня бросил? – вдруг сказала Ника. Я выронила майку и повернулась к ней. – К тому же я потеряла способность двигаться. И всё это из-за глупой бравады. Что стоило мне поехать на пикник, а не демонстрировать молодому любовнику, что я ещё ого-го? Думала, это сойдёт мне с рук, – усмехнулась Ника. – Любовь подарила крылья: мне хотелось взлететь. Взлетела, да ненадолго. Были мысли: руки на себя наложить. Жизнь-то моя уже всё равно близилась к концу. Так зачем проводить её остаток в коляске? А потом меня вынесли на балкон, и я посмотрела на море, солнце, любимый сад. Вдруг мне захотелось, хотя бы ползком спуститься, чтобы понюхать розы. Сначала решила, что вполне смогу обойтись своим мирком: дом и сад, так стеснялась своей болезни. Новость, что

семидесятилетняя бабка полетела на парашуте и осталась калекой, вызвала шквал эмоций у знакомых. Так что пока я отсиживалась, мне славно перемыли кости. Ну а потом я снова решила шокировать их, только уже силой духа. Пусть в коляске, но я буду радоваться жизни больше, чем вы все, решила я. В тот год я освоила компьютер и завела друзей по всему миру. Мы поддерживали друг друга. Некоторые даже приезжали ко мне в гости. Был один мужчина, – губы Ники без привычной мне яркой помады сложились в улыбку. – Он тоже был в коляске. Мы с ним катались по набережной и плевали на всех. Он здорово поднял мне настроение. После его отъезда я стала и одна выезжать. Люди привыкли, забыли о моей глупости и о том, что меня бросили. Они запомнили, что я, несмотря ни на что, всегда в хорошем настроении.

Чёрт, я тоже так хочу. Да, вчера мой любимый женился, но я здорова и могу на своих ногах пойти на свидание, как собиралась. И не буду сидеть в комнате со спущенными шторами.

– Я пойду, – уверенно сказала я. – Ника вопросительно подняла брови. – На свидание с Максимом.

– Вот и молодчина. Где там Николай? Пора, однако, и позавтракать.

Это было странно, но я опять чувствовала тот же зверский голод, что и вчера на свадьбе. Навернула несколько бутербродов с колбасой и съела яичницу. Стало легче, даже решила на море сходить. Решила, что могу сегодня отдохнуть, а вот уж завтра, как положено в понедельник, начну новую жизнь. Буду бегать по утрам.

По дороге на пляж позвонил отец.

– Ну ты как?

Я вкратце рассказала новости, умолчав про обморок.

– Голос у тебя бодрый, это радует. Обидно было бы, если бы ты из-за этого Казановы расстроилась. Вот пусть жене своей настроение портит.

– Слушай, мне тут в голову идея пришла: бегать по утрам. Составишь компанию?

– Давай, а то я что-то в весе прибавил, надо скинуть, – согласился отец. Похоже, родители у меня сумасшедшие в этом вопросе: даже познакомились на спортивной площадке. Надеюсь, я в их возрасте так же буду выглядеть. – Только вставать надо пораньше, а то нас солнечный удар хватит. Часиков в семь. Готова?

– Позвонишь завтра вместо будильника?

– Позвоню, – отец рассмеялся. – Ладно, надо идти. Отдыхающих прибавилось и дел вместе с ними.

Маман бы с ума сошла, если бы узнала, что мы будем вместе бегать. Ну хоть одна моя мечта сбылась.

Перед свиданием я прилегла. Настроение у меня после Никиного внушения и пляжа было спокойно-равнодушное. С большим удовольствием я бы осталась дома, но не хотелось обижать Максима. К тому же в одиночестве я могла опять погрузиться в волны депрессии, а красивое платье и выход в люди помогут держаться. Максим уже написал несколько вотсапок: «доброе утро», «как я себя чувствую?» и «куда бы хотела пойти?» Самое печальное, что ни на одну из них я не могла ответить правду. Идти никуда не хотелось, и я предложила Максиму удивить меня. Это слегка подняло настроение: вот пусть теперь он мучается, а я посплю. Поспать не удалось, лежала, слушала аудиокнигу Бориса «Акунина «Любовница смерти» и думала до какого маразма могут дойти люди, собирающиеся умереть без особой на то причины. Даже я об этом и не помышляла. Жизнь даже без любимого всё-таки достаточно сносная вещь. Убедившись, что настало время собираться, я полезла в шкаф. Отмела всё, что одевала при Таркане и, наконец, выудила золотую шёлковую юбку в пол, а к ней чёрный топик с рисунком из стразов. Каблуки надевать не стала: ноги ещё после вчерашнего гудели.

Ника в гостиной смотрела новости. Сделала телевизор потише, оглядела меня с ног до головы.

– Хороший выбор, – одобрила она. – В толпе отдыхающих в шортах, ты будешь отличаться в лучшую сторону. Только вот волосы...

– Что не так? – удивилась я, потрогав свои вымытые и тщательно расчёсанные локоны.

– Вчера поняла: у тебя такое лицо, что с причёской выглядишь аристократкой. А уж к этому наряду и давно распущенные волосы не идут.

– Но я не успею, да и не умею.

– погоди-ка, – Ника быстро закрутил колёсики к своей комнате и вернулась, держа в руках несессер. – Пять минут всегда есть у любой девушки даже очень опаздывающей на свидание.

Я присела на стул к ней спиной, и Ника очень быстро соорудила мне ракушку, которая мне очень нравилась. Ника была права, теперь я действительно чувствовала себя леди. Длинная юбка, причёска, открытые плечи. Поцеловала Нику в щёку и вышла на набережную, где мы договорились встретиться. Максим выглядел принаряженным. Рыжие волосы уложены с помощью геля, белая рубашка с открытым воротом, свободные брюки в складку и кожаные мокасины. В руках кремовые розы без упаковки.

– Не помню, когда мне дарили в последний раз цветы, – честно призналась я, чуть не прикусив себе язык и от смущения зарылась носом в бархатные лепестки. Проплывающие мимо нас полуголые отдыхающие поглядывали с удивлением. Оторвавшись от цветов, я взглянула на Максима. – Пожалуй, мне лучше их поставить в воду. Подождёшь?

– Конечно, – он облокотился на парапет, глядя на бурлящую внизу обмелевшую речушку.

Ника только языком прищёлкнула.

– Хорошее начало. Такой букет достоин китайской вазы. Ты беги, я сама поставлю. Обожаю розы именно такого оттенка.

Пока шла обратно, констатировала факт, что Таркан мне не подарил ни цветка. Я вздёрнула нос. Взяла Максима под руку.

– У нас есть план?

– Нет, – Максим сморщил веснушчатый нос. – Для начала я вызвал такси. Ага, вот оно. Поедем в центр, выйдем там, где понравится.

– Хорошо, – согласилась я, несколько разочарованная, что он так ничего и не придумал. Хотя о чём я думала? Что он предложит полетать на воздушном шаре? Или на парашуте? – Я взглянула на кольцо. Не стоит женщинам нашего рода искушать судьбу.

Мы вышли у мор порта и отправились смотреть на пришвартованные яхты, отбиваясь от приглашений «прокатиться с ветерком».

– А что, это неплохая мысль, как думаешь? – спросил Максим, глядя на большой теплоход.
– Прокатимся до Дагомыса, выпьем на борту шампанского. Может, у них есть икра? Моё любимое сочетание.

– Мне нравится, – улыбнулась я. Максим купил билеты на теплоход. Как только я уселась на ещё тёплом, но уже негорячем солнышке, глядя на море, тут же подумала: как я могла ещё утром уехать отсюда? – Знаешь, ещё сегодня утром я хотела улететь в Москву. – Максим внимательно посмотрел на меня.

– Не думай, что тебе удалось бы сорвать наше свидание. Я бы вылетел вслед за тобой. Самолёты летают каждый час.

– Неужели для тебя это так важно? – удивилась я, польщённая его словами.

– Да, – Максим взял мою руку, ту, на которой было кольцо Марии, и поднёс к губам. – Просто дай мне время. Это всё, о чём я прошу.

И ты исчезнешь так же, как и остальные мужчины из моей жизни, а я привыкну к розам и своей нужности. Видимо, на моём лице что-то промелькнуло, потому что Максим добавил:

– У нас всё будет по-другому, когда ты... – он как-то горько усмехнулся и не закончил фразу.
– Обещаю, что буду бережно обращаться с тобой и не торопить.

Этой своей фразой, он заставил меня поверить, что в этот раз мне может и повезёт. Меня не сразу потащат в постель на несколько убойных недель, чтобы потом бросить, а будут заглядывать в глазки и ухаживать. Да и, вообще, если не делать глупостей, может, и моя жизнь изменилась? Ведь наладились отношения с мужчинами у маман и Ники. И ещё почему я всё ещё должна остаться в этом городе? Может, для того, чтобы мы лучше узнали друг друга?! Я прислушалась к ощущениям. Конечно, в животе не порхало никаких бабочек, но прикосновения Максима мне были приятны, и это дарило надежду, что когда-нибудь моё

тело забудет объятия Таркана, и я смогу испытать радость отношений с другим. Маман говорила, что есть разница, когда мужчина и женщина занимаются сексом. Один обладает, а другой отдаёт. Это заложено в природе. Так и сейчас: я отдала так много, что меня почти не осталось для меня самой. К тому же прибавьте весь негативный опыт прошлой жизни. В общем, мне ещё отдыхать и отдыхать.

– Меня устраивает, – сказала я некоторым опозданием, но Максим отлично понял, о чём я.

– Знаешь, с тобой я не хочу, даже боюсь, поторопиться. Всё свершится в назначенное судьбой время.

– О, да ты мистик.

– Да, увлекался, но не привлекался, – улыбнулся Максим. – Но я верю в то, что каждая встреча в нашей жизни не случайна. Пока мне достаточно того, что ты появилась. А то, что мы встретились вчера – Максим тактично умолчал о свадьбе – явилось для меня определённым знаком судьбы.

– Ты помог мне, – быстро сказала я и снова пожалела о своих словах. На самом деле он меня просто спас. Что делала бы я в толпе незнакомых гостей, если бы он не отвлекал и не опекал меня?

– А ты меня спасла, – улыбнулся Максим и вдруг сказал: – Что делал бы я в толпе незнакомых пьяных гостей?

– Это именно то, что я подумала, – мы расхохотались. – Не будем больше об этом, – сказала я, почувствовав, что в такт моим словам теплоход тронулся, чтобы забрать нас из прошлого. Всё-таки моя мечта уехать из Сочи, исполнится, пусть и не так, как я хотела. Пусть ненадолго, всего на час, нас ждал Дагомыс.

К моменту встречи с новым южным городом, мы успели выпить по два бокала шампанского и пребывали в расслабленном настроении, в котором, как обычно хочется чего-нибудь особенного. Не возвращаться в толпе отдыхающих, а просто сойти на берег. Пока я, щурясь от солнца, обдумывала эту мысль, Максим будничным тоном спросил:

– Была в Дагомысе?

– Никогда. Я и в Сочи первый раз.

– Хм, – он удивлённо посмотрел на меня. – Как так получилось?

– Предпочитаю южное полушарие.

Он кивнул, как мне показалось с облегчением. Видимо, не улыбалась ему мысль, общаться с девушкой, которая нигде не была.

– А давай сойдём на берег? – он снял солнцезащитные очки. Минутку мы проверяли друг на друга на «слабо».

– Я как раз об этом думала, а то уеду в Москву и так не узнаю, что за город такой.

– Это совершенно невозможно допустить.

Мне вдруг стало легко и весело, я ухватила за его локоть, и мы прошли по палубе. Оказалось, что стоянки не предусмотрено.

– Но мы должны выйти, раз решили, – заявила я, чувствуя, как бесшабашное веселье пусть ненадолго, овладевает мной. – Ты можешь сказать, что мне плохо, а я изображу обморок, – Максим расширил глаза. – Давай, падай, а я на руках поднесу тебя к капитану. Он не откажет. – Хотя, подожди. Может, мне удастся договориться. А ты садись на скамейку и обмахивайся веером, как будто тебе плохо.

Можно подумать, у меня был веер?! Но я нашла забытую кем-то газету и облокотилась на столик, прикрыв глаза, пока Максим ушёл. Голова у меня слегка кружилась, то ли от качки, то ли от шампанского. Я вспомнила, что ещё и не обедала. В общем, когда ко мне подошёл Максим с мужчиной в форме, я выглядела, как надо.

– Девушка, вам действительно плохо? Может, принести какую-нибудь таблетку из аптечки? У нас стоянка не предусмотрена.

– Ну так предусмотрите, – сказала я. – Неужели никому не бывает плохо от морской болезни.

– Бывает, но волны совсем маленькие.

Я обмахнулась газетой.

– Послушайте, даже самолёты разворачивают, если жизни пассажира угрожает опасность. А я к тому же беременна, – сама не знаю, зачем я так соврала.

– Хм, ладно, обсудим с капитаном. Будьте здесь, я сейчас вернусь.

– Я вошла в роль, – шепнула я Максиму, у которого от моего заявления лицо вытянулось.

– А ты уверена, что ты не... На свадьбе в обморок упала.

– О, не беспокойся, это исключено.

– Я тоже вошёл в роль и сказал, что ты моя жена. Ты не против ей побыть?

В итоге нас всё-таки высадили. К тому моменту я успела протрезветь, и мне стало стыдно за переполох, который мы устроили. Им пришлось искать место, чтобы пришвартоваться, а по радио объявили, что поскольку одному пассажиру стало плохо, капитан решил сделать остановку. Так мы и сошли. Максим поддерживал меня под локоть, я склонилась на его плечо.

Оказавшись на безопасном расстоянии от теплохода, я выдохнула:

– Уф, не думала, что это будет так сложно.

– Но мы сделали это. И что теперь?

– Если честно, я умираю с голода, – заявила я. – А после можно ознакомиться с городом.

Пока мы пробирались мимо киосков с сувенирами и пляжными принадлежностями, отыскивая местечко поприличнее, поднялся ветер. Куда-то скрылось солнце, и голубое небо вмиг затянула тёмно-серая пелена с быстро бегущими облаками. Лоточники начали собирать товар, люди спешили с пляжа.

– Кажется, начинается буря, – Максим остановился, глядя на небо. Я последовала его примеру. В топике стало холодно. Я обняла себя за плечи, жалея, что не захватила платок.

– Холодно? – спросил Максим. – Может, мы зря всё это затеяли?

– На борту было бы не лучше, – заметила я.

Дождь начинается по-разному, но сегодня первую медленную часть пропустили, полило сразу, не оставив ни клочка сухой одежды. Мы приютились под навесом, под который тоже заливала вода. Вода прибавлялась и на земле, ветер усиливался, шаткие конструкции павильонов и ларьков стонали. Под навес забились другие отдыхающие, и все мы с ужасом наблюдали, как с соседнего павильона сорвало кусок крыши и понесло по улице вместе с мусором. Максим обнял меня. Я повернулась к нему:

– Кажется, наша прогулка удалась, – он попытался улыбнуться. Новый порыв ветра так колыхнул наш навес, что мы выбежали прямо под потоки воды. Кажется, никогда в жизни я не попадала в подобную передрыгу. Было ужасно холодно, ноги застревали в мусоре, какой-то жиже вместе с моей длинной юбкой. К счастью, я не надела каблуки. Наверно, это расплата за мою ложь, думала я, чувствуя, как облепившая ноги юбка затягивает меня в воду. Максим шёл немного впереди, держа меня за руку. Вдруг я увидела неподалёку от нас девочку лет пяти. Её длинные волосы болтались мокрыми прядками. И тут я увидела, что прямо на неё летит большой тент. Я не успела крикнуть, только почувствовала, как Максим бросил мою руку и рванулся вперёд. Он успел вытащить ребёнка, а зонт, ударив его, понёсся дальше.

Я подбежала к ним. Он морщился от боли, всё ещё держа девочку.

– Тебе больно?

– Кажется, это только ушиб. Зато она жива, – он показал на девчушку, которая плакала.

– Не плачь, всё уже позади, – я наклонилась над ней. – Ты с кем была?

– С мамой. Она куда-то ушла, а мне сказала сидеть на месте, а потом начался дождь. И волны. Я испугалась и побежала её искать.

– Мы найдём твою маму, – сказала я, как можно увереннее. Интересно, о чём думают родители, оставляя ребёнка одного. Хорошо, если эта мамаша не пошла купаться.

Я взяла девочку за руку, Максим растёр ушибленное плечо, и мы побрели дальше. Это было какое-то удивительное место, состоящее из летних построек, которые рвал ветер, словно это были бумажки. Вокруг, уворачиваясь от обломков, брели люди. Некоторые пытались удержать над головой пляжный зонт, от чего их шатало, кто-то укрывался полотенцами. Наконец мы выбрались на дорогу, на которой почти не было машин. Одну машину смыло потоком, и она плыла подобно кораблику.

– Смотрите! Машина плывёт! – закричала девочка. – Вот это да.

Кажется, подобное я видела только в кино. Ливень и не собирался заканчиваться. Я чувствовала, как дрожит маленькая ладошка в моей руке. Мне было ужасно холодно, но мы шли вперёд, и, наконец, добрались до вполне приличного трехэтажного здания. На козырьке первого этажа висела покосившаяся надпись «Ресторан Дары моря». У входа под козырьком толпились люди, мы прошли внутрь. Похоже, цены здесь были заоблачные: даже в такую непогоду за столиками с белыми скатертями сидели лишь несколько человек.

Мы остановились у входа, отряхиваясь, словно бродячие собаки.

– Желаете поужинать? – осведомился официант в бабочке.

– Ну, если вы пустите нас в таком виде, – сказал Максим, снова растирая плечо и морщась от боли.

– Мы можем принести вам пледы, чтобы вы не простудились, – сочувственно сказал он.

– Будет здорово, – улыбнулась я.

Мы прошлёпали по паркету, оставляя мокрые следы.

– Столик у окна? – осведомился официант.

– Где теплее, – пробормотала я, чувствуя, что в помещении, как назло ещё и кондиционер работает.

Мы выбрали столик с диванчиком, на который уселись. С волос на спину катились капли холодной воды, но я не могла заставить себя сдвинуться с места. Только когда нам принесли плед, и я закуталась в него, почувствовала себя лучше. Мы заказали по сто грамм коньяку и горячий чай для девочки. Наверно, самым большим удовольствием для меня было бы снять длинную мокрую юбку, но я ограничилась тем, что подняла её повыше.

– Мы даже не знаем, как тебя зовут, – сказал Максим девочке.

– Лана. Вы купите мне поесть? Я сегодня на пляже только булочку съела и кукурузу.

– Конечно, – Максим уткнулся в меню. – Что бы ты хотела? Читать умеешь? Впрочем, тут есть картинки, – он отдал ей меню и поднял бокал. – Ну что, Авдотья, выпьем за наше романтическое свидание?

– О да, – я чокнулась с ним. – Свидание удалось. У нас даже есть ребёнок.

– Ну на теплоходе, ты сказала, что беременна...

– И с тех пор прошло... Лана, сколько тебе лет?

Девочка подняла голубые глазёнки.

– Пять.

– Ну вот, с тех пор прошло пять лет.

– И мы успели пожениться и завести ребёнка, – подхватил игру Максим. – Время идёт очень быстро, не так ли?

Я улыбнулась, подумав, что всё выглядело так, словно нам показывали наше будущее. Может, так оно и будет? Только тут я поняла, что за всё это время, как мы сошли с корабля, я ни разу не подумала о Таркане. Эта буря, холод, неизвестно откуда свалившийся ребёнок, сразу привели меня в чувство. Вчерашняя свадьба отдалилась, оставив привкус горечи, но сейчас мне было хорошо в тёплом пледе с лёгким приятным головокружением от коньяка и поднимавшимся изнутри теплом.

Глава 14

– А я хочу шашлык, – вернула нас из задумчивости Лана, которая с любопытством изучала меню, высунув розовый язычок.

– Согласен с твоим выбором, – в тон ей заметил Максим и вопросительно взглянул на меня. Его загорелая кожа порозовела, и сейчас он выглядел очень даже симпатично, несмотря на нелепый плед в голубую и розовую клетку.

– Ну как тут не вспомнить, что шашлычок под коньячок вкусно очень, – процитировала я.

– И картошки, – попросила Лана.

Я снова взглянула на доставшегося нам ребенка. Сползший плед открывал тоненькую ручку, а осунувшееся личико, несмотря на загар, казалось бледным. Странно, что она вовсе не вспоминала о маме.

– Ещё солёных огурчиков. Дай-ка мне меню, – Максим пролистал страницы. – Так: соленья, тарелку свежих овощей, зелень, запечённые баклажаны и ещё коньячку, да? – он шаловливо посмотрел на меня. – Бутылочку или повторим?

– Бутылочку, – усмехнулась я, – глядя на бушевавшую за окном стихию. – Похоже, мы тут надолго.

– Вы тоже пьёте? – вдруг спросила Лана, и мы переглянулись под её осуждающим недетским взглядом.

– А кто ещё пьёт? – поинтересовался Максим, положив ей руку на плечико.

– Мама. Так тетя Марина говорит, когда меня домой забирает.

Подошёл официант, Максим огласил наш заказ. Мне даже показалось, что упоминая алкоголь, он слегка смутился.

– Можно мне колу? – напомнила о себе Лана. – И мороженое.

– Мороженое? – удивился официант. – Может, лучше пирожное?

Лана покачала головой и скинула плед.

– Пожалуйста, я уже совсем согрелась.

И тут я заметила, что платье у неё было грязненькое, словно его неделю не стирали, а из круглого выреза торчала шейка, как у цыплёнка.

– Хорошо, только укройся, – я закутала её пледом, испытывая неведомое мне раньше чувство, обнять это брошенное, похоже, никому ненужное существо.

Когда официант ушел, Максим подсел к Лане поближе.

– Откуда ты?

Лана взглянула на него и покачала головой.

– Ты приехала сюда отдыхать или ты живешь в Дагомысе?

– Где? – захлопала глазёнками Лана.

Мы переглянулись. Официант принялся накрывать на стол. Лана жадно схватила кусок мяса и засунула в рот. Хищно мелькнули остренёкие зубки, она потянулась за вторым куском, даже не прожевав первый.

Официант посмотрел на Лану. Потом на нас. На лице промелькнуло удивление. Наверно, подумал: сможем ли мы оплатить счет. Его рука замерла над крышкой бутылки.

– Извините, а не могли бы вы оплатить то, что заказали? У нас так принято.

Максим полез в карман. Я вытащила золотую карточку, но Максим жестом показал, чтобы я её убрала. Официант смутился, продолжая шарить взглядом по нас троим.

– А теперь, когда сомнения исчезли, может, вы всё же нальёте, – я постучала пальцем по бокалу.

Он поспешно откупорил бутылку, я демонстративно встала и направилась в туалет. Официант догнал меня.

– Простите, но у нас столько случаев было... А ваша дочь...

– Она не наша дочь. Мы выбрали её, она потерялась. Решили заодно и покормить.

– Простите ещё раз. Мороженое за счет заведения.

Я не удостоила его ответом, прошествовала в туалет, дурацкая юбка и не думала сохнуть, липла к ногам, заставляя останавливаться и отдирать её, чтобы передвигать ноги. В туалете я распустила волосы и немного подсушила их с помощью сушилки для рук. Расчесалась, нанесла блеск на губы, расправила плед на плечах. Если бы можно было снять юбку.

Наевшись, Лана устроилась на диванчике рядом со мной. Глаза у неё закрывались. Она положила мне голову на коленки и, сонно моргая, спросила:

– Вы меня не бросите?

– Нет, – пообещала я.

– Дождь прекратится, и мы найдем твою маму, – сказал Максим, укрывая её своим пледом.

– Мама меня не любит, – сказала она, и пока мы приходили в себя от такого заявления, засопела.

Максим налил нам коньяку, мы чокнулись без тоста.

– Что нам теперь делать? – спросила я, чувствуя тепло от её головки на своих коленях.

– Не знаю, наверно, надо позвонить в полицию.

– Позвоню Нике, у неё там знакомые, – я вытащила телефон, но обнаружила, что связи нет.

– Тоже самое, – заявил Максим, проделав несколько манипуляций с экраном.

Оказалось, что связи не было и в ресторане. Максим прогулялся к окну и вернулся с обречённым видом. Дождь и не думал заканчиваться. Официант спросил, не надо ли нам чего-нибудь ещё и посмотрел на Лану, устроившуюся у меня на коленках. Я зевнула.

– У нас остался один номер, если вы хотите...

– Хотим, – быстро сказала я, подумав, что там я смогу снять мокрую одежду и завернуться в простыню.

– Там двуспальная кровать и диванчик.

– Отлично, – обрадовался Максим и вытащил карту.

До номера он донёс Ладу на руках. Положил на кровать. Я приняла душ, выстирала грязную юбку и бельё.

Завернувшись в полотенце, ширины которого хватило лишь, чтобы прикрыть грудь и попу, вышла из ванной. Максим, раздевшись, до пояса, пытался настроить телевизор, но, увидев меня, замер.

– Извини, что я в таком виде, но одежда сохнет.

Он подошёл ко мне.

– Ты такая красивая.

Я прислушивалась к себе. Внутри пустота. Взгляд упал на распухшую руку Максима. Осторожно дотронулась.

– Очень болит?

Он закрыл глаза.

– Так легче. От твоего тепла. К тому же анестезия действует.

Я поспешно убрала руку.

– Может, тут есть аптечка?

Максим нежно провел руками по моим плечам.

– Если мини-бар можно считать аптечкой...

– Можно, – я воспользовалась его словами, чтобы отойти.

Максим скрылся в ванной. Я нашла две маленькие бутылочки виски и две банки пива. Выставила на журнальный столик. Из ванной доносилось журчание воды, раскинувшись на широкой кровати, посапывала Лана. Мне снова показалось, что мы женаты, и Максим принимает душ, чтобы заняться со мной любовью.

Неожиданно я почувствовала, что хочу этого. Ни этого мужчину, а просто секса. Я зашла в ванную. Максим уже вытирался. Розовая распаренная кожа, удивлённые глаза. Я повела плечом, сделав незаметное движение рукой сзади, голубой прямоугольник упал на пол. Я шагнула к нему и прижалась к губам. Его руки висели вдоль туловища, и только губы жадно ответили на поцелуй. Он вздохнул и отстранил меня.

– Ты же просила не спешить....

– Это было давно. Просто сделай это, – я снова прижалась к нему, уже спиной. Его руки, наконец, ожили, я заперла дверь. Будущее, прошлое исчезло. Мы были мужчиной и женщиной, которые не знают, есть ли у них завтра. Возможно, это неправильно и пережитое бедствие было слишком крохотным, чтобы испугаться до такой степени, чтобы творить безумства, но я всю жизнь шла на поводу даже не чувств, а желаний тела, прикрываясь причиной своего одиночества.

Позже, когда мы устроились за столиком, мешая пиво с вискарём от смущения, мне не хотелось думать: было ли это ошибкой или, наоборот, могло вытеснить Таркана из головы. Я словно переместилась в другой мир, где не могла встретить его. Даже боль осталась в прошлом.

Лана застонала и повернулась, скинув одеяло.

– Нас не обвинят в киднепинге? – спросила я.

– Завтра с утра надо ехать в полицию.

– Если перестанет дождь, – лениво сказала я. – Не думаю, что её кто– то хватится. Я встала, чтобы прикрыть девочку одеялом. В глаза бросилось ее замусоленное платице, на которое обратил внимание официант. Я принялась осторожно снимать его.

Лана вздохнула, но перенесла все манипуляции. Я попросила Максима взять её на руки и переложить уже в расстеленную постель. Лана показалась мне слишком худенькой. Поколебавшись, я стянула с неё трусики и укрыла одеялом.

– Пойду, постираю, – объявила я Максиму. Он кивнул.

Неожиданно, когда я оттирала пятна на платье, меня охватило чувство грусти. Мне никогда не придётся стирать детские трогательные вещички. Разве что я решусь усыновить малыша, хотя до сегодняшнего дня это не входило в мои планы. Я была уверена, что дети не волнуют меня, но эта неухоженная девочка разбередила мои чувства. Кто её мать? Опустившаяся пьяньчужка, которая не следит за дочерью? Да и жива ли она, вообще? После такой бури, наверняка, будут жертвы. Что будет с девочкой? Мы так и не выяснили, откуда она приехала?

Может быть утром, она найдёт дорогу домой? Или туда, где они остановились.

Я повесила платье рядом со своими вещами и вышла. Максим повернулся ко мне. Я села рядом с ним. Он взял мою руку и поцеловал.

– Мне нравится, как ты о ней заботишься.

Я положила голову ему на плечо. Мне было хорошо и спокойно. Не хотелось думать ни о чём.

– Мы ещё без связи, – сказал Максим.

– И пусть. Только вот есть захотелось.

– В баре есть солёные орешки. Принести?

– Знаешь, наверно, я лучше прилягу.

– Ты права, лучше выспаться. Попробую устроиться на диванчике.

Я проснулась от взгляда. Повернувшись ко мне и подложив руку под щеку, Лана смотрела на меня очень серьёзно. Я пошевелилась. Голова, конечно, болела, и это не было удивительно.

– С добрым утром, – сказала я Лане. – Как спалось?

Вместо ответа она показала пальцем на Максима, ноги которого свесились с дивана, рот приоткрылся, а чёлка закрыла левый глаз. Он похрапывал. Лана хихикнула, я улыбнулась,

тут же вспомнила вчерашний вечер и вздохнула. Не умею вести себя прилично. Что теперь подумает обо мне Максим?

И всё же мне было хорошо, несмотря на тяжесть в голове. Это подобие семьи мне нравилось. Ещё не хватало привыкнуть и подобно другим жалеть себя, что не могу иметь ребенка. Лана откинула одеяло и вскрикнула:

– Ой, а кто это меня раздел?!

– Я постирала твою одежду. Твоё платье было не очень чистым.

– Я давно в нём хожу, – заявила Лана. – Оно мне надоело. Мама редко мне покупает. Только себе.

– Я могу купить тебе платье, – быстро сказала я.

Её глазёнки сверкнули от радости. Она прижалась, словно котёнок к моей руке. Я погладила её по волосам.

– Я хочу остаться с вами, – заявила она.

– Это невозможно, – я закуталась в простыню и подошла к окну. Светило солнце, по улице сновали люди. Как будто вчерашняя буря нам приснилась. Лана встала рядом, завернувшись по моему примеру в одеяло, которое волочилось по полу.

– Ух ты, солнце. Можно пойти купаться.

– Ты помнишь, где ты живёшь? – спросила я.

– Нет, – Лана покачала головкой. – Я не хочу домой.

– Ладно, давай сначала умоемся и приведём себя в порядок.

– А потом ты купишь мне платье?

– Если ты покажешь дом, где живёшь, – я взяла её за подбородок. – Уверена, ты помнишь дорогу. Твоя мама уже волнуется.

– Мама называет меня спиногрызом, – Лана всхлипнула. – Она меня бьёт и наказывает. А ты добрая. Оставь меня себе. Я буду послушной, – из правого глаза скатилась слезинка, – я вытерла её пальцем, чувствуя, что сейчас расплачусь. Почему Бог даёт детей тому, кому они не нужны. Сколько всего я могла бы дать Лане? Я бы таскала её по секциям, как меня маман в детстве.

И снова незнакомые мне ощущения, которые нахлынули на меня в ванной: маленькое голенькое тельце. Впалый животик. Нежнейшая кожа, которую я тёрла рукой с мылом, вместо мочалки. Да что её, не кормят что ли?!

Одежда, конечно, не высохла и требовала глажки. В номере оказался телефон, я попросила принести утюг.

Я выгладила нашу одежду и рубашку Максима. Старалась не думать, что рубашек мне тоже гладить не приходилось. Заплела Лане красивую косу вокруг головы. Мне нравилось, когда маман меня так причёсывала.

Взглянула на Максима: он ещё спал. Мужчины как дети, подумалось мне, когда, присев рядом, я тихо позвала его по имени. Непонимающий взгляд, потом улыбка и вот уже его руки притягивают меня к себе и нежно целуют.

– Авдотья! – он отпускает меня, заметив Лану за моей спиной.

Мне нравится такое утро. Я бы хотела так каждый день. И всё же я не могу не вспомнить, что Таркан произносил мое имя совсем иначе. И если бы я будила его, то испытывала бы иные чувства. Дикие и необузданные. Я вздохнула. Настанет момент, и я забуду.

После завтрака вышли на улицу. Яркое солнце заставило нацепить очки и нагрело плечи. О вчерашнем напоминали лишь владельцы палаток, прибывавшие навесы. Впрочем, торговля уже кипела. Мы остановились у киоска с детскими платьями, куда я подтолкнула Лану.

– А ну-ка, давай посмотрим, – я получала удовольствие, окунувшись в любимый мир шопинга, заставляя Лану мерить то одно платье, то другое, то отступив на шаг, критически её оглядывала. Всё было прекрасно, пока не прозвучали слова «ваша дочь». Увлечённая Лана этого не слышала. Зачем судьбе понадобилось так изысканно издеваться надо мной? Сначала мужчина, в которого я влюбилась? Потом это подобие семьи? Я уже не слышала голосов, вышла из палатки, испытывая странную слабость. Максим, стоявший снаружи, посмотрел с удивлением, а я почувствовала, как по щеке у меня сползает слеза. Захотелось заорать на весь мир: ребёнка хочу!

– Я хочу это! – передо мной появилась сияющая Лана в голубом платье с якорями. Она светила от счастья.

– Берём! – я вытащила кошелек, но Максим опередил меня, протягивая купюру.

– Я пойду в нём, можно? – спросила Лана, всё ещё не отрывавшая взгляда от зеркала.

– Конечно, – согласился Максим и взял её за руку. – А теперь мы должны поискать твою маму. – Он взглянул на меня. – А то нас обвинят в киднепинге. Всё хорошо, но возможно её уже ищут.

Они пошли вперед и вскоре оказались на том же месте, где началась наша история. Мы оба легко его узнали по оторванному навесу.

Максим присел на корточки перед Ланой:

– Здесь мы вчера тебя нашли. Может, ты вспомнишь дорогу домой?

– Но я не хочу домой! Пожалуйста, – она с мольбой заглянула мне в глаза. – Я хочу остаться с вами!

Они долго препирались. Лана не помнила дорогу домой и не хотела попытаться её поискать. Единственное, что удалось вытянуть: то, что она из Саратова и с мамой приехала на море. Они жили в комнате с двумя кроватями, а в туалет ходили на улицу. До моря добирались на автобусе.

– Ну что, идём в полицию? – спросил, понизив голос Максим.

– Побудь с ней, я позвоню Нике.

Я отошла в сторонку. Ника разрулила ситуацию, продиктовав адрес полиции и фамилию дежурившего полицейского, к которому нужно обратиться. О пропаже девочки никто не заявлял. Лана ничего не спрашивала. Вся её радость сдулась, как воздушный шарик. Её ручонка вяло лежала в моей, девочка смотрела себе под ноги.

Закричала она только, когда увидела полицейских.

– Они злые! Они маму забирали. Не отдавайте меня им! – она рванулась назад, но тут же была поймана Максимом. Он схватил её на руки, она кричала, била его по груди кулачками.

Потом её увели, а мы долго писали объяснительные, отвечали на вопросы.

Я попросила, чтобы до того, как найдутся её родственники, она осталась у нас, а не в приюте, но полицейский только покачал головой.

– Мы не имеем права. Вы должны были сразу заявить в полицию.

– Была буря, мы еле добрались до гостиницы. Телефоны не работали. Мы что, не могли её накормить и дать выспаться? – я чувствовала, как внутри подбираются слёзы, а желудок сжимается, грозя извергнуть завтрак.

Максим положил мне руку на плечо, мы подписали очередную бумагу.

– Нам безразлична судьба Ланы, – сказал Максим. – Дайте нам знать, найдется ли мать и что с ней будет? – он положил визитку на стол.

Мы вышли на улицу.

В ушах стоял крик Ланы, что полицейские злые. Её мать забирали в полицию, она не кормила её и не купала платьев. Мне хотелось прижаться к Максиму и зарыдать. Последнее время я становлюсь истеричкой. Надо взять себя в руки.

– Давай поскорее уедем из этого города.

– Конечно, – он начал набирать номер. – Ну вот, такси подъедет через пять минут.

До приезда машины я не проронила ни слова. Пока ехали тоже. Максим вышел меня проводить, взял за руку.

– Я понимаю твоё состояние. Мне тоже кажется, что у меня отняли ребёнка.

Я через силу улыбнулась. Максим чувствовал как я, хотел со мной встречаться, к тому же не имел беременной невесты, но вряд ли я смогу что-то дать ему.

– Можно будет тебе ещё позвонить? Попытка номер два. Вдруг получится лучше?!

– Не знаю, – я прикрыла глаза от солнца, сделав ладошку козырьком. – Мне сейчас ничего не хочется.

– Ты жалеешь, что вчера поспешила?

– Скорее всего, – я вырвала руку и бросилась к калитке. Уйти к себе, в себя, спрятаться от мира.

Дверь открыл Николай. Отказавшись от кофе, я пошла к себе и рухнула в постель. Если бы только я могла заснуть и всё забыть, но сон не шёл, я зря ворочалась с боку на бок, пока не взяла ноутбук в постель и не занялась делом, от которого меня отвлѣк звонок начальничка.

– Авдотья, опять сайт не работает, а нам нужны продажи. Я не знаю, чем покрыть кредит.

У меня даже не было сил пошутить на счёт моего соперника, который не может разобраться. Антоныч начал первым:

– Если ты справишься, то тебя ждет хорошая прибавка к зарплате, а когда ты вернёшься с курорта, останешься единственным программистом в офисе. Я всё же решил его уволить. Твой мозг намного круче.

Некоторое время я сидела, улыбаясь. Многим женщинам нравятся комплименты их внешности, я тащусь, когда хвалят мой мозг. Ну, странная я девушка. От радости я опять почувствовала зверский голод. Да и на море можно было бы успеть на вечернее купание. Я застучала по клавишам с удвоенной силой, заканчивая кусок программы. Убедившись, что всё работает, спустилась вниз.

Ника смотрела в гостиную телевизор. Увидев меня, сказала:

– Ну, девочка моя, да у тебя талант влипать в истории. Кстати, звонил полицейский, мой знакомый, маму этой девочки нашли. Лежит в больнице без сознания. Черепно-мозговая травма. Ей будут операцию делать. При ней нашли сумочку с паспортом. А девочку опознала хозяйка гостевого дома и позвонила в полицию. В общем, жизнь у этой девчушки была совсем несладкой. Мать напивалась с мужиками все те две недели, пока они у неё жили. Полиция ищет родственников, кому передать беднягу. Похоже, мамаша не скоро встанет на ноги. Хотя, как говорят, она итак стояла нетвёрдо, а ещё что-то на неё упало после бури.

– Мы купили Лане платье, – сказала я совсем не в тему после паузы. – Максим купил.

– Вот и держись Максима. Отличный парнишка, вы с ним одной масти. Будете хорошо жить.

– Вчера сделала глупость, – я нахмурилась, вспомнив, как заявила к нему в ванную. Мне так хотелось почувствовать себя желанной, а не брошенной.

– Ну, милая, кто же не делает глупости, оставшись на ночь с симпатичным парнем, – хихикнула Ника. – Насколько я понимаю, он из тех мужчин, которые простят женщине даже измену. Держись его, Дуняра.

Что? Я вздрогнула. Только маман меня так называла. Любому другому, я бы вцепилась в глотку. Но Нике, пожалуй, можно. За последнее время она стала мне родным человеком.

– Ладно, я подумаю.

– И думать тут нечего. Позвони ему сейчас же.

Я покачала головой. Завтра может быть. Сегодня мне хочется побыть одной. За последние два дня я, кажется, прожила несколько жизней в разных ипостасях.

– Ника, если будет возможность узнать дальнейшую судьбу Ланы. Вдруг не окажется родственников, и её отдадут в детский дом...

Ника склонила голову набок и задумчиво на меня посмотрела:

– Конечно, тебе пора замуж и детишек.

– Дело не в этом, просто эта девочка кажется такой заброшенной, а я могла бы и не купить себе пары лишних туфель, а потратить часть денег на неё. Только и всего. – Мне не хотелось, чтобы меня жалела даже Ника. – У меня пока нет серьезных намерений. И к тому же мне пора на пляж, пока солнце не село.

Ника кивнула, но на её лице появилась такая же понимающая улыбка, как тогда, когда я уходила на свидание с Тарканом.

Глядя на закат, я опять начала вспоминать. Боль когтями зацарапала сердце. И тут позвонил отец.

– Авдотья, что случилось? Мы еще вчера собирались бегать, а ты отключила телефон.

– Я попала в бурю, телефоны не работали.

– Какая буря? В Сочи был чудесный вечер.

– Я съездила за ней в Дагомыс. Мне всегда везёт. – Мы оба рассмеялись. – Давай завтра начнём. Пора приводить себя в форму.

– Ну с твоей формой всё отлично, но пробежка никому не помешает.

– Знаешь, мама тоже так говорит, – сказала я, не подумав.

В голосе отца тут же зазвучали лирические нотки.

– Как только закончится сезон, рвану в Москву. Мне не даёт покоя мысль, что у нас всё так глупо получилось. А, может, вместе поедем?

– Не думаю, что продержусь в этом городе так долго, да и на работу надо. Повышение обещали, когда вернусь.

– Да, Лика смогла вырастить не только красивую дочь, но ещё и умную. И всё без меня.

– Не грусти, мы же встретились.

– Спасибо за понимание.

Мы попрощались, я пошла к дому, прислушиваясь к себе. Разговоры с отцом всегда поднимали мне настроение. Он даже звонил в тот момент, когда мне становилось грустно. Как бы ни сложилась жизнь, хорошо, что она подарила мне эти минуты.

Глава 15

Утро выдалось чудесным. Меня разбудил голос отца. А что может быть лучше для ребёнка, у которого его не было тридцать лет? Лучше может быть только голос любимого человека. Сегодня мне хотелось верить, что и это когда-нибудь свершится.

Я скатилась с кровати, забыв выполнить обычную растяжку ног. Было приятно надеть короткие шорты на загорелое тело, завязать малиновые кроссовки. В саду заливались птички, сверкала капельками дождя зелень.

Отец уже ждал меня на набережной, попутно выполняя прыжки на скамейки. Ох, ничего себе. Я только мечтала о таком, когда увидела в ютубе. Пожалела, что не взяла телефон. Это нужно было заснять, чтобы показать маман.

– Привет, – запыхавшись, произнес отец, лицо у него было красным и мокрым.

– А ты крут. Научишь меня?

– Не вопрос. Только начинать лучше с лестницы, там расстояние между ступеньками меньше. Побегает, потренируемся. Готова? Тебе повезло, сегодня не так жарко.

А вот мне не так не показалось, по спине уже струился пот.

Я даже не думала, что здесь так тяжело бегать. Или это я растеряла форму? Но я не могла опозориться. Стиснув зубы, я бежала вдоль речки, стараясь отвлечься и рассматривать всё, что попадалось по пути. Вот красивый кустик с красными цветочками, похожими на ёршики для чистки бутылок. Вот кудрявая сосна, похожая на шарик, упирающиеся в небо кипарисы. Как же тяжело. Отец вырвался вперед. Вот, если бы я могла бежать так же легко, как речка, журчавшая среди камешков. Надо тренироваться, подумала я и прибавила темп. Вдруг почувствовала, как выложенная камешками набережная стала приближаться, ноги ускорили бег без моей помощи. Мне показалось, что бежать стало легче, словно дорога пошла под уклон. А потом почувствовала, что падаю.

Над головой висел кусок голубого неба. Я захлопала глазами.

– Ну ты напугала меня, девочка, – услышала я голос отца. Оказывается, моя голова лежала на его коленях, ноги на скамейке.

– Что случилось? Как я здесь оказалась? Мы же бежали.

Память вернула мне уклон набережной, приближающуюся коричневую плитку. Да я же, наверно, упала и разбилась. Странно, что не чувствовала боли.

– Ты не говорила, что у тебя проблемы со здоровьем.

– Да я здорова, могу встать. Наверно.

– Нет уж, полежи пока. Ты разбилась бы, если бы я не обернулся и не подхватил тебя.

Я вспомнила другой свой обморок на свадьбе. Наверно, тут слишком жарко для меня.

– Лучше сяду, – отец помог мне подняться. Я увидела на его коленях два кровоподтёка. – Ой, что это?

– Ну, я немного не рассчитал, когда ловил тебя. Пустяки, – отмахнулся отец.

– Надо было меня бросить, – сострила я.

– Ну уж нет, не для того мы с тобой встретились.

Домой мы вернулись вместе. Отец настоял, чтобы проводить меня до дома. Хотя я уже чувствовала себя нормально. Нас встретила Ника с чашкой кофе в руках.

Увидев нас вместе, даже не удивилась.

– Ника, извини, что без приглашения, – сказал отец, склоняясь и пожимая ей руку. – Авдотьё стало нехорошо во время пробежки, решил проводить.

– Нехорошо, опять? – Ника качнула рукой и пролила на пол кофе.

– Почему опять? – нахмурился отец.

– Ну, такое уже было. Наверно, мне пора возвращаться в Москву. Не мой климат, – вступила я в разговор.

– Она упала в обморок на свадьбе Таркана, – пояснила за меня Ника. – А что сегодня случилось?

– Потеряла сознание во время пробежки. Хорошо, что я вовремя её подхватил.

– Мне повезло, меня всё время подхватывают, не дают упасть, – хихикнула я, но на меня никто не обращал внимания. Ника и мой отец смотрели друг на друга.

– Надо бы её к врачу, – сказал отец, но у меня нет знакомых.

– У меня есть в городской поликлинике. Проведут полное обследование в лучшем виде.

- Нет, я терпеть не могу врачей и анализы. Со мной всё в порядке.
- А придётся, – отец положил мне руку на плечо. – Надо же выяснить, что с тобой. Ведь это уже второй раз.
- Но ничего подобного раньше не было, – заметила я.
- Тем более, – сказала Ника.
- Да, – вторил ей отец.
- С вами двумя бесполезно спорить. У меня даже нет паспорта.
- Ничего, я договорюсь и без него, – отрезала Ника.
- А где твой паспорт? – удивился отец.
- Куда-то делся. В этом городе со мной происходят странные вещи. И я хочу домой, – снова заканючила я.
- Сначала пройдёшь обследование, потом получишь паспорт, – сказала Ника. – Лучше сходи за аптечкой, она в ванной.
- Да, пустяки, я пойду, – отмахнулся Владимир.
- Ты её ловил, вот пусть она за тобой и поухаживает, – таким же строгим голосом сказала Ника. – Иди, садись на диван. Хочешь кофе?
- Пожалуй, – отец уселся на диван, морщась от боли. Видимо, ударился он серьёзно. Впрочем, это неудивительно.
- Мне ничего не осталось делать, как пойти, куда меня послали, раздумывая, что за странности со мной творятся. Если я, как барышня восемнадцатого века, начну падать в обмороки, ничего хорошего это не принесёт. Я всегда была здоровой и болела, максимум простудой и то очень редко.
- Когда вернулась, Ника уже разговаривала по телефону своим деловитым голосом.
- Да, спасибо. Я её вам пришлю. Да, пусть будет диспансеризация. Назовите, как хотите, но выясните причину.
- Ну вот, завтра к восьми тебя ждут в поликлинике, – сообщила мне Ника. – Сдашь кровь из пальца, из вены и далее по списку, включая гинеколога.
- Я не пойду к гинекологу, – возмутилась я, вспоминая, как в школе меня мама затакала по всевозможным врачам, пытаясь выяснить, что же со мной не так. На этот вопрос ни у кого не нашлось ответа.
- Придётся, – опять так же строго сказала Ника. – Один раз потерпишь. Надо исключить всякую возможность.

– Но я уже говорила... – развела я руками, но мне не хотелось поднимать эту тему при отце, и я решила, что попробую как-нибудь отвертеться.

Сосредоточилась на обработке коленок отца. Если ему и было больно, то он ничем себя не выдал, даже не поморщился и разговор о каких-то общих знакомых с Никой не прервал.

– Заеду за тобой завтра, – сказал он, когда мы прощались.

– Но я могу сама, у тебя же дела.

– Ничего, пусть за ручку тебя по врачам поводит, – раздался за моей спиной голос Ники. – Он итак долго отлынивал от твоего воспитания.

– Это правда, – вовсе не обиделся отец, целуя меня в щёку. – Ника, не пускай её на пляж сегодня.

– Да вы что, решили меня в инвалиды записать? – возмутилась я, впрочем, опять чувствуя знакомую противную слабость и желание завалиться в постель.

– Принесёшь справку, будешь свободна, – засмеялась Ника.

Отец мне подмигнул:

– Слушай бабушку. До завтра.

Спать я легла рано, поскольку оказалась под домашним арестом. Без сопровождения Ника отказалась меня выпускать, а от встречи с Максимом я отказалась. Сама не понимала, отчего я не хотела его видеть. Так что, устав пялиться в ноутбук и стучать по клавише, я улеглась перед телевизором и вскоре заснула. Проснулась без будильника, так что к приезду отца была полностью готова и накрашена. Его присутствие, конечно, скрашивало мою предстоящую поездку. Врачей я ненавидела ещё после тех бестолковых обследований.

Поликлиника оказалась расположена в приятном месте, на набережной, среди каштанов. Добрались мы по тоннелям за пятнадцать минут. Эх, в Москве бы так в час пик перемещаться.

– Может, ты в машине посидишь? – А то как-то неудобно, я же не маленькая.

– Зря что ли я брюки надел?! – возмутился отец. – К тому же тебе в очереди будет веселее. Да и Нике обещал.

– Ладно, – я пожала плечами, вдруг ощутив себя школьницей, которую мама в школу провожает. Пришлось смириться.

Впрочем, очередей тут не было. Получив от терапевта направления, я сдала кровь, сделала флюорографию и была за ручку препровождена к гинекологу. Соппротивление и уговоры оказались бесполезны.

Рассерженная, я толкнула дверь кабинета и увидела приятную молодую женщину с чёлочкой, которая если и была старше меня, то года на два на три.

– Присаживайтесь. Давайте сначала побеседуем.

О, как я всё это ненавидела. Сколько раз сначала мама, а потом и я пересказывали эту историю. Врачи сочувственно качали головой, испуская тонны жалости.

– Может, вы меня посмотрите и отпустите? Это всего лишь диспансеризация.

– Ну хорошо, раздевайтесь за ширмой.

После неприятной для каждой женщины процедуры, я села на стул. Против ожидания врачаха ничего не писала, смотрела на меня изучающе. Потом спросила:

– У вас что-то случилось?

– Нет, с чего вы взяли, – я рассказала про обморок, умолчав про второй. – Родные знают, всегда беспокоятся. Мне можно идти?

– Только, если вы не хотите узнать, что с вами?

– То, что со мной, я уже десять лет знаю. Мне повторять не надо, – я откровенно грубила, оправдываясь тем, что врачаха моего возраста и, вообще, вряд ли в чём-то разбирается.

В ответ на мои слова, её губы дрогнули в улыбке:

– Это состояние так долго не длится.

Я уставилась на неё:

– Что вы имеете в виду?

Она перевернула карточку, которую открыла, но так ничего и не написала.

– Вы беременны, Авдотья Владимировна.

– Этого не может быть?! – я вытаращила на неё глаза. – Мне все врачи говорили, что я никогда не смогу иметь детей.

Она пожала плечами.

– Видимо, что-то изменилось в вашем организме. Может, вы встретили подходящего вам человека, с которым смогли это реализовать. Такое бывает.

– Вы уверены?

– При вашем сроке в шесть недель уже можно исключить сомнения. Могу отправить вас на УЗИ. К тому же и обморок ваш...

– Два, – я не сказала.

– Тем более.

Я вытащила мобильный, открыла календарь. Ну да, всё верно, шесть недель назад я приехала в Сочи и почти сразу упала в объятия Таркана. Неужели у меня может быть ребёнок? И не просто ребёнок, ребёнок от человека, которого я впервые полюбила и от которого отказалась. В общем, если всё это правда — я до сих пор не верю — то получится полная чушь: он будет воспитывать ребёнка брата, а я его родного ребёнка в одиночестве, как меня маман. А потом он узнает через двадцать лет, как мой отец, и начнёт рвать на себе волосы. Я почувствовала, что сейчас расплачусь. Видимо, появившаяся плаксивость, ещё один признак беременности. Да и эта слабость, моё постоянное желание прилечь. Слеза всё-таки потекла по моей щеке, я опустила голову, глаза нашли кольцо, которое вдруг сверкнуло, словно предупреждая о чём-то. Мне тут же вспомнилось с каким удовольствием я занималась Ланой. Покупала ей платье, мыла её в ванной, держала за руку. На самом деле, это счастье, что у меня будет ребёнок. Пусть даже я его буду воспитывать одна. Моя мама ведь справилась, и я справлюсь. А если будет девочка, я смогу ей покупать чудесные платья. Как Лане.

— С вами всё в порядке? — спросила врач.

— Да, уже да, — я улыбнулась. — Это хорошая новость. Нет, удивительная. Мама будет счастлива.

— Тогда берегите себя. Не переутомляйтесь, не меняйте климат. Купайтесь в море рано утром или поздно вечером.

— Но я должна улететь в Москву.

— Я бы посоветовала вам избегать перелётов и поездов. Любого стресса. Слушайте классическую музыку, дышите морским воздухом. Никаких физических нагрузок. Только плавание. Это в том случае, если вам важен ребёнок.

— Конечно, — я положила руку на живот. — Я останусь здесь, раз уж ему так нравится этот город, что он выбрал его для зачатия.

— Ну что ж, тогда я всё же хотела бы задать несколько вопросов, — врач помахала картой.

— Конечно. И простите меня за поведение. Последнее время сама не своя.

— Ничего, я и не такое слышала. Беременные все капризные.

И всё же, когда я увидела отца, то повалилась на стул рядом с ним и уткнулась ему в плечо.

Он гладил меня по голове, успокаивая.

— Что тебе сказали? — спросил он, как только я перестала всхлипывать.

— Всё хорошо. Даже слишком хорошо для меня, — я снова зарыдала, уткнувшись себе в колени.

Да, я не могла и рассчитывать, что у меня будет ребёнок, но Таркана никогда не будет с нами, и я буду так же всё скрывать от него, как моя мать. О, наша несчастная карма, которая

перейдёт на моего сына или дочку. Нет, это чудесно, что я беременна, я очень благодарна, но я хочу, чтобы у ребёнка был отец. Я слишком много хочу.

– Посиди-ка, – пробормотал отец.

– Не надо, я всё расскажу, – я схватила его за руку. Выдохнула. – Обещаю держать себя в руках. – Пойдём в машину. Нет, лучше прогуляемся по набережной.

– Хорошо, но если ты не расскажешь, я вернусь и всё выясню.

Мы спустились по лестнице, проходящие мимо беременные и небеременные смотрели на меня. Я понимала, что видок у меня ещё тот: нос распух, тушь потекла. Я остановилась у двери туалета.

– Сейчас вернусь.

Отец так на меня взглянул, что я подумала: боится меня отпустить. И правильно. Веду себя, как истеричка, падаю в обмороки. Этот город вывернул наружу все мои отрицательные качества. Куда делась та деловая и циничная девушка на каблуках с ноутбуком, которая использовала секс для своего удовольствия и ни к кому не привязывалась?

В туалете я привела себя в порядок, подкрасила глаза и губы. Стёрла влажной салфеткой следы от туши. Сейчас нужно думать не о себе, а о том, как приподнести новость отцу, который терпеть не может Таркана. Может, не говорить, что он отец ребёнка? Тогда кто? Да и по срокам можно легко просчитать. Эх, ладно, как сложится.

Я вышла из туалета в тот момент, когда отец уже, кажется, собирался проигнорировать букву «ж». Прямо чувствую себя маленькой девочкой, которую всё время контролируют.

Мы вышли на набережную. Народу было немного. Солнце уже припекало вовсю, я надела очки.

– Ну? – нетерпеливо спросил отец.

– Я беременна.

– Что? Но... Это же хорошо? Почему ты плакала? Или ты не хочешь ребёнка? Авдотья, ну не молчи, пожалуйста.

А у меня перехватило горло. К нам приближалась семья. Малыш непонятного пола на велосипеде и папа с мамой, которые смотрели на своё произведение, явно гордясь им. В довершении к моим мучениям, папаша засмеялся и чмокнул мамашу в щёку. Никогда такого не было у маман и не будет у меня.

Я заставила себя повернуться к отцу.

– Пап, это очень хорошо в моём положении.

Заставила себя вкратце рассказать про диагноз и сколько раз в жизни я слышала, что мне никогда не будет доступно материнство.

– Врачи идиоты, – пробормотал отец. – Как, наверно, Лика переживала.

– Да, в тот год у неё впервые появились седые волосы, и она начала краситься.

– Бедняжки, – он обнял меня за плечи. – Как я вас люблю, а сейчас ещё больше. Жаль Лику нельзя обнять и порадоваться вместе с ней. Тогда это действительно хорошая новость.

Отец забросал меня вопросами, так что мне пришлось повторить наш разговор с врачом. Я отвечала подробно, оттягивая вопрос, который всё равно будет задан, а я так и не решилась: говорить или нет.

Наступила пауза, мы оба облокотились на парапет, наблюдая за речкой Сочинкой, широкой и весёлой. Повсюду были чайки, некоторые чинно сидели, вертя маленькими головками, особо беспокойные кружили над водой.

– И кто же отец ребёнка?

И тут я поняла, что не хочу лгать и выкручиваться. Не хочу, чтобы между нами были недомолвки и недоверие.

– Думаю, ты знаешь, кто отец.

– Таркан? – мне показалось, что я впервые увидела, как отец злится. У него даже губы побелели, а лицо стало каменным. Мне показалось: он сейчас сорвётся и побежит убивать зачинателя его внука. Как ни прискорбно, но моему любимому тоже досталась роль зачинателя.

– Спокойнее, пап. Мы должны быть ему благодарны.

– Благодарны? За что?! За то, что ты будешь растить ребёнка одна, а он...

– Пап, он меня не заставлял лечь с ним в постель, всё произошло по обоюдному согласию. И откуда мне было догадаться о последствиях? Он вёл себя честно, предупредил, что женится.

– Ну он козёл! Какой же он козёл!

– Но сперматозоиды качественные, раз уж пробили такую броню.

Мы оба хохотали так, что по лицу текли слёзы. Нас трясло от смеха, даже в животе начались колики. Наверно, так смеются люди, которым больше нечего терять и всё по барабану. Когда мы отсмеялись, отец обнял меня:

– Вот только на это он и годится. Ничего, вырастим. Всё хорошо будет. Как думаешь, Лика обрадуется?

– Уверена. Маман скажет тоже самое, что и ты: вырастим. Она будет супербабушкой. Знаешь, мне бы так хотелось мальчика.

Тогда это означало бы, что там, наверху, меня простили, и проклятие потеряло силу, но сейчас мне не хотелось развивать эту тему.

Глава 16

Ника восприняла новость с присущей ей жизнерадостностью. Долго тискала меня в объятиях, приговаривая, как это прекрасно, при этом я оставалась на коленях. А как иначе мы могли обниматься?!

– Наконец-то в нашем доме раздастся топот детских ножек и появятся разбросанные игрушки.

– Ну это ещё будет нескоро, – улыбнулась я. – Сначала будут пелёнки и крики по ночам. Особенно, если малыш пойдёт в меня. Мама говорила: от меня не было покоя ни днём, ни ночью.

– Это ерунда. Но какая же это всё же радость для нас, – Ника взяла мою руку, и её взгляд устремился на кольцо. Прежде, чем я успела сообразить, она прижала кольцо вместе с моей рукой к губам и прошептала: Спасибо, Мария. – Потом она выпустила меня и посмотрела на отца.

– Володя, иди я тебя поздравлю.

– Спасибо, Ника, – отец тоже опустился на колени и поцеловал Нике руку.

– Надеюсь, дедом ты будешь лучшим, чем отцом, – сказала она, погрозив ему пальцем.

– Мы навёрстываем упущенное, – вступилась я. – Сегодня я была насильно препровождена к гинекологу. Иначе бы сбежала.

– А вы неплохо поладили, – усмехнулась Ника. – Володь, а ты жене-то сказал?

– Нет ещё, – опустил голову Владимир. – Как-то повода не было.

– Боишься, значит, Ленку, как тридцать лет назад, – вздохнула Ника.

– Но я вот тоже маме не сказала, – снова вступила я. – Как-то пока не хочется, чтобы кто-то вмешивался в наши отношения.

– Ах ты, защитница, – улыбнулась Ника и повернулась к отцу. – Твой маленький папа без тебя никак не справится. Ты добьёшься, что твоя половина увидит тебя на набережной с коляской. Стыдно, Володь.

– Да скажу, я Ника, – отмахнулся отец. – Будет ещё одна головная боль. Ей только повод дай.

Я подумала, что отношения у них, похоже, не очень. И это печально. Но, может, так и бывает, когда сдаёшься и не отстаиваешь свою любовь? Мама тогда, когда соперницу увидела,

сбежала, отец пошёл на поводу обстоятельств. Эх, если бы у меня была возможность отстаивать свою любовь к Таркану, я бы сделала всё. Но у меня не было выбора, кроме, как принести жертву.

– Сколько срок? – спросила Ника.

– Шесть недель.

На её губах промелькнула улыбка, она сделала паузу, высчитывая.

– Я правильно понимаю, это его ребёнок?

– Только, пожалуйста, никому не говорите, – я перевела взгляд на отца. – Он не должен знать.

– Да не имеет он никакого права, даже, чтобы его ставили в известность, – раздражённо заметил отец.

– Всё тайное становится явным. Рано или поздно, он окажется на твоём месте. Он может увидеть Авдотью беременную и легко высчитать. Не так-то просто скрыть всё в таком небольшом городе.

– Я скажу, что это ребёнок Максима. Пусто думает, что я крутила два романа сразу. – Когда они оба вытаращили глаза, я добавила: – мне наплевать, что он подумает. Он свой выбор сделал.

– Неплохая мысль, – задумчиво сказала Ника. – Максим будет хорошим мужем.

– Я не стану обманывать Максима. Мы больше не будем встречаться.

– Никто не говорит обманывать: вам просто надо получше узнать друг друга. А уж там, как сложится. Ещё рано заявлять всему миру, что ничего не получится.

– Но как я ему объявлю, что жду ребёнка? Или подождать, пока живот вырастет, и Максим начнёт задавать вопросы?

– Деточка, тебе было плохо без отца? Прости, Володь, за этот вопрос.

– Ну причём здесь это?! – Я заметила, что отец опустил голову. – Конечно, было, но я не могу навязывать чужого ребенка Максиму. Тем более, ребёнка Таркана. Он итак считает, что он меня обманул. Ещё разборок не хватало.

– А кто этот Максим? – спросил отец.

– Очень хороший молодой человек, которому нравится твоя дочь, – ответила Ника. – Я больше скажу: у меня мурашки по коже, когда я вижу, как он на неё смотрит.

Внезапно мой живот заурчал, и я почувствовала зверский голод.

– Что-то кушать хочется. Давайте позавтракаем, – предложила я.

Предлог сработал.

– Как же я могла забыть, что ты не завтракала?! Теперь тебе нужно есть за двоих. Володя, присоединишься к нам?

– Я лучше пойду. Сегодня заезд, надо комнаты подготовить.

– А что, девушки твои не помогают?

– Не дождёшься, – отмахнулся отец. – Маникюр у них. Вот был бы сын, может, он и помогал бы, хоть по саду. А от девок нет никакой пользы.

Когда он говорил о сыне, в его голосе звучала грусть. Впрочем, каждый мужик мечтает о сыне, подумала я.

Отец поцеловал меня, пожал руку Нике и ушёл. Я сидела на диване, наблюдая, как Ника жарит яичницу и что-то не давало мне покоя. Я сглотнула слюну, встала, собираясь помочь, и меня осенило, что у отца ещё должен быть ребёнок, из-за которого тогда мама уехала. Ведь Лена была беременна.

– Ника, а у отца ещё есть дети?

– Насколько мне известно, нет. А что?

– Но ведь, они расстались с моей мамой из-за того, что Лена объявила о беременности.

Ника нахмурилась.

– Ничего не знаю об этом.

– Мне отец сам рассказывал. Этому ребёнку должно быть столько же, сколько мне. Ну, может, на пару месяцев больше.

– Хм, это очень странно. Возможно, она его обманула или у неё был выкидыш, но никакого ребёнка не было. Я бы знала. Да и не видела я её тогда с животом.

Мне стало грустно. Похоже, маман поторопилась с отъездом. Думаю, если бы она сказала отцу, что беременна, он остался бы с ней. И всё пошло бы по другому пути. Эх, ну как же так?! Надо будет расспросить отца. Я высказала свою мысль Нике, когда мы сидели за столом, уминая яичницу с помидорами, луком и сыром, приправленную орегано.

Она прожевала, промокнула губы салфеткой и ехидно заметила:

– Вот и не будь душой, Авдотья. Женщина не должна быть одна. Посмотри на птиц. Они все находят себе пару.

Словно в подтверждение моих слов, телефон запиликал, и появилась вотсапка от Максима: «Очень хочу тебя увидеть. Прошу, дай ещё шанс. Мы не будем кататься на теплоходе»

Я улыбнулась. Вспомнился наш вечер в гостинице. Мне было хорошо. Может, Ника права: нам надо встретиться и ещё раз посмотреть друг на друга. Я отложила телефон в сторону. Пусть помучается. Принялась за кофе с круассаном. Хрустящий рогалик с шоколадным кремом, настроил меня на положительные мысли. А что? Ведь я на самом деле не хочу сидеть дома одна. Этот город создан для любви и счастья. Я буду честной с Максимом. Но ... это вовсе необязательно делать сегодня.

Сначала нужно удостовериться. Сделать УЗИ. Я даже маман не буду говорить. Как много у нас появилось секретов, стоило мне уехать. Маман бы сказала бы, что беременность не повод портить фигуру, надо ещё больше держать себя в руках и заставила бы положить круассан обратно.

– Максим звонил? – спросила Ника.

– Просит дать ему второй шанс. Вроде как первое свидание не получилось. Буря, ребёнок в номере.

– А тебе было хорошо с ним?

– Мне было хорошо, вообще. Мы выпили коньяку, попали в тепло после бури. Лана заснула, и я пришла к нему в ванную.

Мне почему-то было совсем нестыдно рассказывать это Нике.

– И...?

– Это было ошибкой. Не надо было так сразу. Всё было хорошо, но не так, как с Тарканом. А так никогда не будет.

– Может, стоит согласиться на хорошо или ты предпочитаешь ничего?

– Я скучаю. От меня словно отрезали половину.

– Ваша любовь внутри тебя. Зёрнышко, посаженное не в самую благородную почву – если верить прогнозам врачей – проросло. Разве это неудивительно?! И не нужно спрашивать, зачем вы встретились? Теперь ты знаешь, как бывает идеально. Но это как праздничное платье, которое ты не можешь носить в будни. Праздники кончились, надо жить дальше. Носить другие платья. Иди к Максиму, деточка.

Моё будничное платье ждало меня на набережной. В том же месте, в тот же час. На этот раз он был в шортах и футболке, голубые глаза скрывали очки, в которых я видела своё отражение. Он даже не поцеловал меня.

– Авдотья, я ... так ждал. Спасибо, что...

– О, перестань, – я взяла его под руку. – Выдались сложные деньки, но сейчас всё наладилось. Давай погуляем по берегу. Не хочу никуда ехать.

-Может, пожарим шашлык на камнях? Если пройти дальше, там есть дикие пляжи. Ты любишь купаться после заката?

То, что доктор прописал, подумала я.

– Отличная мысль. Я сбегаяю и надену купальник.

Его рука на мгновение коснулась моей обнажённой спины. Я вздрогнула, почувствовав мурашки.

– Там можно купаться нагишом, а подстилка у меня есть. Нам лучше поспешить, чтобы успеть к закату.

По дороге мы купили готовый шашлык и розовые помидоры. Максим предложил красного вина, но я отказалась.

– Веду трезвый образ жизни, – улыбнулась я.

Если Максим удивился, то виду не подал.

– Составлю тебе компанию с томатным соком, – легко согласился он.

Конечно, шашлык без красного вина, это как свидание без кавалера, но теперь нужно привыкать. Зато не наделаю глупостей. Максим, наверно, подумал, что я боюсь потерять контроль. Ну и пусть.

Я не подозревала, что если пройти через все пляжи Мамайки дальше за тоннель, то ситуация изменится. Видимо, отдыхающие это место не привечали. У кромки моря, словно какой-то шаловливый малыш налепил большие каменные куличики. Выглядело симпатично, но купаться невозможно.

– Мне нравится. – Только море и мы, – сказала я, глядя на светящуюся солнечную дорожку. Максим наклонился ко мне, словно хотел поцеловать, но не решился, а я его не поддержала. Сегодня я не была настроена на романтику, несмотря на идиллическое место. Мне не хотелось никаких прикосновений. Словно ребёнок Таркана уже предъявил на меня права, не подпуская чужих. А ведь был бы здесь его отец, мы бы уже целовались, а в животе порхали бабочки.

– Хочешь искупаться? – спросил Максим. – Покажу тебе, где можно пробраться через эти куличики.

– Я тоже их так мысленно назвала.

– Значит, их так зовут. Идём со мной.

Максим такой милый, мне нравится, что мы одинаково думаем. С ним легко, как будто мы давно знакомы, думала я, послушно следуя за ним.

– Смотри, войти лучше здесь. Купайся, а я займусь костром. Обещаю, не подглядывать и тебя не смущать.

Вот, ведь почувствовал, что не хочу при нём раздеваться. Я сняла сарафан и бельё и вошла в воду. Море взяло меня в свои объятия, и я медленно поплыла. Не помню, купалась ли я когда-то голой, но мне понравилось прикосновения воды ко всему телу. Отсюда было видно, как поднимается дымок от костра, и я опять почувствовала себя зверски голодной. Малыш, если ты будешь таким прожорливым, от моей фигуры ничего не останется.

– Я думал, что русалки приняли тебя за свою и забрали в своё подводное царство, – сказал Максим, глядя, как я перебираю спутанные мокрые волосы.

– Это было здорово, спасибо, – я присела на камушек, наблюдая за его ловкими движениями. Нет прекраснее зрелища, чем наблюдать, как мужчина готовит мясо на костре.

Наевшись, мы сидели рядом, не касаясь друг друга, и смотрели на море. Максим так и не искупался, словно боялся, что я сбегу. Лениво разговаривали обо всём и ни о чём.

В десять я начала зевать, Максим тут же предложил пойти домой. Мы шли, вдыхая ароматы южного города. Мне было хорошо, даже хотелось сказать: спасибо, что не приставал ко мне. Отчего-то я думала, что он поцелует меня на прощанье, но Максим только спросил:

– Ну как, второй раз свидание получилось лучше?

– Конечно. Мы даже можем повторить как-нибудь.

Сама удивилась, что я это сказала. Мне даже захотелось поцеловать его. Вот, пойми нас женщин?!

– Тогда я позвоню.

– Звони, – он стоял, не делая попытки коснуться меня, и я сама протянула руку. – Спасибо за ужин. Шашлык был великолепен.

Лёгкое вежливое пожатие. Домой я вернулась обескураженная. Вот это выдержка. Если бы не было первого свидания, я бы подумала, что ему не нравлюсь. Ладно, поживём, увидим. Я с удовольствием вытянулась на кровати и вскоре заснула.

Видимо, за последнее время я отвыкла от посещения гостей по ночам, поэтому, когда увидела полупрозрачный силуэт мужчины с усами в гимнастёрке и с орденами на груди, чуть не вскрикнула.

– Авдотья, я Иван, муж Марии.

Я тут же вспомнила фотографию. Выглядел он так же: лысый, лицо серьёзное, закрученные вверх густые усы. Большой нос с горбинкой его не портил, а подчёркивал брутальность. Я инстинктивно натянула одеяло: всё-таки мужчина в гостях.

– Мария больше сможет появиться, я вместо неё, хотя она сама хотела рассказать эту историю.

– А что с Марией?

– Её забрали из-за того, что она слишком долго находилась между двумя мирами и не двигалась вперёд, но это сложно понять, когда живёшь на земле. Я спасу Марию, буду делать то, что им надо вместо неё, а она пойдёт по своему пути. Им всё равно чью душу эксплуатировать. Но я здесь не для того, чтобы говорить о нас, времени мало. Мы поговорим о тебе. Ты должна знать ответ на вопрос, который часто себе задаёшь.

Мне вдруг стало страшно. Захотелось сбежать к Нике. Тело покрылось мурашками.

– Не все вещи мы готовы услышать, но раз ты снова пришла в этот род, чтобы всё исправить, ты сильная и сможешь справиться. Кстати, у тебя был выбор и даже твой наставник тебя отговаривал, но ты сказала, что должна. В этом вы похожи с Марией.

– Какой наставник?

– Наставник, который вместе с тобой составляет программу твоей жизни, в которой ты должна исправить прошлые ошибки и чему-то научиться. Когда попадаешь на землю, об этом забываешь и задаёшь себе вопрос: почему у Наташи всё хорошо, а у меня одни проблемы? Вечный вопрос: за что мне такое? Как за что? За прошлые ошибки. К тому же твоё решение. Вот ты сама выбрала себе такую жизнь.

Я затаила дыхание.

– И что я сделала?

Одна тысяча восемьсот семьдесят седьмой год. Русско-турецкая война. Восстание в Абхазии при поддержке турков. Турецкая армия временно заняла Абхазию, а когда наши выгнали оттуда турков, ты работала медсестрой в госпитале и однажды, возвращаясь домой, обнаружила раненого. Он был очень слаб, ты привела его домой и решила сначала поставить на ноги, а уже потом сдать нашим, но поправлялся он медленно. Вы были молоды, вам не было дела до войны между государствами. Вашими душами и телами овладела любовь.

Иван вздохнул.

– На войне чувствуешь по-другому. Каждая минута может оказаться последней. Я это понимаю. Ты попала в сложную переделку: не могла его сдать, не могла оставить. В результате вы оба покинули страну по поддельным паспортам. Всю жизнь скрывались, но любили друг друга.

– И это всё, что я сделала? Полюбила?

– Было ещё кое-что из-за чего тебе следовало помочь ему бежать, если уж ты не могла его выдать. Он был женат и у него были дети.

Я зажала себе рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Кажется, я начинала понимать и боялась услышать то, что я знала: прозвучит в моём мозгу громче любых слов.

– Его жена прокляла тебя и твой род до седьмого колена.

– Нет! – я закрыла лицо руками, чувствуя свои сухие глаза. Картинки мелькали у меня перед глазами, словно Иван показывал мне кино. Мне даже удалось почувствовать ту любовь, которую я тогда испытывала. Чувство, которое разносит разум на кусочки, оставляя без выбора. Только с ним, с любимым, иначе в петлю или в пропасть. Я видела его глаза, чувствовала его руки, мне даже казалось, что я чувствую его запах. Карие глаза с загнутыми ресницами, нежные руки и мягкие губы. Таркан. Он даже выглядел почти так же

– И вы встретились снова в этой жизни. Все встретились.

Я подняла голову. Что значит все? Встретились только мы с Тарканом.

– Она тоже здесь. Та самая брошенная жена. Лале.

– Ляля? Не может быть?!

Теперь понятно, почему он на ней женился. Возвращение долгов.

– Ну а теперь самое главное, что просила передать Мария. Вы оба принесли в жертву свою любовь, и эта жертва должна остаться на жертвенном камне. Будут разные соблазны и обстоятельства, жизнь хитра на выдумки, а ваши с Тарканом наставники здорово закрутили сценарий вашей встречи. Ты должна об этом помнить. Иначе место на этом камне займёт ваш сын.

Силуэт Ивана растаял так быстро, что последние слова зацепились в памяти, и некоторое время я их повторяла про себя. Ваш сын. Ваш сын. И тут я почувствовала не движение, он ещё был слишком мал, но тихий вздох внутри меня, подтверждал то, что я услышала. Я положила обе руки на живот, словно уже хотела защитить его. Не бойся, малыш, ты останешься тайной, которую никогда не узнает твой отец. Я постараюсь, потому что больше не хочу делать глупостей. Я же умная девочка, в конце концов, и у меня всё получится.

Глава 17

Ночь выдалась тяжёлой. Долго не могла уснуть, меня бросало то в жар, то в холод. Я включала кондиционер, чтобы уже через десять минут выключить. Раннее утро я встретила на балконе, размышляя о жизни и о том, что узнала. Ну, положила руку на сердце, мне не казалась моя ошибка такой уж страшной, как наказание, которое легло на мой род. Во все времена женщины влюблялись в чужих мужей и уводили их из семей. И что? Все те роды вымерли? Вот недавно одна знакомая с работы влюбилась в чужого мужа, увела его, родила ребёнка, живут счастливо и никаких угрызений совести.

Или всё-таки дело было не столько во мне, сколько в проклятии? Я вспомнила, как Ляля бросилась на меня с кипящим чайником. Да уж, то, что она меня ненавидела, в подтверждении не нуждалось. И то, что её душа, если предположить, как аксиому, её существование – могла наложить проклятие сама или попросить кого-нибудь, тоже сомнений не вызывало. Тогда почему же её никто не наказывает? Судьба отдала ей моего

любимого, который ещё будет воспитывать чужого ребёнка? А мне всю жизнь придётся скрывать, что я воспитываю его сына.

Одна радость: Иван сказал, что будет сын. Я люблю мальчишек. Мне до смерти надоело бабье царство. Мы будем играть в футбол и в солдатики. В детстве я обожала носиться с мальчишками во дворе, играть в ножички и казаки-разбойники. Или просто в войну. В то время как мои сверстницы обмирали от кукол барби, я училась забивать гол в ворота и частенько получала мячом по башке. Хорошо, что моему мозгу это только пошло на пользу. В общем, всё было здорово, пока у меня не выросла грудь, и мальчишки первый раз не попытались зажать меня в углу. Я, конечно, отбилась, но играть с ними перестала.

Я уселась в кресло и подставила лицо лаковым лучам солнца. И что же мне теперь делать? Видимо, я задремала, потому что разбудил меня телефон. Это была маман. Голос у неё был такой радостный, звонкий, что я сразу проснулась и поняла, что соскучилась.

– Как ты там, Дуняра? Совсем меня забыла и не звонишь.

– Ты вот тоже не звонишь, – парировала я.

– Ой, да мы тут с Виктором только из Крыма вернулись. Ездили позагорать.

– А что же не в Сочи? – я еле удержалась, чтобы не сказать, что её тут ждут.

– В Сочи? – в голосе маман прозвучало такое негодование, словно я про Якутию упомянула.

– Ты же знаешь моё отношение к этому городу. Кстати, всё хотела спросить. Ты ходила к нему?

Ну вот и вопрос, которого я так боялась. Надеюсь, что маман забыла, погрузившись в дела сердечные.

– Ходила, – я вздохнула. – Знаешь, всё не так, как ты думаешь.

– Что я не так думаю?!

– Ну, долго объяснять. Он хочет с тобой встретиться и всё рассказать. Даже в Москву собирается.

– Что?! А он не опоздал ли лет на тридцать? Или он тебе такое там напел, что я во всём виновата?

– Мамуль, ты знаешь, что во всём виновата наша карма. А он до сих пор тебя любит и просил твою фотографию.

В трубке воцарилось молчание.

– Мам? Ты здесь?

– Да здесь я. Просто думаю, как всё глупо. Как он выглядит?

– Мы как-то бегали по набережной, он в прекрасной форме, что не скажешь про его жену и дочь.

– Так дочь-то твоя ровесница, наверно?

– Нет, эта младше намного. А других детей у него нет. Знаешь, я не хочу о нём слышать. И о его детях. Общайся с ним сама, если хочешь.

– Хорошо. Но если он прилетит в Москву, попробуй его выслушать.

– Ну, если прилетит, тогда и посмотрим. Расскажи лучше про себя.

– У меня всё прекрасно, – я хихикнула и неожиданно для себя выпалила: – Знаешь, а доктора ошибались, я беременна.

– Что?! Беременна? Да как такое может быть?! Ну то есть, конечно, может. Если есть. А ты уверена? Может, это...

– Шесть недель. Меня тошнит, и я даже два раза упала в обморок.

Дальше мы болтали около часа, перебивая друг друга, пока не сели оба телефона. Мне пришлось рассказать всё с самого начала. И не успела дойти до нашей встречи с Максимом. Маман даже пропустила тренировку в зале, но ей нужно было срочно бежать на встречу, так что мы простились до вечера. Как только телефон зарядился, от неё пришла смска, что она будет счастлива стать бабушкой. Да, маман будет супербабушкой, я уверена. Так же, как и отец будет супердедом. Мне было легко представить их двоих, бегающих с коляской по набережной.

Чуть позже от маман пришла вторая смска, чтобы я следила за фигурой и много не ела, потому что после беременности очень трудно сбрасывать вес. Я хихикнула. Вот вам и забавная история о том, как девушка из порядочной семьи собирается рожать без мужа, а вся её семья просто счастлива. А для кого-то это было бы позором.

Ну в общем, я тоже не в восторге от мысли, что буду матерью-одиночкой, пусть даже в окружении любящих родных. Что же мне делать? И снова вспомнился Дагомыс, как мы с Максимом укладывали спать Лану, а потом занимались любовью в ванной. Эх, но я вовсе не уверена, что Максим примет ребёнка Таркана. Конечно, в фильмах такое показывали, как у неё рождается ребёнок от другого, а муж воспитывает его, как своего. Но это же вымысел для сопливых, а в жизни я и без ребёнка за свои тридцать лет мужской любовью не была избалована. На этой драматической ноте, я поняла, что должна выпить чашечку кофе с круассаном. О фигуре потом подумаем. Малышу просто необходим круассан, а нам вместе хорошее настроение. А потом, может быть, Максим позвонит, и мы куда-нибудь сходим.

К моему великому удивлению, Максим не звонил неделю. Я несколько раз пыталась сочинить невинную вотсапку, но каждый раз сбрасывала набранные слова. Лучше оставить парня в покое. Будет лучше не привыкать. Ведь потом всё равно придётся рассказать правду. Убеждала себя в одном, но телефон проверяла достаточно часто. Ничего. Как будто ему кто-то на ушко нашептал, что я беременна. А я тем временем получила новое подтверждение:

появилась тошнота. Не только утром, а непредсказуемая, как женщина, она настигала меня в самый неожиданный момент, угрожая исторгнуть наружу всё, что я до этого съела.

И вот однажды вечером, я решила сменить место обитания и поехала в центр. Автобус бодренько довёз меня до мор порта, где я вышла, чтобы снова увидеть теплоход «Дагомыс». На причале удили рыбу рыбаки, толкались отдыхающие, которых затаскивали на яхты. Везде кипела жизнь: яркая беззаботная пьяная. Настроение у меня было лирическое, и я решила присесть тут же в кафе, чтобы понаблюдать за праздником жизни, из которого временно выпала. Я уселась за столик и, пролистав меню, поняла, что вряд ли смогу что-нибудь переварить, кроме чая с лимоном и мятой.

– Со льдом? – осведомился официант, сдувая с мокрого лба чёлку.

– Из чайника, – ответила я.

Холодный чай я не признаю. В жару надо пить горячий. Неподальёку от меня компания девчонок пила пиво и всю веселилась, снимая себя на видео. Мне это напомнило мои тусовки с подружками, которые уже вернулись с Бали и прислали мне кучу фотографий, где на этот раз не было меня. Ну ничего, зато я теперь беременна, я провела ладошкой по животу – жест, который меня всегда успокаивал – и принялась за свой горячий чай в тридцатиградусную жару. Да здравствует беременность и связанные с ней ограничения! Я подняла чашку и повернула голову. Максим сидел за соседним столиком и смотрел на меня. Откуда он здесь взялся? Когда я садилась, его не было. И, кажется, ещё минуту назад не было. Или я туда не смотрела? Официант закрыл его от меня, подавая ему запотевший бокал с пивом. Я отвернулась от зависти и сделала глоток горячего чая.

– Привет, – сказал он, беря бокал в руку.

– Привет, – как можно легче ответила я.

Мы снова изучали друг друга.

– Ты не против, если я пересяду к тебе? – спросил он.

Нет, я была не против Максима, но мне ужасно хотелось пива, вероятно, поэтому мой кивок мог показаться высокомерным, но он всё равно пересел.

Мы сверлили друг друга глазами, пока он не спросил:

– Знаешь, почему я не звонил?

Я пожала плечами.

– Здесь много девушек отдыхает.

Он нахмурился.

– Я пытался забыть тебя. Сделать вид, что ничего не было. И ведь на самом деле ничего не было. – Он выглядел разозлившимся. – Это я каждый раз себя так пытаюсь убедить. После

каждой нашей встречи. И каждый раз снова продолжаю о тебе думать. Перебираю в памяти наши разговоры, вспоминаю твои жесты. Твою улыбку. Как получилось, что я так влип? Сегодня утром мне казалось, что я тебя забыл. А ноги сами привели меня сюда.

– Ну да, пришёл домой, тут ты сидишь, – процитировала я. – Ладно, мне уже пора. Постараюсь больше не попадаться тебе на глаза. Максим наклонился ко мне:

– Скажи, я тебе совсем не нравлюсь?

– Нравишься, – вылетело у меня, не успела я подумать. – Иначе я бы не пришла к тебе в ванную.

Чуть рот себе не зажала. Что я такое несу? Зачем об этом вспоминать?

– Ты пришла не потому что хотела меня.

– Знаешь, у мужчин такое бывает, они мне рассказывали. Когда просто хочешь секса. У меня было так. Это если честно.

Максим грустно улыбнулся.

– Спасибо за правду. Надеюсь, ты не очень разочаровалась.

– Всё было отлично.

Раньше бы я пошутила, что можно и повторить, а сейчас не могла. Откуда-то из-за соседнего столика донёсся запах несвежей пережаренной рыбы, и я почувствовала сначала тошноту, а потом к своему ужасу издала рвотный звук. Я побежала к туалету. Как только попала, куда надо, всё прекратилось. Ну и позор. Вот теперь Максим точно поймёт, что со мной не так. Я положила руку на живот: Эй, малыш, ты меня подставил. Если так пойдёт дальше, останешься без отца. Я прополоскала рот водой и вышла. Максим сидел, склонившись над бокалом.

– Извини, последнее время поджелудочная шалит, – я уселась на место и сделала глоток мятного чая. – Максим выпрямился и поднял на меня глаза.

– Давай поговорим начистоту. Ты ведь беременна, да?

Некоторое время я молчала. Признаться – не признаться. За этим последует вопрос: кто отец. А насколько я доверяю Максиму, чтобы рассказать ему правду. Но если даже наврать, что отец вовсе не Таркан, то я окажусь просто шлюхой. А с другой стороны, уеду я в Москву, и со мной уедет моя тайна. И что с того, что Максим подумает обо мне плохо?! Гораздо хуже, если это дойдёт до Таркана. А как бы я хотела сказать ему, что у нас после тех безумных ночей будет сын.

– Не хочешь, не говори. Я принял решение. Я понял, что хочу, чтобы ты стала моей женой. Извини, что без кольца, но мы можем пойти и купить его сейчас, если ты согласишься. Я люблю тебя. И знаешь, та ночь с Ладой дала понять, как хорошо с тобой, а последующие ночи без тебя показали, что жизнь бессмысленна. Ты согласна стать моей женой?

Я была так ошеломлена, что не могла произнести ни слова. Мне никогда раньше не делали предложения. Да и как я уж упоминала, у меня и мужика-то постоянного не было. Так, черед тел, которые пользовались мной, а я ими. И вдруг мне, беременной, делают предложение и признаются в любви. Можно, конечно, сразу согласиться, но моя любовь к математике основывалась на любви к условиям и допущениям. И я, набрав в грудь побольше воздуха, решила рискнуть.

– Я, конечно, люблю кольца, но не настолько, чтобы кое-что не прояснить. Я готова рассказать тебе всё, если ты пообещаешь сохранить мою тайну и никогда никому не говорить.

Максим потянулся к моей руке и поцеловал.

– Так ты согласна?

– Максик, – даже не знаю, почему я назвала его этим уменьшительным именем, – но ты не знаешь...

– Да всё я знаю. Ты беременна. Семь-восемь недель. Ребёнок Таркана. Если это всё, я повторяю свой вопрос: ты будешь моей женой?

Мне показалось, что ноша, которую я несла, растворилась в воздухе. Мне стало легко, мне хотелось начать возражать, как он будет воспитывать чужого ребёнка, рассказать ему, что других детей может не быть, а потом вдруг как-то почувствовала, что всё это неважно для него. Он любит меня и принимает меня целиком, даже с чужим ребёнком. А я ужасно не хочу быть матерью-одиночкой. Мой ответ вырвался наружу так быстро, что я не успела сомкнуть губ.

– Да.

Он пересел на стул ближе ко мне, взял моё лицо в ладони и быстро поцеловал в губы.

– Ты не пожалеешь.

Мы вышли из кафешки и побрели вдоль морпорта. Навязчивые владельцы яхт предлагали морскую прогулку.

– С нас хватит, правда? – спросил Максим, подхватывая меня за талию.

– Думаю, да. Когда я на корабле притворялась беременной, я не знала об этом. Шутка оказалась правдой.

– Это неважно, – Максим легонько коснулся моего живота. – Это будет наш ребёнок. Только наш. Никто об этом не узнает.

– Спасибо тебе, – я положила голову ему на плечо, чувствуя, как щиплет глаза от слёз. А в голову пришла мысль, что я всего лишь познакомилась с Максимом на день позже после встречи с Тарканом.

А потом мы долго гуляли по ночному городу, несколько раз садились в кафешках, чтобы дать отдых ногам и выпить чаю. Максим пил со мной за компанию чай с мятой. Я вычитала в интернете, что чай спасает от тошноты. Ну а если лимончик добавить, то, вообще, кайф. Но в этот вечер меня больше не тошнило. Малыш притих, видимо, понял, что с отцом лучше, чем без него. Меня прорвало на откровенность, и я всё выложила Максиму и про кольцо Марии, и про нашу карму, и даже про то, как по ночам ко мне родственники приходят. Максим, в отличие от Таркана, понял всё правильно, а не у виска покрутил, как я бы сама сделала пару месяцев назад.

Домой я вернулась поздно, спокойная и почти счастливая. Ники не было, а я снова почувствовала себя голодной. Сделала себе огромный бутерброд с ветчиной и зеленью, съела его там же, в кухне, и отправилась к себе. Но, несмотря на усталость, сон не шёл. Я прокручивала в памяти наш разговор с Максимом, пытаюсь убедить себя, что у нас, несмотря на неправильный старт отношений, всё получится. Мы похожи, иногда даже мыслим одинаково, мне с ним и спокойно. Ну а то, что нет взрыва эмоций и порхания бабочек в животе, может и хорошо. Я на секундочку задумалась, как бы, если судьба позволила, мы жили с Тарканом. И не могла этого представить. Он весь был, как ураган, порывистый, нервный. Эмоции в нём били через край. Даже в наши лучшие моменты, он умудрялся выглядеть счастливым и грустным одновременно. Интересно, каким он был до несчастья с братом? Бывают события, которые навсегда изменяют нашу жизнь, не позволяя нам остаться прежними. Таким для него оказалась та дорога в горах. Я перевернулась на другой бок, пытаюсь выкинуть из головы все мысли о нём, как вдруг увидела, как загорелся и погас экран телефона. На ночь я выключала звук. Максим решил пожелать мне «спокойной ночи»? Я потянулась к телефону и прочитала: «Я люблю тебя, Белочка и, всегда буду любить». Я провела пальцем по экрану, лаская буквы, которые он написал, а потом заблокировала его номер. Прости, но так надо, милый, – прошептала я, отбрасывая осиротевший телефон.

Глава 18

За последующие три месяца не произошло никаких значительных событий. Это напомнило мне Льва Толстого: «все счастливые семьи счастливы одинаково» Мы с Максимом хотя и не были женаты, проводили почти весь день вместе, расставаясь лишь на ночь. Заявление подали поздно, поскольку, несмотря на Никины знакомства, паспорт делали два месяца, ссылаясь на то, что мне, вообще, проще съездить в Москву. В общем, из-за бюрократических мытарств, получалось, что замуж я буду выходить уже с пузиком. Отметить решили скромно. Близких друзей у меня не было, а без девчонок, с которыми ездили отдыхать, я легко могла обойтись. Максим сказал, что если не будет девчонок, то друзей приглашать нет смысла. В общем, придётся обойтись близким кругом родственников. Маман с Виктором, Ника с Николаем. Конечно, я хотела бы пригласить отца, но маман категорически сказала, чтобы я выбирала, кто мне важнее. Ей итак нелегко лететь в Сочи, и только присутствие Виктора и желание увидеть меня в свадебном платье, поможет ей сделать это. Впрочем, отец и не настаивал, только каждый раз, когда мы заговаривали о свадьбе, мрачнел и переводил разговор на другую тему.

Только когда в конце октября Лена с дочкой уехали в гости, он пригласил меня поесть шашлыков. К этому времени, мы уже не виделись почти месяц, так что я с радостью согласилась. Осенью вечера стали прохладные. Не было ничего лучше, чем сидеть в саду вечером, накинув на плечи кардиган, вдыхая свежий воздух. Тошнота прошла, чувствовать я себя стала лучше, хотя и быстро уставала. Малыш уже всю дрыгал ножками и ручками, радуя меня каждым движением. Когда я пришла, слегка задохнувшись от подъёма по улице Загородная, отец открыл калитку с бокалом красного вина в руке.

– Ты ещё похорошела, – заметил он, целуя меня в щёку.

– И потолстела, – посетовала я. – Уже не влезаю ни в одно из своих платьев, пришлось купить новые.

– Ничего, как оправишься после родов, начнём бегать, – пообещал отец, оглядывая меня.

– Вот уж не знаю. Разленилась, еле двигаюсь. Маман меня не узнает. Постоянно хочется есть, – при этих словах я почувствовала, как меня лягнули так сильно, словно подтолкнули к столу.

При упоминании о маман, лицо у отца сделалось особенным. Даже не знаю, какими словами это описать. Такую бурю эмоций оно передавало. Тут были и грусть, и любовь, и некое смирение, которое далось с большим трудом. Иногда я думаю: ему было бы легче, если бы мы так и не познакомились. Каждая встреча со мной пробуждала воспоминания, которые накладывались на кризис старшего возраста и вечные мысли о том, что жизнь прошла, а ты так ничего не сделал, не почувствовал, не попробовал. В общем одни сплошные «не» и слишком много «да». Это стало чувствоваться у Маман, которая мёртвой хваткой вцепилась в Виктора и охраняла своё чувство, подобно бультерьеру. Я это поняла, когда предложила ей приехать одной, чтобы я пригласила отца. Ведь не было ничего лучше, чем почувствовать, что у меня тоже, как и у других счастливиц, есть семья. И вот они, родители, пришли на мою свадьбу. Оба такие ещё молодые красивые спортивные. Родители, которым позавидовали бы подруги. Я бы сидела рядом с Максимом и радовалась, что они есть.

Договорить маман не дала.

– Как тебе не стыдно, Дуняра?! – голос у маман стал усталым. – Я тебя вырастила одна, пока твой так называемый отец непонятно чем занимался и знать о тебе не хотел. А теперь, когда я, наконец, встретила свою любовь, ты хочешь испортить мне праздник, не пригласив Виктора. Да как я ему такое объясню?!

– Мам, всё! Я просто так предложила. Приезжай с Виктором.

– Ты не доверяй ему, Дуняра! Если он бросил меня, он и тебя снова бросит. Это пока ему интересно, что у него такая взрослая дочь, а когда это станет привычным...

Мы тогда чуть не поссорились. Я защищала отца, маман злилась и удивлялась. А я и сама не понимала, почему мне, во что бы то ни стало нужно доказать, что тот, которого я ещё совсем недавно именвала зачинателем, хороший, и я его знаю теперь гораздо лучше, чем маман.

– Ну как твои отдыхающие? – спросила я отца, чтобы отвлечь от воспоминаний.

– Съехали, наконец, вот и решил отметить, открыв вино прошлогоднего урожая. Тебе нельзя?

– Полбокала доктор разрешил, – рассмеялась я. – Можно разбавить минералкой, будет целый.

– Ну, тогда другое дело, пошли скорее, – он налил мне полбокала, как только мы сели за стол, уже уставленный закусками и салатами. Добавил минералки. – Давай выпьем за тебя, – я отпила глоточек и, как приличная девушка, поставила на стол. Это мне на целый вечер, торопиться некуда.

– Как твои дела? – спросил он.

– Всё так же хорошо. Гуляем, купаемся, много сплю и много ем.

– Всё, что доктор прописал, – отец посмотрел на меня внимательно. – Ты не скучаешь?

Я догадалась, что он спрашивал про Таркана.

– Максим меня хорошо развлекает, – улыбнулась я. – Мне, как говорится, грех жаловаться. Так ведь только в кино бывает. У нас так много общего: наговориться не можем.

Отец сделал ещё один большой глоток.

– Эх, если бы ты сказала, что ты его любишь. Ты, когда от этого бабника ко мне прибежала, у тебя так глаза горели.

– Пап, ну надо жить дальше. Нам с ним нельзя. У него дочка.

То, что у Таркана родилась девочка, я узнала от Ники. Эта Ляля оказалась женщиной старой закалки: никакого УЗИ делать себе не позволила, и пол ребёнка оставался загадкой до последнего дня его появления на свет. Когда Нике позвонили, мы завтракали, и ей пришлось выложить новость без подготовки. Куда-то вниз у меня ухнуло сердце, я опрокинула стакан с чаем, который держала в руке. Ника так быстро подкатила ко мне на своём кресле, что чуть не опрокинула стол. Мы обе расплакались, потом обнялись. Ника вытирала глаза и называла его дураком, а потом погладила меня по животу. Если бы я не была беременной, то напилась бы в тот день. Эта девочка ещё больше разделила нас. Хотя куда больше?! И всё же я была рада, что не мальчик. Мальчик – УЗИ уже подтвердило – будет у меня.

– Я всё понимаю, но так обидно за тебя, – отец махнул рукой и ещё выпил.

– У меня есть Максим.

– А у меня есть Лена. И ты думаешь, мне было легко все эти годы из-за того, что я предал свою любовь и женился потому, что она была беременна, и все вокруг настаивали?! Она, видите ли, первая забеременела, а потом Лика. Так же и у этого твоего. Даже имени не хочу его называть. И помани моё слово: ему будет так же невыносимо, когда он поймёт, что

совершил. И с каждым годом эта невыносимость и неприятие рядом твоей половины, которая вовсе не твоя, будет расти. Что ты мне на это скажешь?

– Мясо горит, – сказала я, вдохнув воздух.

Отец рванулся к мангалу, я опустила голову на руки. Я со своей судьбой уже смирилась. К тому же отец не знает всего того, что знаю я, а сегодня рассказывать было глупо. Но его состояние мне очень не нравилось. Он был не то, чтобы пьяным, а каким-то заведённым и несчастным. Отец вернулся с шашлыками, которые лишь чуть-чуть подпалились и вовремя прервали опасную тему. Я полила мясо кетчупом и откусила кусочек. Вкус был восхитительный, о чём я тут же и заявила.

– Ладно, кушай. Не буду портить тебе аппетит.

Когда мы доели мясо, отец снова посмотрел на меня долгим взглядом, но я не поддалась на провокацию.

– Пап, у тебя что-то случилось? Ты Лене сказал?

– Сказал, – отец бросил вилку на стол. – Она не хочет ворошить эту старую историю.

– И?

Он молчал, глядя на цветущий куст роз кремового цвета, чей тонкий аромат доносился до меня.

– Не хочет, чтобы мы общались?

Отец грохнул кулаком по столу.

– Не то, чтобы не хочет, а она мне запрещает с тобой общаться. Иначе в городе пойдут слухи.

Воздух стал тяжёлым и каким-то влажным. На лбу у меня выступила испарина, а в голове забилась единственная мысль: неужели он меня снова бросит? Вспомнился последний разговор с маман и предупреждение, чтобы я ему не доверяло. Я поспешно облокотилась на спинку скамейки и вцепилась руками за стол. Всё поплыло перед глазами.

– Ну, ты сам решай. Мы ведь столько лет прожили друг без друга и снова проживём, – сказала я как можно спокойнее.

– Да ни за что на свете?! – заявил отец. – Хватит с меня быть подкаблучником, – он посмотрел на меня. – Ну ты что, глупенькая, глаза на мокром месте. Как ты могла такое подумать?! Я хоть и оказался негодяем по отношению к твоей матери, но не совсем по своей вине. Больше я такого не допущу. Теперь всё в моей жизни будет по-другому. Да и, вообще, устал я так жить, – отец обвёл глазами стол, кусты роз, посмотрел на дом.

– Ты о чём? – удивилась я, испытывая невероятное облегчение от его слов. Никто меня не бросит. Будет у меня и мама, и папа, пусть и не рядом.

– Хочу всё поменять! Надоело! Отдыхающие эти, вечно пьяные, которых надо обслуживать. Экскурсии в одни и те же места. Хочу чего-нибудь другого. В общем, хорошо, что у нас этот разговор произошёл с Леной. Теперь есть повод уехать и начать всё сначала.

– Куда уехать?

– Не знаю пока. Особо и денег нет, несмотря на то, что весь сезон вкалывал. Надо Дашке репетиторов нанимать, чтобы экзамены сдала.

И тут я решилась.

– Пап, а тот ребёнок, из-за которого вы с мамой расстались, он где?

Лицо отца не то, чтобы потемнело, а стало чёрным. Я уже пожалела, что подняла этот вопрос. Но обратно ничего не засунешь.

– Ну если тебе тяжело говорить, то не надо, – я протянула руку и коснулась его руки. – Он вздрогнул. Снова потянулся к стакану, выпил.

– Это и есть моё самое большое наказание, – глухо сказал он. – Ради него я остался с Ленкой. Это ведь я к нему по ночам вставал, укачивал, молочком поил из бутылочки. – Ленка не вставала. А я любил эти бессонные ночи. Возьму Илюшку на руки и выйду в сад, чтобы в доме никого не беспокоить. Тогда ещё родители мои были живы, а малыш так орал, что в соседних домах просыпались. Вот, пойдём мы с ним на кухню, я ему бутылочку подогрею, а себе вина налью белого чуток. Выходим мы в сад, а ночи такие прекрасные. Прохладно, звёзды того гляди на голову упадут. Сядем на скамейку, я ему песенку спою. Мне медведь на ухо наступил, но Илюшке нравилось. Детям ведь главное, любовь родительская и тепло от груди, к которой прижимаешь. Пусть даже не материнская, а молочко у нас от неё имелось. Вот и сидим мы так часов до двух, пока он не уснёт. Тогда мы по кроваткам. Вставать-то рано приходилось, я на стройке работал. Опять же первым вставал, перепелёвывал его и Ленке уже к груди подсовывал, а сам на работу. Голова гудит от недосыпания, а как на него посмотришь, такого розовенького, сразу легче становится. Потом он подрос, я ему велосипед купил, мы по улицам катались. Я гордый такой, папашка. Иду, девушки на меня посматривают, я им улыбнусь и к сынишке. Три годика ему было, когда его забрали. Ещё даже нагрешить не успел, в школу не пошёл, девочку не поцеловал. Я тогда часто задавал вопрос: за что? Я ведь всем ради него пожертвовал, а его отняли. Любил, наверно, сильно. А в книжках умных пишут: отнимают всегда самое дорогое, к чему привязываешься. С тех пор я и не привязываюсь ни к кому. Разве что к тебе, – отец посмотрел на меня, – по щеке у него ползла слеза. Он смахнул её рукой. – И вот, пожалуйста: уже покушаются, – он погрозил в пустоту пальцем. – Но я не позволю тебя отнять, Авдотья. Я дедушкой хочу стать. Может, у тебя сынок будет. Мы с ним будем по набережной на велосипеде кататься и в футбол играть.

– Сынок и будет, ты не сомневайся, – поспешно сказала я, вытирая слёзы. – Я УЗИ недавно сделала.

– Не доверяю я им, но мне тоже кажется, что у тебя мальчик будет. И ещё я думаю: может, если есть переселение душ, то это душа моего Илюшки придёт, чтобы меня утешить. Он такой славный был мальчуган. И ушёл легко, никого не измучал. Расскажу тебе потом как-нибудь.

Мы долго молчали. Мне хотелось отцу пообещать, что сынишку Илюшкой назовём, а потом я вспомнила, что нехорошо называть в честь кого-то: судьбу можно унаследовать. Может, мне, как и маман, имя сверху нашепчут?!

– Так что я решил, что наш разговор с Ленкой – это знак свыше. Я даже вещи уже собрал. У товарища пока поживу, он в командировку уезжает, ему за огородом некому присмотреть. А они пусть тут как хотят. Ведь бабы, а обеда не сварят, всё на мне. А мне это, знаешь, где?!

Я призадумалась: вот это кризис среднего возраста самый настоящий.

– Ну а заниматься чем будешь? Может, у тебя профессия есть? – осторожно спросила я. – Ты же дома не сможешь сидеть.

– Дома с ума сойду. Может, ты это, меня программированию научишь?

– А как у тебя в школе с математикой было?

– Ну трояк.

– А высшую математику изучал?

– Где?

– В универе.

– Какой универ, дочка?! У меня как у Хазанова: кулинарное училище. Зачем в Сочи математика? Если тут деньги на отдыхающих делаются за сезон. Зимой только пьем и проедаем заработанное. Был у меня шанс уехать в Москву с Ликой... Эх, – отец снова потянулся к стакану.

– Пап, ты не грусти, а? Мама она вон себя нашла, праздники организовывать. И так хорошо у неё получается. Может, ты тоже что-то такое...

– Знаешь, я подустал от людей. На стройку тоже не хочется. Программирование не моё.

– Программированию надо учиться пару лет и постоянно быть в тренде. Всё меняется. Тем более, ты с математикой не дружил.

– Забудь, – отец махнул рукой и снова философски посмотрел на куст роз напротив него. Розы были хоть куда и пахли счастьем. Вообще, когда я нюхаю розы, мне всегда кажется, что так должно пахнуть счастье: приторно сладко и недолговечно.

Мы ещё немного посидели, я рассказала папе парочку историй, как люди после пятидесяти начинали новую жизнь, но они его не вдохновили, и я засобиравалась домой. Режим у меня теперь: надо высыпаться ради малыша. Долго-то в Сочи не поспишь: солнце из всех щелей

вылезает и будит. Отец пошёл меня провожать. А по дороге позвонила маман. Голос у неё звенел от счастья. Оказывается, Виктор ей сделал предложение.

– Дуняра, а давай вместе свадьбы наши отметим на Ахуне.

– Где? – мне показалось, маман выругалась, хотя нецензурные слова она не употребляла. Может, от счастья расслабилась?

– На горе Ахун есть ресторан, мне казалось, что там отлично отметить свадьбу. Ближе к Богу, так сказать. Снять всю башню, поставить столики на смотровой площадке. Нике понравится.

Я вспомнила: первые ресторан, в который водил меня Таркан в день приезда. Как же это символично. Ну а, впрочем, какая разница? Милого ведь всё равно из памяти не выкинешь.

– Мам, а кто тебе разрешит столики на смотровой поставить?!

– Ну это смотря как подойти к вопросу. Виктор договорится. Он же экстрасенс. Всех загипнотизирует.

– О, ну если Виктор. Загипнотизирует. Вопросов нет. Можно и в облаках тогда, что уж мелочиться. Кстати, где он?

– Отправила его за кольцом в магазин на Тверскую, – заявила маман, что-то отпивая, видимо, шампанское, – я посмотрела на часы: стрелки приближались к двенадцати.

– А ты что, не поехала с ним?

– Хочу удивиться. К тому же я в пижаме. Французской, чёрной, на плечиках, которую из самого Парижа привезла. Леню переодеваться.

– Ну да, из Парижа, сделанной в Китае, – не удержалась я от сарказма. Но тут же поправились: Поздравляю, мам! Надеюсь, вы будете счастливы, – я покосилась на отца, у которого, казалось, даже правое ухо раскрылось, словно цветок.

– О, я уже счастлива, поэтому и его отправила. Хочу насладиться моментом. Побывать одна. Мне первый раз в жизни сделали предложение. А с мужчиной ничего не почувствуешь, ну, кроме оргазма, конечно.

– Ма-ма, – укоризненно протянула я.

– Ну что, мама?! Ты же у меня взрослая. Сама знаешь: без этого никак. А ты где, кстати?

– Тебе не понравится ответ.

– С Вовкой что ли? Скажи ему, что я выхожу замуж и очень счастлива.

– Ты как ребёнок. Давай я перезвоню из дома, – предложила я.

– Дай ему трубку! – потребовала маман! – Я сама скажу.

– Мам, ты счастлива и наслаждайся своим счастьем, – я уже хотела нажать на отбой, как вдруг услышала знакомый сигнал домофона, который почему-то орал у нас на всю квартиру и с этим никто не мог ничего поделать.

– Ой, Виктор идёт с кольцом. В дверь звонит. Не успею уже. Целую, Дуняра! – маман отключилась, я выдохнула. Что было бы, если бы мама после принятого шампанского поговорила бы с папой после принятого белого вина? Но, к счастью, экстрасенсы успевают вовремя! С кольцом!

Я молча шагала рядом с отцом.

– Ну что там происходит? – не выдержал он первым.

– Маман замуж выходит. Её знакомый экстрасенс сделал ей предложение.

– Ну вот, я опять опоздал, – отец, как мальчишка пнул, валявшийся на дороге камень. – А что намечается на Ахуне?

Вот, что значит местный! Название расслышал через расстояние.

– Пап, ты только не переживай. Маман сегодня выпила слишком много шампанского, и у неё появилась странная идея, – я хихикнула, представив, как это Виктор потребует, чтобы нам разрешили отпраздновать две свадьбы на башне. Впрочем, я как-то была свидетелем, как он договаривался, что мы посидим в кафе со своим шампанским. При словах официанта «у нас не принято», он одарил работника таким взглядом, что тот тут же сделал исключение.

– Я не спрашиваю, сколько она выпила, – отец разозлился ещё больше.

– Маман хочет отметить обе наши свадьбы на Ахуне. Ну распишутся они в Москве, а потом сюда. Мне кажется это забавно.

– А мне вот не кажется это забавным. Лика приедет в Сочи, чтобы выйти за другого.

– Ну она выйдет, ещё в Москве, – сказала я, как будто это могло иметь какое-то значение. – Распишутся в Москве, в смысле. Слушай, ну вы разные люди уже. Может, даже бы и не понравились друг другу.

– И, вообще, это мы собирались нашу свадьбу праздновать на Ахуне.

– О! Мне так жаль, – я взяла его под руку. – Пап, ну это было так давно. Что уж теперь?!

– Она его любит?

Я вздохнула.

– Ну как можно не любить экстрасенса?

– То есть он её заколдовал?

– Пошутила, – испугалась я. – С отца ещё станется какую-нибудь бабку найти, чтобы с мамы чары снять. – Просто с ним интересно. Он видит будущее, прошлое. Именно он меня убедил, что надо в Сочи приехать.

– Ну за это хоть ему спасибо.

– Мама с ним счастлива. Да и замуж хоть раз в жизни выйти надо.

– Ладно, – ещё один камень с дороги отправился в канаву. – Я ей желаю счастья.

Мы подошли к дому, поэтому отец чмокнул в щёку и быстро направился назад. Думаю: голова у него будет завтра болеть основательно, поскольку даже по его спине было видно, как ему требуется анестезия прошлогоднего урожая.

Глава 19

Когда маман позвонила снова, голос у неё был деловой. Заявление они подали, их распишут за день до нашего бракосочетания. После этого они сразу прилетят в Сочи.

Я спустилась вниз, раздумывая над новостью. До сих пор не верилось. Всё ведь может произойти, несмотря на поданное заявление с нашей-то кармой. Я посмотрела на кольцо, погладила его пальцем и совсем по-детски прошептала: помоги нам. Кольцо так сверкнуло, что я посмотрела вокруг: не проскочил ли где-нибудь лучик солнца. Нет, это сверкнуло кольцо, а мозг словил фразу: «Глупостей не наделяй и всё хорошо будет». Я даже на диван присела от неожиданности. «Буду вести себя паинькой», – прошептала я, услышав знакомый звук приближающейся Ники на кресле. Потом раздался голос Николая. Оказывается, он тут ночевал. Забавно, что каждый раз, я ловила на их лицах смущение, словно им было неудобно, от того, что мне становилось понятно, что они вместе провели ночь. Хотя чего уж там неудобного?! Надо радоваться, что в таком возрасте, им хочется заснуть вместе.

– Авдотья, у тебя какой-то загадочный вид, – заметила Ника после того, как мы обменялись поцелуями.

– У меня хорошая новость. Мама выходит замуж.

– Ого! – Ника захлопала в ладоши. – И когда же свадьба?

Я хихикнула.

– У мамы появилась забавная идея: отметить обе свадьбы одновременно, – пока я рассказывала про Ахун и смотровую площадку, заметила, как Ника выразительно посмотрела на Николая, от чего тот смутился и погладил её по плечу.

– Что-то не так? – спросила я.

– Отличная идея. Люблю это место и всегда мечтала отметить там свадьбу. Правда, свою, но это неважно.

Вдруг Николай плюхнулся на колени перед Никой:

– Дорогая, никак не мог решиться, но сегодня понял: хочу, чтобы ты стала моей женой.

Ника отвернулась. Я подумала: она его отругает, скажет, что за глупости в нашем возрасте?! Оказалось, она пыталась справиться со слезами.

– Ты хорошо подумал, милый? Ведь мне исполнилось восемьдесят лет, и я вот..., – Ника облокотилась руками на кресло, – даже не стою на своих ногах.

– Для меня имеет значение только твоя душа. Извини, что без кольца.

При этой сцене у меня защипало в носу. Кто-то бы сказал: старые дураки, а я подумала, что любовь прекрасна в любом возрасте, а сияние счастливых глаз затмевает морщинки. Мне показалось, что счастье смыло возраст с их лиц, и неожиданно для себя я увидела их молодыми. Ника стояла в туфлях на каблуках рядом с Николаем и была выше его. Волосы у неё были пострижены и завиты по моде тридцатых годов. Ну вот и ещё одна парочка из прошлого, которой больше повезло, чем нам.

Когда мы немного успокоились, Ника спросила:

– Ну что, надеюсь, никто не будет против, если мы присоединимся третьей парой молодожёнов?

Мы все залились счастливым смехом. Максим будет в восторге от нашей семейки.

– Это будет круто, – уверила её я. – Тогда нам точно отдадут башню Ахун.

– Даже не сомневайся. Я знаю, кому надо позвонить. У меня там знакомые. Есть официантка, которая обслужит как надо. Авдотья, а когда вы расписываетесь?

– В два часа.

– Ну значит, нам надо раньше или чуть попозже время выбить.

– Там очередь, – вставила я. – Так что вы поторопитесь. Времени осталось не так много.

Ника схватила телефон, но Николай мягко взял её за руку.

– Дорогая, давай сначала позавтракаем. Уверен, ты всё устроишь в лучшем виде. К тому же нам надо поехать и купить тебе кольцо.

– Кольцо? Это так мило. Стоит дожить до восьмидесяти, чтобы это услышать.

Я улыбнулась, подумав, что все мужчины сделали нам предложения спонтанно и без колец, и это тоже было символично. Всё было символично. Даже то, что когда-то маман с отцом собирались играть свадьбу на Ахуне. И ведь пришло же ей в голову, хоть и с другим, исполнить давнюю мечту. Уверена: она поторопила Виктора, чтобы всё подстроить. Маман просто не могла приехать в этот город одинокой. А вот с кольцом на пальце, пожалуйста.

Пока Николай занимался приготовлением праздничного завтрака из остатков продуктов в холодильнике, Ника взяла мою руку и погладила кольцо.

– Спасибо Марии. Это счастье благодаря тому, что она осталась с нами. Посмотри: как всё складывается: три свадьбы одновременно, и у тебя ребёночек будет. Ты ведь не скучаешь по Таркану?

Ну вот, ещё одна. Как я могу не скучать по отцу моего ребёнка?! Хотела бы, но не могу. Не в моей власти убить любовь.

– Максим меня отвлекает, – уклонилась я.

– Максим хороший. Таркан никогда не стал бы таким мужем, как он. Постепенно всё забудется, милая, – Ника пожала мою руку. – Время лечит всё. Да и ведь вы уедете отсюда? Правда?

Мы думали с Максимом, где будем жить и так ни на чём не остановились. Он был из Петербурга, там у него осталась квартира, которую он сдавал. Я уже скучала по буйному ритму столицы, мечтала побродить по бульварам и сходить в театр. Но и Сочи мы оба полюбили всей душой. К тому же понимали: ребёнка лучше растить на море. В итоге решили, что сначала надо родить, а уж выбрать, где жить, всегда можно. Так я Нике и сказала.

– Ну и вырастить, – улыбнулась она. – А вот учиться, конечно, в Москву или Питер. Вы счастливы, можете выбирать из лучших городов.

– Это точно, – я подняла голову, пригнувшись. Пахло изумительно. Живот заходил ходуном. Похоже, у моего малыша уже развито чувство обоняния, несмотря на прослойку моего тела.

– А мне повезло с мужем, можно сэкономить на кухарке, – подмигнула мне Ника.

– Это точно, – согласилась я, глядя, как улыбающийся Николай ставит на стол огромную сковородку. Глазунья с беконом и помидорами.

После завтрака, отнюдь не диетического, я развалилась в шезлонге, который принёс Максим, чтобы мне комфортнее работалось. Ко всем плюсам, о которых нужно сказать, Антоныч с пониманием отнёсся к моей беременности, с условием, что я, несмотря на декретный отпуск, буду поддерживать сайт в боевой готовности. Я с радостью согласилась, понимая, что без работы мозг закиснет. Вот и сегодня утром, один из прежних заказчиков дал рекомендацию своему другу, которому срочно требовалась переделка сайта и обслуживание.

Так что я, отменив прогулку на море, погрузилась в работу. Днём позвонил Максим. Из отпуска вернулась его сестра, и мы приглашены на день рождения.

– Ты ведь составишь мне компанию? – спросил Максим. – Мне бы хотелось вас познакомиться.

– Эта та самая сестра, благодаря которой мы встретились на свадьбе? – спросила я, отчего-то начиная волноваться.

– Я понимаю, о чём ты говоришь и уточню, кто будет.

Я вернулась к работе, но никак не могла сосредоточиться. Перезвонил Максим.

– Их не будет, – сказал он коротко. – Ляля уехала с дочкой к родным. Ну а с ... – Максим сделал многозначительную паузу, – они не поддерживают отношения.

– Тогда идём, если тебе не стыдно, что я такая толстая.

– Для меня ты всё равно самая красивая, – с нежностью сказал Максим. – Заеду за тобой в шесть. – День рождения будет в «Замке Двин», так что далеко ехать не придётся.

Я немного успокоилась, но работа как-то не спорилась, и я прилегла в спальне с книжкой, которая скоро вывалилась у меня из рук. Проснулась в четыре. Малыш всю сучил ножками, требуя пропущенного обеда. Быстро заглотив бутерброд с сыром, чтобы утомить его, я вернулась в комнату, чтобы решить, в чём я пойду. Пройдясь по вешалкам, я отмела те платья, в которые точно не влезала. Остались только пляжные варианты, которые я покупала, чтобы потом выкинуть. Идти было совершенно не в чем. И вдруг, в самом уголке, нашлось свободное зелёное платье, которое я надевала, когда встречалась с Тарканом. Задвинутое в самую глубину шкафа от непрошенных воспоминаний, оно сиротливо лежало, упав с плечиков. Я взяла его в руки. Платье идеально подходило для праздника. У него был обтягивающий лиф, а дальше оно спускалось свободными складками. Я носила его с тонким пояском, чтобы подчеркнуть талию. А если отказаться от пояса? Я стянула майку, шорты и облачилась в платье. О чудо, оно сидело как надо и скрывало живот. Не то, чтобы совсем, но людям, не знавшим меня несколько месяцев назад, вполне могло показаться, что я немного полновата, а вовсе не беременна. Пока я смотрела на платье, поплыли воспоминания о Таркане. Я поднесла платье и понюхала, надеясь вдохнуть аромат его туалетной воды. К моему счастью, платье ничем не пахло и я, ругнув себя за сентиментальность, отправилась за утюгом, чтобы разгладить следы былого пренебрежения на зелёном шёлке.

– Чудесно выглядишь, – обрадовался Максим, целуя меня. – Ну-ка, повернись.

Я покрутилась.

– Даже ничего незаметно.

– Раньше я носила его с поясом, – вздохнула я, думая о том, что ещё через пару месяцев пузико не скроешь даже в пальто.

Максим приехал на такси. На сидении лежал букет красных роз, обрезанных и заключённых в круглую коробку, напомнивший шляпку дорого одетой, но обделённой вкусом женщины.

Через десять минут мы были в «Замке Двин». Когда-то раньше – как рассказал Максим – здесь был южный лес, куда местные приходили на шашлыки. Позже место выкупили и

устроили ресторан. Пройдя через танцпол, где в медленном танце двигалась парочка, мы поднялись немного выше к нашему столику, который спрятался за белыми занавесками. Увидев Максима, рыжеволосая девушка взвизгнула и бросилась ему навстречу. Она выглядела забавно: её кудрявые рыжие волосы были закручены в два пучка, напоминавших рожки, фигуру скрывал джинсовый комбинезон с огромными дырками на коленках. Расцеловавшись с Максимом и приняв от него букет, она повернулась ко мне и чмокнула воздух рядом с моей щекой.

– Авдотья, очень приятно. Максим столько рассказывал о вас, – она бесцеремонно меня оглядела, отчего я сконфузилась и попыталась втянуть живот: сказала привычка выглядеть безупречно стройной. Не знаю, подумала ли она, что я беременна или просто располнела. Сейчас я даже не знала, что лучше. – Я Женья, – наконец, сказала, посмотрев мне в глаза.

Имя к ней не шло, так же, как и наряд. Странно, что Максим ни разу не упомянул, как её зовут.

– Очень приятно, – банально проговорила я.

– Я рада, что в царстве рыжих прибыло, – рассмеялась Женья и тут же с таким же визгом побежала встречать следующих гостей. Максим помог мне сесть, и я, спрятав живот под стол, почувствовала себя лучше. Ещё лучше было бы, если бы я могла выпить бутылочку шампанского. Эти дразнящие дозы полбокала ужасно надоели. К тому же, не знаю почему, я нервничала.

Из гостей я никого не знала, и пока Максим общался с родственниками, подчищала тарелки с салатами. Чувство голода, так же как и тревоги не исчезало. Доза моя давно закончилась, и я выпила пару глотков из бокала Максима, отчаянно завидуя веселящимся гостям.

Вечер близился к середине, когда Женья заявила, что все должны танцевать. После быстрого танца, заиграла медленная музыка, и Максим потянул меня к танцплощадке. Танцевать с ним оказалось приятно. Он не топтался на месте и в то же время не выделял бесконечных «па» по площадке. Мне было уютно в его тёплых надёжных руках. Маман водила меня на танцы в детстве, а позже я продолжила заниматься в кружке балльных танцев: так что я умела чувствовать партнёра. Максим сделал очередной поворот, так что мы оказались лицом к входу, и я увидела Таркана. Он был в компании двух друзей, они оживлённо разговаривали, но, увидев меня, он умолкнул на полуслове. Я пропустила поворот, сбилась с такта и почувствовала, что задыхаюсь. Максим поддержал меня и поднял голову.

– Откуда он здесь?! – слетело с его губ, и тут же мы оба увидели, что подросевшая официантка сажает их за столик рядом со сценой.

Музыка закончилась, Максим повёл меня под руку к нашему шатру. Спиной я чувствовала: Таркан следит за нами. Добравшись до стола, я схватила бокал с шампанским и сделала большой глоток.

– Ты что?! Тебе нельзя! – Максим отобрал у меня бокал. – Если хочешь, мы сейчас же уйдём.

– Это будет выглядеть бегством, и я не хочу портить тебе праздник.

– Да какой уж теперь праздник?! – Максим, не дожидаясь тоста, залпом махнул рюмку водки.

– Может, он сюда не сунется?

Я вовсе не была в этом уверена – надо знать Таркана! – и вскоре увидела, как Женя уже тащила его за наш стол, представляя слегка запинаящимся голосом:

– Друзья, знакомьтесь: Таркан. Муж моей школьной подруги, которая сейчас в отъезде. Новоиспечённый отец, кстати. Так что, девушки, руки прочь. Таркан, скажи тост, – потребовала Женька.

Я слышала только его голос, не понимая смысла. Голос, от которого раньше у меня в животе порхали бабочки, а теперь всю бил ножками, словно узнал его, наш малыш. Я не поднимала на Таркана глаз, но чувствовала его обаяние, которое окутало присутствующих. Наверно, он сказал, что-то смешное, потому что вокруг захлопали в ладоши и потянулись к нему чокнуться. Я подняла свою минералку, стараясь, чтобы моя рука не дрожала.

– А-а-вдотья, – пропел он, когда наши бокалы соприкоснулись. Не повинуюсь разуму, а подчиняясь чему-то высшему, я подняла на него глаза. Он улыбался.

Я поставила бокал с водой, так и не отпив. Таркан тут же отвернулся и начал сыпать комплименты сидевшим рядом с ним девушкам. Те пьяненько хихикали и вовсе не возражали, когда он клал им руки на плечи.

Как хорошо, что Максим никогда так себя не поведёт. Всё-таки в жизни бывают правильные вещи, думала я, поедая с остервенением очередной салат.

– Максик, подай вон ту рыбку, – попросила я, указывая на блюдо перед носом Таркана. Максим положил мне пару кусочков, нежно коснулся плеча:

– Я отойду ненадолго, милая.

– Не задерживайся, мне будет скучно, – пропела я, вновь что-то откусывая.

Когда он скрылся из виду, Таркан тоже встал. Я снова уткнулась в тарелку, делая вид, что голодна. Его голос прозвучал со всем рядом:

– Потанцуй со мной, А-авдотья.

Я оторвалась от тарелки. Окинула взглядом присутствующих. Казалось, здесь не было бабёшки, которая бы не поменялась со мной местами.

– Я не танцую, извини.

– Ты танцуешь, А-авдотья! – меня выдернули со стула и поставили на пол. – Тебя вынести на танцпол или сама дойдёшь? – его карие бархатные глаза смотрели с усмешкой. Все остальные с любопытством, которое я чувствовала по смолкшим разговорам. Малыш уже начал свой танец. Если мы прикоснёмся друг к другу, он почувствует, что живот ходит

ходуном. И всё же я понимала: у меня нет выхода. Максиму нельзя было уходить, подумала я, ухватившись за подставленный локоть Таркана. Очень странно, но я шла с трудом, чувствуя себя пьяной только от его присутствия. Ещё отчего-то счастливой. Мои руки покрылись мурашками. Может, я имею права на танец? Всего лишь на танец?! Не на жизнь, ни на час, а на три минуты, которые длится песня.

Положив ему руки на плечи, я поняла магию танца. И магию круга. Отчего-то мне вспомнилось, как маман – тогда она училась в очередной духовной секте – рассказывала: для того, чтобы желание исполнилось, они все садились в круг, чередуя мужчину и женщину, держались за руки и проговаривали загадываемое. Физика соприкосновения. Мощнейшее усиление энергии. Когда мы коснулись друг друга, нас коротнуло так, словно кто-то соединил оголённые куски провода, и наши тела в тот же миг завопили: как долго нас держали друг без друга?

– Белочка, какая ты чудесная, – зашептал мне на ухо Таркан, крепче прижимая меня к себе. Против моей воли, наши тела, хоть и не так плотно, как раньше, соприкоснулись.

– Что это? – спросил он через несколько мгновений.

– О чём ты?

Я попыталась отодвинуться, но он стиснул меня ещё крепче, заставив идти за собой. Танец втроём. Малыш, радостно двигался, пытаясь доказать, как здорово, когда родители и дитя вместе. Кто бы спорил?! На миг, когда я поправляла волосы, перед моим взглядом яростно запыхало кольцо. Как я могла забыть, что нам нельзя?! Это провокация. Прости, малыш, не те у тебя родители. Я увидела возвращающегося Максима, который ещё нас не видел. Я быстро убрала руки с плеч Таркана, разомкнув священный круг танца.

– Извини, мне надо в туалет, – сказала я, почти бегом удаляясь в сторону основного здания.

Я зашла в туалет, заперла дверь. Мои щёки покраснелись, а в висках стучало так, что я боялась потерять сознание. В дверь постучали, яростно задёргав ручку.

– Занято! – прокричала я и включила воду. В следующее мгновение, я услышала треск, вылетела щеколда, а Таркан стоял передо мной. Его глаза сверкали, грудь вздымалась так, что две пуговицы расстегнулись.

– Ты беременна! – сказал он, хватая меня за руки. – Почему не сказала?

Я собрала всё обладание в кулак:

– Я сказала отцу ребёнка. Причём здесь ты?

Его лицо вмиг стало бледным, брови превратились в одну мохнатую черту. Мне показалось, что он меня сейчас ударит, но Таркан только крепче схватил мои руки и прижался ко мне.

– Может, я идиот, но чувствую, что это мой ребёнок. Он узнал меня. Вот, послушай, – Таркан прижал руку к моему животу, и мы оба услышали толчки. На моих глазах выступили слёзы. Это было чересчур. Таркан опустился на колени и прижался головой к моему животу.

– Милый, скажи что-нибудь папе.

На момент мне показалось, что малыш пробьёт живот, так яростно он толкался, словно уже сейчас хотел вылезти на свет, чтобы соединить нас. По моему лицу текли слёзы. Мне так хотелось прижаться к кудрявой голове Таркана и прошептать: он твой, и мы оба любим тебя. Любим так сильно, что готовы пожертвовать своими жизнями за тот краткий срок, который будет отпущен нам. А кто знает, может это будет лучше, чем вся наша спокойная жизнь без него, к которой я себя готовила? И, вообще, может всё это мне предвиделось, и мне нужно снять кольцо и кинуть его в море. Да, я не смогла, не справилась, положила на судьбу. Ведь Бог, если он существует, не дал бы мне ребёнка, если был бы против, чтобы родители были вместе? Ведь это же так естественно.

Таркан встал и, собрав в руку мои волосы, оттянул моё лицо, чтобы нависнуть над ним:

– Не смей мне врать! Это мой ребёнок?!

И в этот момент я произнесла единственную фразу, которую я не смогла бы выговорить в тот момент, поскольку моё сердце переполнялось от нежности и желания, которого я не испытывала уже несколько месяцев. Вероятно, кто-то сверху заставил шевелиться мои губы.

– Я не знаю.

Лицо Таркана стало суровым, словно он собирался выйти на ринг.

– Что, значит, ты не знаешь?!

Повисла пауза, и вдруг я чётко увидела последующие события. Маман расстается с Виктором, Ника с Николаем. Максим лежал в луже крови, а я сидела в Никином кресле с высунутым языком.

– Нет! – закричала я. – Я не знаю, чей это ребёнок. Я спала с вами двумя одновременно. С тобой и с Максимом.

– Шлюха! – по моей щеке полыхнуло огнём пощёчины, я шагнула назад, стукнулась об стену и закрыла глаза от боли. – Такая же шляха, как все! – по моей щеке ударили ещё раз, потом хлопнула дверь, и я осталась одна.

Я прижалась спиной к двери и закрыла глаза, оглушённая пощёчинами. Он ударил меня. Как он мог?! Никто не касался меня пальцем. Маман наказывала в детстве, но ни разу не шлёпнула. От обиды и я чувствовала, что мои глаза наполняются слезами, которые стоит дать им волю, прольются сплошным потоком. А я никак не могла позволить себе выйти к гостям зарёванная. К тому же я не хотела, чтобы Максим о чём-нибудь догадался. Я начала глубоко дышать, чтобы успокоиться. Потом умылась холодной водой и посмотрелась в зеркало. На щеках горели две полосы. Подкрасив губы, я вышла. Возле туалета никого не

было. Я прошла по коридору и увидела стоящего у окна Таркана. Я ускорила шаг и почти врезалась в Максима, завернувшего за угол.

– Где ты была? – спросил он. – Ты странно выглядишь.

Ответить я не успела. За моей спиной появился Таркан.

– Слышь ты, рыжий, перестань так преданно заглядывать ей глаза. Она шлюха. Спала с нами обоими. Ты никогда не узнаешь, кто отец ребёнка.

Максим побледнел, бросил на меня быстрый взгляд, а когда понял, что произошло, быстро развернулся и ударил Таркана кулаком в лицо. Тот что-то прорычал и нанёс ответный удар. Вскоре они уже катались по полу, мутузя друг друга. Я в ужасе смотрела, прижав руки к пылающим щекам. Не будь я беременной, попыталась бы разнять их. Но я окаменела. Мне даже не было страшно. К счастью, в коридоре появилась женщина, которая взвизгнув, выбежала. Тут же возник охранник бандитской наружности, который растащил их, как котят. Таркан сплюнул в сторону и вытер кровь с разбитой брови.

– А ничего ты его приручила, – хмыкнул он.

Наши взгляды встретились, в его карих глазах появилось спокойствие. Похоже, драка принесла облегчение.

Максим снова рванулся к нему, но тут же был пойман охранником.

– А ну-ка разойдись! – командным голосом приказал он. Таркан пошёл к выходу. Я повернулась к Максиму. Из носа шла кровь, под правым глазом нарисовывался синяк.

– Умоюсь, – буркнул он и исчез.

Ну и день рождения. Надо было уходить, когда Максим предложил. Случилось всё, чего я боялась и даже больше.

Максим вышел из туалета и подошёл ко мне:

– Ну что, повеселились, пойдём потанцуем?

– Спасибо, что вступился, – я погладила его по щеке. – Очень больно?

– До свадьбы заживёт. Жаль, я мало этому поганцу лицо поправил.

Отчего-то я была уверена, что за столом вышеупомянутый снова стал объектом женского внимания и каждая так и норовит отереть ему салфеткой кровь.

– Поехали домой. Я устала, – сказала я.

– Конечно, – Максим обнял меня за плечи. – Ты не хочешь рассказать, что произошло?

Всё, что мне хотелось: укрыться одеялом и уснуть. Может, завтра эта история покажется менее гадкой.

– Позже, – буркнула я, прижимаясь к Максиму, остро понимая разницу в соприкосновениях тел. Огонь желания и спокойствие защищённости. Таркан и Максим. Любимый и друг.

Глава 20

С утра на меня навалилась такая тоска, которой мне кажется я не испытывала даже после свадьбы Таркана. Включив посильнее кондиционер и задёрнув шторы, я осталась в постели и включила телевизор, но, увидев на экране целующуюся парочку, тут же переключила на другой канал. В одиннадцать в дверь постучали. Появился Николай.

Я натянула повыше простыню.

– Доброе утро! Ника волнуется, всё ли в порядке? – спросил он, вглядываясь в моё лицо.

Да ничего не в порядке. Танец обнажил правду, которую я тщательно скрывала от себя, разыгрывая если не счастливую, то спокойную невесту. Несколько раз я брала в руки телефон, чтобы позвонить Максиму и сказать, что свадьбы не будет. Он найдёт другую и будет счастлив. Мужчины всегда кого-то находят. А я уеду в Москву и буду растить ребёнка в одиночестве, так же, как и маман. Повторение судьбы. Она справилась и я справлюсь. Может, вот тоже потом найду какого-нибудь Виктора.

– Да, всё хорошо. Небольшая слабость, – я выдавила улыбку.

– Принести тебе завтрак в постель? – участливо спросил Николай.

– Я не хочу есть.

– Надо покушать, хотя бы немного, – Николай улыбнулся. – Для малыша.

Я прижала руку к животу. Милый, прости, я думаю только о себе.

– Хорошо, я спущусь. Только умоюсь.

Николай закрыл дверь. Так и не открывая штор, я прошлёпала босиком в ванную и заставила себя влезть под душ. Зачем я только пошла этот дурацкий день рождения? Ведь всё было так хорошо, а сегодня у меня нет сил открыть шторы и улыбнуться солнышку, которое так люблю.

Я ковыряла вилкой яичницу, заставляя себя есть и стараясь не смотреть на весело переговаривающихся Нику и Николая, но они всё же втянули меня в разговор, и мне стало лучше. Решила поработать у себя в комнате. Правда, шторы так и не открыла. Углубилась в мир формул и кода, как всегда найдя в нём своё спасение. Яркий мир за окном по-прежнему причинял боль.

Телефон по привычке лежал рядом, я иногда поглядывала на него, ожидая сообщения от Максима и опасаясь его. Боялась поддаться минуте слабости и написать что-нибудь не то. Я могла бы пожелать ему счастья с другой. Вспоминались слова отца, как горели у меня глаза,

когда я пряталась у него от Таркана, и его собственное откровение, что каждый прожитый день с нелюбимой женщиной становится ещё тяжелее, чем предыдущий. К обеду никаких знаков от Максима не появилось, я решила позвонить отцу.

Его голос был таким тёплым, что глаза защипало.

– Ты не представляешь, как я рад, когда ты звонишь, солнышко.

– Как ты? Где ты?

– Я ещё здесь, присматриваю за чужими огурцами, – усмехнулся он. – Декорации поменялись, миссия осталась. Переворочил все объявления, позвонил в десяток мест, но, похоже, такие, как я уже вышли в отставку или имеют свой бизнес вроде того, к которому я решил не возвращаться.

– Ты что-нибудь придумаешь, – воодушевлённо сказала я. – Я верю в тебя.

– А ты знаешь, я не отчаиваюсь. Когда сжигаешь прошлое и настоящее, будущее обязательно появится на горке пепла.

– Может, я могу чем-то помочь?

– Если только научить меня программированию, но я думаю, ты права, я слишком туп и стар.

– Я могла ошибаться. Недавно один мой знакомый, у него своя дистанционная школа, выложил историю, как у него был ученик, которого было пятьдесят лет, и он стал лучшим среди его учеником, что он был счастлив взять его в свою команду, но тот нашёл более высокооплачиваемую работу и отказал ему. А в самом начале его пути он считал его бесполезным, так медленно он двигался и задавал столько вопросов. И, вообще, у меня же должны быть в кого-то способности. Это явно не в маму, которая чувствует себя в своей стихии, когда вокруг неё полно людей, которым она придумывает развлечения.

– Узнаю Лику, – тихо сказал папа.

– Если хочешь, я могу прислать тебе ссылку на курсы. Попробуешь поделать уроки после полива огурцов и посмотришь насколько это твоё.

– Но ты сказала, что если у меня было плохо с математикой...

– Забей и забудь! Я могла ошибаться. Выводы сделаешь сам. И если ты поймёшь, что это твоё, дальше я тебе помогу. Поедем работать в Москву. У меня бывают простые заказы, за которые я не берусь, буду перекидывать тебе. В любом случае ты поупражняешь свой мозг.

– Поехать с тобой в Москву самое великое счастье для меня, – сказал отец с такой радостью, что я подумала: хорошо, что маман к тому времени уже будет надёжно замужем. – Но ведь, если я пойму, что не потяну, ты разочаруешься во мне.

– Ну что за глупости?! Я уже очарована тем, как ты общаешься с людьми, водишь экскурсии и делаешь прыжки на скамейку, – я хихикнула.

– Знаешь, я устал от чужих людей. Они всю жизнь рядом со мной. Живут в моём доме, ездят в моей машине. Даже едят за моим столом. Я бы хотел тихо сидеть и работать.

– Вот! Значит, попробуй. В любом случае, если ты хочешь тишины, есть много работ в интернете. Как у тебя с компьютером? Основные программы знаешь?

– Уверенный пользователь, как я написал в резюме.

– Отлично, тогда давай мне электронную почту, я вышлю тебе ссылку. Первый курс бесплатный, так что ты ничего не теряешь.

– Ты золото. Как я жил тебя все эти годы?! Может, приедешь ко мне поужинать? Я шашлычок приготовлю. Здесь отличная дача в горах.

– Легко, – согласилась я, подумав, что если проявится Максим, у меня будет повод с ним не встречаться.

Может, если с Максимом не сложится, а у меня родится ребёнок, мы будем жить втроём в нашей московской квартире?! Маман уже почти съехала к Виктору, а после свадьбы сказала, что перевезёт оставшиеся вещи. Отец станет отличным дедом. Хотя всё ещё может измениться, если отец вдруг решит вернуться домой. Хотя зачем? Дочь он вырастил, Лену не любит. Моё настроение ещё улучшилось, я спустилась вниз и с аппетитом перехватила овощи с холодным куриным рулетом. После ухода домоправительницы, Ника так и не завела кухарку. Наверно, из-за того, что Николай оставался ночевать. И было бы неприлично, если бы утром видели, как он выходит из её спальни. Я хихикнула и поняла, что готова увидеть солнце. В конце концов, помимо любви в жизни есть много чего хорошего. Я даже вышла на балкон под его палящие лучи, дав себе слова больше не думать о Таркане. Слишком много жертв потребует наша любовь, чтобы на неё согласиться. Солнце обожгло мою охлаждённую кондиционером кожу, смеясь над моими горестями, а безупречно синий цвет неба наполнил покоем. Внизу бирюзой сиял бассейн, цвели обрамляющие красные рододендроны, веселились, наклоняя в такт лёгкому ветерку головки ромашек. Пахло морем.

Возвращаясь от отца, я думала над нашим разговором. В этот раз он пополнил мою трезвую компанию. Мы пили наш любимый жасминовый чай и серьёзно разговаривали. И он подтвердил всё, что говорил раньше о его отношениях с Леной. Возвращаться он к ней не собирался, справедливо считая, что его долг исполнен. Дочери уже семнадцать: она находилась в том возрасте, когда более важна собственная жизнь. К тому же она по характеру оказалась ближе к матери: любила поспать, поесть, поваляться перед телевизором. Они любили шопинг, фастфуды и с нетерпением ждали очередной серии «Блестящего века», чтобы залечь на диване с чипсами и колой. В горы они ездили только на пикник, на море ходили, когда вода прогревалась до температуры домашней ванны, чтобы лежать на матрасе, не утруждая себя лишними движениями.

В общем, было странно, что при такой разнице в характерах они продержались так долго. Отец с печалью – уже трезвой, а не под воздействием алкоголя – констатировал факт, что жизнь он пропустил или подарил другим людям, которые вовсе не были близки ему по духу. Расплата за то, что потерял свою любовь. «Любовь это главное на свете. Запомни это и не

повторяй моих ошибок», – сказал он и добавил, что он даже не хочет спрашивать, как у меня с Максимом. Он знает, что никак. В свою очередь я расчувствовалась и призналась, что на самом деле люблю Таркана. Рассказала про вчерашнюю встречу, умолчав про пощёчины.

К моему удивлению, отец обнял меня за плечи и грустно сказал:

– А ты ведь тоже не боролась за свою любовь, солнышко. Так же как и я.

В ответ я рассказала про карму, про свадьбы и Марию. Про то, что нам нельзя быть вместе и что даже наш ребёнок под угрозой.

Он долго думал, пил чай, смотрел в сторону, а потом вскинулся:

– Знаешь, а я бы всем рискнул. Есть определённая программа, с которой каждый человек приходит в жизнь. Есть там и день рождения, и день ухода. Я вот пожертвовал своей любовью ради своего сына, а его всё равно забрали. Такой маленький у него был срок. Он пришёл в эту жизнь, чтобы наказать меня за нерешительность и за слабость характера. Ведь если бы я удержал тогда Лику, у меня бы родилась ты и я, хоть и переживал бы за него, но это не было бы для меня таким сумасшедшим горем, как тогда, когда я остался с нелюбимой женой в пустом доме. И только я чуть-чуть ожил, как там наверху, распорядились, чтобы один за одним ушли мои родители, уход за которыми я выбрал, вместо того, чтобы нестись за Ликой, когда она ещё меня ждала. А потом появилась ты, моя чудесная дочь, чтобы я окончательно понял, что жизнь моя одна сплошная ошибка под названием – потеря любви. Не верь никому, кроме своего сердца.

– И что мне делать?

– Тебе решать. Подсказки будут, ты только не спеши.

Я ехала домой в полном смятении. Я вдруг осознала себя трусихой. На самом деле я боялась всего. Боялась сделать хоть один шаг, чтобы причинить вред кому-нибудь.

Не успела я войти, как почувствовала: что-то произошло. Оно висело в воздухе. Я принялась: аромат роз. Их было так много, что Ника поставила их в напольную вазу. Мой любимый цвет: бордовый. Я подошла к ним и окунулась в их мягкие лепестки, щекочущие мой нос. Это был запах любви и желания. Перед моими закрытыми глазами вдруг пронеслись картины, как мы с Тарканом занимаемся любовью. Я окунулась в воспоминания, не услышав характерного звука движущихся колёсиков Никиного кресла.

– Знаешь, от кого цветы? – спросила она.

Я поняла это по воспоминаниям, которые промелькнули передо мной. Он думал о том же, когда выбирал мне цветы. Возможно, также утыкался в них лицом, чтобы ощутить запах любви и желания.

– Мне даже пришлось выпить валерианки, так я расстроилась, – сообщила Ника. – Ведь вы же любите друг друга. В этот раз я увидела, как он мучается. Он рассказал мне всё. Даже то,

что он тебя ударил. Удивилась, что не убил. Ты тоже нашла, что сказать. Выставила себя шлюхой, когда никакого Максима у тебя тогда не было.

– А что мне было делать?

– Ничего не говорить. Уйти от ответа, но не выставять себя шлюхой. У него отец турок, ему достался сумасшедший темперамент, с которым он не смог справиться. Приехал просить у тебя прощения. Встал даже передо мной на колени. Просил его ударить вместо тебя. Спрашивал, знаю ли я, кто отец твоего ребёнка. Я сказала: какая разница, если ты любишь женщину. Он расплакался. Представляешь, сидит у меня в ногах здоровенный мужик и плачет. А я его ещё больше достала: сказала, что если Авдотья и спала с двумя, так ты это заслужил. А сейчас поди вон и больше не приходи. Не мешай ей выйти замуж и быть счастливой. Она тебе не мешала. Тут он взвыл так, что я испугалась, что и мне достанется. Сказал, что жизнь для него невыносима. Он не может прикоснуться к жене, потому что вспоминает тебя, и не может заставить себя полюбить девочку, потому что считает её причиной своего несчастья. А дальше он меня совсем добил. Сказал, что всё равно останется с ними, но для него будет большой радостью, если он будет знать, что от вашей любви у него родится ребёнок, и ты позволишь им встречаться.

– Нет, только не это, – простила я, опускаясь на диван. – Таркан не должен знать, что это его ребёнок. И я не могу позволить, чтобы они встречались.

– Тебе решать, милая, – мягко сказала Ника. – Я на твоей стороне, какое решение бы ты не приняла.

Я забрала розы в комнату, хотя Ника меня предупреждала, что у меня будет болеть голова, и я не выплусь. Мне было всё равно, я хотела, чтобы то, чего касались его руки, было рядом. Полночи я провалилась без сна, перебирая воспоминания в сладком запахе, который не мог развеять никакой кондиционер. Глаза опухли от слёз, голова от мыслей и решений. Мне хотелось разблокировать его номер и поговорить. Только к середине ночи, я осознала, что Максим так и не позвонил сегодня. И это было хорошо. Мне нужно побыть одной и разобраться, как лучше поступить. Последняя мысль, прежде чем я провалилась в сон: была об отмене свадьбы. Я не могу испортить жизнь другому человеку, я не должна бояться одиночества.

Глава 21

Прошло несколько дней, я немного успокоилась, но так и не позвонила Максиму. Каждый день обещала себе, что сделаю это, но телефон жёг мне руки, и я отбрасывала его. Видимо, что-то похожее происходило с ним, поскольку он тоже не проявлялся. Я ездила к врачам, сдавала очередные анализы. Вечером или рано утром шла на море и плавала. Врачи говорили: плод развивается нормально. Хорошо, что есть хоть какая-то область в жизни, где у меня порядок, ехидно думала я, поглаживая животик и получая радостные точки в ответ. Малыш рос, так что нам с Николаем пришлось съездить в Моремол, чтобы прикупить ещё пару просторных юбок с запахом.

В этот вечер я хорошо поплавала и возвращалась домой – я уже стала считать дом Ники своим – в умиротворённом настроении. Позвоню Максиму завтра, а сегодня, поужинав, посмотрю какой-нибудь фильм и засну.

Входя в дом, я услышала возбуждённый голос Ники, что было не очень удивительно и голос Николая, звучащий в более высоких тонах, чего раньше мне слышать не доводилось. Кажется, что-то произошло, я ускорила шаг.

– Говорю тебе: это судьба! – воскликнула Ника.

– Это несчастный случай! – вторил ей Николай чуть тише.

Увидев меня, оба замолкли и застыли, как две скульптуры. Ника остановила своё движение в кресле, её руки замерли, а Николай замер на диване. Перекошенные новостью лица, оба бледные. Ника в фисташковой блузке, Николай в зелёной футболке. Они показались мне братом и сестрой из-за того, что были так похожи.

– Что случилось? – спросила я.

– Ничего, мы немножко поспорили, – сказала Ника. – Ты присядь, пожалуйста.

– Хорошо, но вы мне всё расскажете.

Я села рядом с Николаем и уставилась на Нику.

– С мамой всё в порядке? – спросила я, поскольку оба молчали.

– Да-да, – закивала Ника с облегчением. – Она сегодня звонила мне. Билеты купили.

У меня немного отлегло от сердца.

– Максим?

– Максим? – брови Ники поползли вверх. – Я ничего не знаю. Вы же встречаетесь или что-то произошло?

Я нетерпеливо качнула головой, чтобы не отвечать.

– Что-нибудь с Т– тарканом? – его имя далось мне с трудом. Я даже споткнулась на первой букве.

– Нет, ну не совсем.

– Ника, ты ещё больше её волнуешь, хотя хочешь, как лучше, – мягко сказал Николай.

– Это правда, – я посмотрела на него с благодарностью, всё ещё чувствуя, как бьётся сердце в такт с толчками малыша.

Ника глубоко вздохнула.

– Сегодня Ляля с девочкой должны были вернуться домой. Вызвали такси. Её мама поехала их провожать до аэропорта. Ляля села на переднее сидение, те расположились на заднем. На их полосу вылетел грузовик, таксист, уходя от столкновения, врезался в дерево, – Ника замолчала, вытерла слезу и всхлипнула. – Ляля погибла сразу.

– Не может быть, – прошептала я, качая головой. Николай подвинул мне стакан с водой.

– А дочка?

– Жива. И дочка, и Лялина мама.

У девочки ещё не закончилась программа, – подумала я. Ей рано уходить. Я отчего-то вспомнила, как Ляля пыталась ошпарить меня кипятком. В том месте на ногах остались белые пятна, которые плохо загорали и чесались. Она так боролась за Таркана и не смогла его получить. Вот ведь теперь-то Таркан будет винить себя в этой аварии. Уж я – то знаю его.

– Место рядом с водителем, самое опасное, – сказал Николай.

– Села бы назад, осталась бы жива, – согласилась Ника.

– Так было предreshено свыше. Она не могла сесть назад, не могла сесть в другое такси, таксист не мог ехать ни быстрее, ни медленнее.

Они с удивлением посмотрели на меня. Я пожала плечами. Так бы сказала маман, и я сама научилась видеть подобные вещи.

– А где Таркан? – спросила я. – Откуда вы узнали?

– Таркан вылетел в этот... город, как его?

– Я тоже не помню, – ответил Николай. – Да и не важно.

– А откуда вы узнали?

– Катя позвонила.

– Катя? – удивилась я.

– Ну, бывшая домработница. Она их родственница, – ответил за Нику Николай.

– Да, ещё имела наглость сказать, чтобы мы радовались, – сказала Ника, – потому что Таркан теперь свободен.

– Ну, Ника, она обезумела от горя. В таких случаях люди говорят ужасные вещи, о которых потом жалеют, – утешал её Николай.

– Да как можно радоваться, если ребёнок без матери остался?! А из Таркана какой отец?! Такой же, как и муж. Взял на себя чужие обязательства, думал это легко. А когда понял, что нелегко, отослал её к матери.

– Он отослал её к матери? – переспросила я, чувствуя мороз на коже.

– Они поругались, Ляля – у неё же характер! – что-то от него потребовала, а он в сердцах сказал: дала бы ты мне передохнуть от тебя, – Ника махнула рукой и высморкнулась. – Какой кошмар! Ей было-то всего двадцать пять лет.

Ну вот, теперь Таркан точно будет себя винить во всём, подумала я. Если бы я могла ему позвонить, утешить его, как в первый день нашей встречи. Сказать, что он ни в чём не виноват. Он пытался выполнить обязательства брата, но это был неправильный выбор, который привёл к необратимым последствиям.

Я встала из-за стола.

– Пойду, прилягу.

– Может, чаю? – спросил Николай.

– Попозже.

– Подожди, Авдотья, – Ника подвинула ко мне кресло. – Я понимаю, что сейчас не время говорить об этом, но, может, тебе стоит повременить со свадьбой?

– Ну, Ника! – вступил Николай. – Авдотья сама решит.

Я вцепилась в стол, вдруг почувствовав, что кружится голова. Мне хотелось сказать, что я не выйду за Максима, потому что его не люблю, а не потому что Таркан вдруг оказался свободен и не выйду за Таркана потому что смерть Ляли, скорее всего ловушка, подстроенная на нашем пути, чтобы мы ещё больше погрязли в своих несчастьях.

Я очнулась на диване, возле меня сидела Ника. На лбу мокрый платочек, меня обмахивает веером.

– Что произошло?

– Ты опять упала в обморок. Хорошо, Николай тебя подхватил вовремя, – Ника сложила веер и поцеловала меня в щёку. – Всё будет хорошо. Ты не должна волноваться.

– Не должна, – я коснулась живота и тут же почувствовала лёгкий толчок. Интересно, у всех матерей такая связь с ребёнком? Я ведь только подумала: всё ли с ним в порядке и вот он заявил о себе. Мысли читает.

– Может, врача вызвать?

– Не надо. Лучше я поем, – сказала я, вдруг ощутив зверский голод.

– Вот это дело, – Николай вскочил с дивана. – Сейчас посмотрим, что у нас есть в холодильнике. – И давайте больше не будем о плохом. Кого Бог считает нужным, того он и забирает.

Мне было тяжело думать о Ляле, но мои мысли против желания возвращались к ней и, конечно, к Таркану. А ещё мне было жаль малышку, которую я никогда не видела. Я знала, что такое расти без отца, но без матери ещё хуже. Да и Таркана я как-то не представляла с

коляской, вот Максима легко, а его никак. Да и, вообще, он и не отец по крови. Может, поэтому и ничего не чувствует к девочке. Ведь прижимался же он к моему животу, чтобы услышать движения нашего малыша. И лицо у него такое было нежное, как в то время, когда мы любовью занимались. От этого воспоминания мне стало совсем грустно. Захотелось позвонить Максиму и поделиться с ним. Я даже взяла телефон, а положила назад. Звонить ему надо было совсем по другому поводу, но я опять чувствовала себя слишком слабой, чтобы выдержать такой разговор. Я поплелась к себе в комнату и улеглась на кровать поверх покрывала. Хорошо, когда есть такое оправдание, как беременность, которое позволяет есть и спать.

Она стояла передо мной, как живая, когда я открыла глаза. Даже платье на ней было то же самое, как в тот единственный раз, когда мы виделись. И смотрела она на меня с ненавистью.

— Радуйся теперь! — заявила она со злостью. — Можешь забирать моего мужа. Моего любимого. Только его и любила в этой жизни. За брата вышла, чтобы поближе к нему быть. Встречаться с ним. И ведь он ко мне хорошо относился, пока ты не появилась. Что тебе нужно было в этом городе?

Мысли мои вскачь понеслись, я и сказать ничего не успела, но вдруг разозлилась. Ну ладно мои родные. А эта-то по каком праву здесь в моей комнате? И ведь не вытолкаешь её в тонком теле. Дверь не закроешь, окно не захлопнешь.

— Что тебе нужно? — спросила я почти по слогам.

— На тебя посмотреть пришла. Позавидовать. Ты и ребёночка от него носишь и замуж за него выйдешь.

Я инстинктивно руку к животу прижала. Откуда она про ребёнка узнала? Хотя они там наверху, всё знают.

— Я не выйду за Таркана. У меня свадьба скоро с другим.

Она ещё ближе ко мне подошла и прямо зарычала:

— А вот и выйдешь! Ты нужна мне! — У меня прямо сердце в пятки ушло, когда она совершенно в другом виде оказалась: завёрнутая в хиджаб, одни глаза полыхают. — За тобой должок. Ты когда моего мужа отняла — я одна всех детей вырастила и как трудно мне пришлось: никто не знает. Теперь ты должна мою Амелию на ноги поставить. Дать ей самое лучшее. Ты это сможешь. А я приглядывать буду, как ты её воспитываешь и любишь ли, как свою дочь. И не приведи, Аллах, тебе обидеть её или ударить. Своих детей обижай, а её нет. А если еды не будет, её накорми, а сами все подышайте. Иначе не будет тебе, Авдотья, покоя ни на этом свете, ни на том.

Она растворилась в воздухе. Мне стало холодно, я завернулась в одеяло, но зубы всё равно стучали, а руки тряслись. Во всём этом монологе моего согласия не требовалось. Судя по её словам, я должна выти замуж за Таркана, и растить её ребёнка. Других вариантов не было.

Очень странно, но в кой-то веки между нами возникло бы согласие, если бы не предупреждение моих родственников.

И не нужно меня пугать. Я бы итак дочку Таркана взяла бы, если бы мы поженились. Но, с другой стороны, зачем-то Лялю сняли с пробега. Ника тогда сказала, что это судьба. Это не судьба, это провокация. А потом у меня останется один дееспособный палец, которым можно ткнуть в компьютер. И буду я сидеть, высунув язык, как даун. Страшно!!!!

И тут вдруг телефон зазвонил. Я вздрогнула и затряслась вся. Ну хватит уже визитов с того света. Обычный программист так может и умом тронуться от избытков тонкой материи. На часы посмотрела: кто может ночью звонить? Оказалось, что всего-то десять часов. Это я чувство времени потеряла.

– Авдотья? – голос казался напряжённым и взволнованным.

– Да.

– Это Женя. Евгения. Сестра Максима. Вы у меня на дне рождения были.

– Да, здравствуйте, – я почувствовала, как засосало под ложечкой, а снизу, по ногам начала подползать тревога.

– Ваш номер у Максима в телефоне. Он просил вас не беспокоить. Но я не смогла. Странно, конечно, что вы не созваниваетесь. Вроде как у вас свадьба, – хорошо, что она не дала мне возможности для оправдания. – Думаю, вы должны знать: Максим в больнице.

– Что с ним? – глухо произнесла я.

– Да ничего страшного, вы не волнуйтесь. Сотрясение мозга. Такое бывает, когда мужчины дерутся. Я говорила ему в глаза, что он дурачок. Но кто кого слушает?!

– Вы хотите сказать, что во время драки с Тарканом он получил сотрясение мозга?

– Это случилось после того, как он отвёз вас домой. Увидел, как двое мужиков кавказской внешности пристают к девушке и решил заступиться. А по-простому: дал в морду. Ну те ответили. Думаю, они до сих пор на рынке торгуют, ну а Макс в больнице.

Всё из-за меня, – подумала я. В тех мужиках он увидел Таркана, в девушке меня. Но как же объяснить, что я люблю Таркана. И если бы он ко мне не приставал, я бы сама к нему пристала.

– Как мне его навестить? – спросила я Лялю.

– Ну сегодня никак. Поздно уже. А вот завтра можно с девяти. Адрес запишите?

– Конечно, – я взяла ручку и бумажку для записи и нацарапала неузнаваемым для меня почерком адрес.

Женя вмиг стала любезнее, сказала, что пришлёт название таблеток, которые врач порекомендовал. Она не успела в аптеку сходить. Я пообещала купить таблетки и прийти к

Максиму. Женя выразила надежду, что до свадьбы всё заживёт и чтобы я не пугалась: лицо у Макса не очень презентабельное.

Если бы я могла выйти замуж за двоих, я бы обязательно это сделала. Максим был бы моей лучшей подружкой, а Таркан лучшим любовником. Хм, почему не разрешено многомужество?! Уверена, я бы справилась. Эта мысль немного развеселила меня в сгущающихся вокруг меня несчастьях. Я спустилась на кухню и сделала себе мятный чай, чтобы успокоиться. Завтра я должна сказать Максиму, что свадьба отменяется. А куда уже откладывать?! Надеюсь, он сможет перенести это.

Проснулась я около шести и позволила себе поваляться, обдумывая предстоящий разговор. Я постараюсь сказать ему, как можно мягче, так чтобы он не обиделся и понял, что расстаться будет лучше. Со мной у него одни неприятности. Эх, если бы можно было остаться друзьями, перезваниваться, иногда куда-то выбираться вместе. Но такое вряд ли возможно. Вдохнув, я выбралась из постели. После душа открыла шкаф. Надела юбку с запахом и просторную когда-то, а теперь в натяг, футболку. Вдохнув, оглядела себя в зеркало. Как же беременность портит фигуру. К тому же я совершенно очевидно поправилась. В общем, если смотреть прямо, то ещё ничего, а если повернуться боком, то моё положение становилось очевидным. На кухне никого не было, я быстро приготовила чай с бутербродом и вышла из дома, радуясь, что не пришлось объяснять, куда я отправилась в такую рань, да ещё в одиночестве. Я дошла до остановки и по количеству народа, поняла, что придётся вызвать такси. Наш автобус, когда поднимался в гору, мотылял пассажиров так, что они напрягали мышцы рук, чтобы устоять. Через пять минут подъехало такси, и я с удовольствием села на заднее сидение. Через десять минут я уже была в больнице.

– К вам пришли, – сказала медсестра, пропуская меня в палату. Там было четыре кровати. У окна лежал Максим, остальные были аккуратно заправлены белыми покрывалами. Когда я увидела его, то чуть не вскрикнула. Лицо представляло собой всю палитру цветов от бледно-жёлтого до фиолетового. Мне показалось или нос у него был немного свёрнут. Или это так было? Голова замотана бинтом.

– Авдотья, – он попытался улыбнуться разбитыми губами и сесть.

– Лежи, лежи, – я подскочила к кровати и села на стул рядом.

– Прости, что не звонил. Телефон сел, а ни у кого из персонала нет подобной зарядки. – Телефон у Макса действительно был редкий: привёз его из Тайланда. У нас таких не продавалось. – Да и я боялся испугать тебя своим видом. Думал, пусть пока заживёт, но это не такой уж быстрый процесс.

– Ничего, ты выглядишь э-э-э брутально, – нашла я нужное слово.

– Ну если только это, – Максим протянул ко мне руку. – Даже не знаю, что на меня нашло в тот день. Вроде я никогда не был драчуном.

– Тебе захотелось поиграть в рыцаря, – я чувствовала, как Максим перебирает мои пальцы и понимала, что не чувствую ни малейшего трепета. Как будто это рука ни моего жениха, а брата. Надо сказать, что я не выйду за него, – подумала я.

Максим прижал мою руку к губам и спросил:

– Если синяки не пройдут, тебе будет стыдно перед родными на свадьбе.

– Максим, я...-

– Подожди, – прервал он меня. – Знаешь, только здесь я понял, как счастлив, что ты будешь со мной, и я постараюсь сделать всё, чтобы ты, то есть вы, были счастливы.

Я опустила голову, чтобы не встречаться с его голубыми глазами. И как после таких слов я могу сказать, что не выйду за него? Может, если бы мы встретились в кафе, и на его лице не было бы столько синяков, я бы и смогла. А может и нет. Я снова чувствовала в нём родственную душу, которую нельзя обидеть. Я ведь хотела расставания больше для него, чем для себя. Думала, что он будет несчастен со мной, но его слова показали весь абсурд моего решения. Он хочет быть со мной, а я боюсь одиночества. Со временем я смогу полюбить его.

– Мои родители приезжают через несколько дней. Очень хотят с тобой познакомиться.

– Они уже купили билеты? – зачем-то спросила я. Как будто это имело значение.

– Да, раз уж так совпало, что свадьба в Сочи, они хотят немного отдохнуть на море. Надеюсь, меня скоро выпишут, и мы все вместе куда-нибудь сходим. Ты понравишься моим родителям.

Я вдруг осознала, что не могу сказать то, что собиралась. Я выйду за него замуж и постараюсь быть хорошей женой.

– Я надеюсь, девушка, за которую ты вступился, сказала «спасибо», что ты её спас.

Максим смутился и покраснел.

– Ну, она оставила телефон и предложила вместе поужинать. А я сказал, что у меня есть невеста.

Вряд ли Таркан отказался бы от ужина, подумала я и осторожно поцеловала Максима в щёку. Как хорошо, что Максим не такой, подумала я в который раз.

– Очень болит? – спросила я, глядя подушечками пальцев его лицо.

– Уже нет, но ты продолжай, – он закрыл глаза. Так нас и застал его доктор. Мужчина средних лет с серыми строгими глазами. Я убрала руку и вспомнила, что купила лекарство, о котором говорила Женя. Полезла в сумку, выложила таблетки. Максиму предстояли какие-то процедуры, и он отправил меня домой.

Вышла я под палящее солнце снова невестой. Пусть будет так, – пробормотала я, чувствуя себя намного спокойнее и увереннее, чем до прихода сюда. Не нужно мучить себя и его. Пусть будут три свадьбы, как мы и планировали. Максим будет хорошим отцом, и тут я вспомнила Лялины слова, что я должна вырастить её ребёнка, и меня вдруг обожгло холодом, словно за моей спиной открыли гигантский холодильник, а в мозгу у меня отпечатались слова: « Не будет никакой свадьбы!» Я дёрнулась вперёд, наступила на камень, подвернула ногу и мягко села на асфальт. Тут же подбежал мужчина, помог подняться.

– Девушка, с вами всё в порядке?

Я поднесла руку к животу, ощутила движение малыша и кивнула.

– И что эти беременные дома не сидят?! – проговорила женщина средних лет, проходящая мимо. – Вот потеряет ребёнка, будет знать, как по улицам шастать.

– Не потеряю! – твёрдо сказала я, обхватывая живот руками. Прости, малыш. Я буду аккуратнее.

Глава 22

Прошло три дня. Я сходила на последнюю примерку свадебного платья. Портниха сокрушённо покачала головой.

– Ты растёшь с каждым днём, – посетовала она. – Как бы не пришлось ещё расширять.

– Я сяду на диету, а то мама не узнает.

– Да ладно, ты красавица, всё равно. Потом похудеешь. Малышу витамины нужны.

Я без особого интереса смотрела на себя в зеркало и не верила, что надену это платье. Нежно-фисташкового цвета, оно освежало мою загорелую кожу и удивительно гармонировало с цветом волос. Живот, несмотря на высокий лиф и спускающиеся свободные складки, конечно, был заметен, но меня это беспокоило. Что-то внутри меня нащёптывало: свадьбы не будет. Но почему? Ведь я уже не могу передумать. Это всё нервы. Я смотрела, как портниха что-то примётывает и, заглядывая в будущее, не видела себя идущей с букетом невесты под руку с Максимом. В комнате было жарко, но я вытерпела примерку до конца и вышла на улицу. Меня обдуло освежающим ветерком, я привычным жестом опустила на нос солнцезащитные очки. Зазвонил телефон. Это была Женька. Она всхлипывала, что-то кричала мне в трубку, но я не могла ничего разобрать, кроме слова «кома». Что она говорит?! Я была у Максима вчера, он хорошо себя чувствовал, жаловался только, что голова болит.

– Подожди, я ничего не понимаю, – пыталась остановить я Женьку. Но снова услышала только всхлип, а потом она как-то спокойно проговорила:

– Максим в коме.

– Что?! Какая кома? Мы же вчера виделись. Врач собирался его выписывать. Ты что-то путаешь, – говорила я, стараясь не дать случившемуся пробиться в моё сознание.

– Вот съезди в больницу и увидишь, – Женя, издав очередной всхлип, бросила трубку, а я почувствовала, как земля уплывает из-под ног. Нет! Я прислонилась к стене дома. Нельзя снова упасть в обморок. Нужно поехать в больницу. Это какая-то ошибка.

Но это не оказалось ошибкой. Максим лежал, окутанный трубочками в реанимационной палате. Я взяла его за руку. Назвала по имени. Никакой реакции. Лицо бледное, а синяки стали ещё отчётливее, чем вчера. Что я только не перепробовала. Даже упомянула про свадьбу. Сказала: ты не можешь меня бросить!

И вдруг я чётко поняла, что такое кома. Кома – это когда в теле нет души. В Максиме не было жизни, передо мной лежало лишь его тело. И тут вдруг я поняла, что его душа, там даже что-то шевельнулась, какая-то точка или сгусток света находилась на потолке и оттуда смотрела на меня.

– Зачем ты это сделал? – спросила я.

– Это единственное, что могло предотвратить большую ошибку. Уходи и забудь меня. Дороги наши расходятся. Не приходи больше никогда.

– Но почему?

– Уходи! – мне показалось, что кто-то крикнул мне в ухо, так громко это прозвучало.

Я поспешно схватила сумку и выбежала из палаты, но не удержалась и подошла к медсестре:

– Что произошло?

Врач полагает: это из-за таблеток, которые он начал принимать.

– Те таблетки, которые я принесла? – спросила я с ужасом.

– Не знаю, – пожала плечами медсестра. – Вам лучше поговорить с врачом, но он будет завтра. Вы ведь придёте завтра?

Я отрицательно покачала головой и поплелась к выходу. Мне срочно нужно было с кем-то поговорить, и это мог быть только Виктор.

Виктор снял трубку после первого гудка.

– Я ждал, что ты позвонишь, – сказал он. – Мама рассказала тебе?

– Нет, а что случилось?

– Свадьбы не будет. Оказывается у судьбы для нас другие планы.

– То есть вы не женитесь? Почему? – Бедная маман, она так хотела свадьбу. – Это вы всё отменили?

– Нет, она сама. Она недавно общалась со своей подругой, астрологом, та ей начертила карту, из которой вышло, что она нужна другому человеку. Очень нужна. Настолько нужна, что программу поменяли и решили их соединить.

Я сразу подумала про отца. Ведь он теперь свободен, и он любит маман. Они собирались это сделать ещё тридцать лет назад. Свадьба на Ахуне. Маман думала о том, как отомстить ему, а это значит: она ничего не забыла.

– Ну а как же вы?

– Уезжаю на Тибет. Давно собирался, всё не складывалось. А теперь вот отпускают.

– Кто?

– Как кто, Авдотья? Высшие силы. Думаешь, так просто попасть на Тибет?! Это награда. Пропуск в новую жизнь.

– То есть вы не расстроены, что расстанётесь с мамой?

– Авдотья, Авдотья. Какой ты ещё ребёнок. Расстроен я или нет – какая разница?! Я люблю Анжелику. Встреча с ней останется в моей душе, как один из ценных подарков судьбы. Но мы оба должны идти дальше и не держаться друг за друга. К тому же я отдаю в надёжные руки, ты согласна со мной?

– Да. Но это всё так неожиданно. Мы собирались сыграть три свадьбы на Ахуне...

– Идея Анжелики, но вовсе не твоя или моя. Уверен, она это ещё сделает, когда твой отец разведётся.

– Думаете, они будут вместе? – совсем по-детски спросила я, вовсе не заботясь о его чувствах.

– Знаешь, Авдотья, ведь всё можно испортить. Сейчас судьба снова даёт им шанс, а воспользуются ли они этим или останутся при прошлых обидах, кто знает? Но я очень надеюсь, что они будут выше прошлого. В конце концов, им теперь есть, для кого жить. Появление внуков – это уже вторая история жизни, которая многое меняет.

И тут я подумала, что теперь, когда свадьбы с Максимом не будет, я могу поехать в Москву с родителями, и мы все будем жить одной большой семьёй в нашей квартире. И это будет большим счастьем для меня, даже если у меня не будет мужа.

– Подожди, Авдотья, – прервал мои мысли Виктор. – А что же мама тебе ничего не рассказала?

– Нет. Я позвонила узнать кое-что у вас. Просто голова идёт кругом. Ведь вы же знаете, какой я была до поездки сюда. А теперь я всё время общаюсь с духами, и мне так страшно. Иногда думаю, что схожу с ума, и мне всё это кажется. Вот я и позвонила. Я совершенно не знаю, что делать.

– Рассказывай, – серьёзно сказал Виктор, и я сразу представила его с серьёзным, я бы даже сказала брутальным лицом, когда он залезал во все эти высшие материи, от которых мне так и не удалось держаться подальше.

Я рассказала про смерть Ляли, потом про Максима и про то наше странное общение с каким-то сгустком энергии на потолке. И про то, как этот сгусток меня выгнал.

– Ого, значит, я был прав, когда подумал, что не будет трёх свадеб. То есть, я хочу сказать в эту единицу времени.

– А что же Ника так и не выйдет замуж? – спросила я, представив, что она вновь останется одна в своём инвалидном кресле, и у неё не будет таких счастливых глаз.

Виктор выдержал паузу.

– Ну, мне показывают площадку, откуда видно горы и её с мужчиной.

– Ну хорошо, что хоть что-то из задуманного свершится, – выдохнула я.

– Ну, не всё задуманное было правильным. Насколько ты была права, когда хотела выйти замуж за Максима?

– Не права, – согласилась я. – Но я не хотела быть одна, повторить мамину судьбу. Я хотела семью. И у нас были хорошие отношения, думала, что смогу его полюбить.

– Это вполне могло случиться, если бы её оставили в живых, но её сняли с программы. Она шла не по тому пути: нужно было замаливать свою вину перед вашим родом. Выглядит так, словно вам расчистили вам дорогу для вашей любви. Максима в кому уложили, эту – не хочу называть её по имени – с программы сняли.

– Его уложили в кому из-за меня?

– Чтобы уж он точно не мог прийти на свадьбу. А ты если по-прежнему будешь собираться за него замуж из жалости или страха, так и проживёшь рядом со спящим царевичем вместо того, чтобы быть с тем, кого любишь.

– Но мы не можем быть вместе, – я начала рассказывать про предостережения умерших родных, про то, что я могу потерять ребёнка.

– Авдотья, прости, я не имею права лезть во всё это. Ты сама должна принять решение. Или ты готова пожертвовать всем ради вашей любви или ты останешься жить в одиночестве и страхах.

– Но я могу остаться инвалидом. Как Ника или хуже.

– Помнишь сказку про русалочку: каждый шаг давался ей с болью, и она даже разрешила отрезать себе язычок, чтобы побыть рядом с любимым. Пусть и недолго. А ведь был у русалочки и другой выход: счастливо прожить свои триста лет в море и похоронить свою

любовь. Тебя ставят перед выбором: очень жёстким и решать только тебе, что ты выбираешь покой или любовь.

– Я боюсь, – вздохнула я.

– Любой бы испугался на твоём месте, но ты справишься. К тому же есть ещё одна вещь, которая вспомнилась: программу меняют, если твоя жизнь кому-то очень нужна. У меня есть знакомая: по гороскопу её смерть должна была наступить через год, поскольку её программа была уже выполнена. А тут вдруг умерла её племянница, двое детей остались сиротами. Она взяла их к себе и ей продлили жизнь. Мне кажется, у тебя... – в трубке раздались короткие гудки.

– Алло! – закричала я и снова нажала на кнопку вызова. Абонент вне зоны доступа. Я пробовала ещё и ещё, пока не поняла, что он итак сказал слишком много, и я знала, о чём он говорил. Об этом же говорила Ляля. Но смогу ли я полюбить Амелию и вырастить как свою дочь, дочь своей врагини, которая пронесла ненависть ко мне через столетия и прокляла наш род?

Отчаявшись дозвониться Виктору, я набрала номер отца. Его любимая Лика приезжает и свадьба отменяется. У него руки развязаны, могут хоть сейчас жениться. Мы вместе поедem её встречать в аэропорт. Неужели мои родители смогут быть вместе спустя тридцать лет? В это трудно поверить! Как круто всё изменилось. И, познакомившись с моим отцом поближе, я поняла, как они подходят друг другу. Но когда я вывалила новость на отца, его реакция оказалась непредсказуемой.

– Мне жаль, что так получилось у Лики, – неожиданно сказал он.

Я не поверила своим ушам: он столько страдал из-за того, что она выходит замуж, а теперь вместо того, чтобы радоваться, несёт эту чушь.

– Я не понимаю, – возмутилась я. – Не ты ли выпрашивал у меня фотографию, не ты ли говорил, что ты жалеешь, что не был настойчив, не ты ли...

– Я, – грустно подтвердил отец и замолчал.

– Может, ты собираешься вернуться к Лене или уже вернулся? – спросила я.

– Нет, что ты. Я подал заявление на развод.

– Тогда что? Завёл кого-нибудь? – начала терять терпение я.

– Нет, конечно.

– Тогда что? Скажи мне! – я чувствовала, что сейчас захлебнусь слезами.

– Ты только не нервничай, пожалуйста, – испугался он.

– Да как мне не нервничать, если я не могу понять, в чём дело? Когда всё идёт тебе в руки, ты начинаешь говорить, что тебе жаль.

- Я не ожидал, что она приедет так скоро, – каким-то странным голосом произнёс отец.
 - А ты считаешь, что тридцать лет маловато для разлуки? Или слишком много, чтобы уже торопиться? – я чувствовала, что меня может разорвать от гнева и обиды.
 - Вот ты кинула мне ссылку с уроками по программированию...
 - Причём здесь это?! – возмутилась я.
 - Нет, ты послушай. Я не хотел тебе говорить, но ты, видимо, иначе не поймёшь. Я не могу ничего понять в этих уроках!
 - Если хочешь, я могу объяснить.
 - Нет, я понял, что это не моё! Я слишком стар, чтобы учиться! Или слишком глуп!
 - Ну и ладно, тебе не обязательно быть программистом!
 - А кем я могу стать? Никем! Гожусь только, чтобы огурцы чужие поливать! А теперь ты ещё говоришь: Лика приезжает!
 - А какая связь?
 - Прямая! – отец заорал так, что мне пришлось отставить телефон от уха. – Связь прямая, Авдотья. – Твой отец неудачник. У меня нет ничего. Нет работы, нет перспектив и нет даже дома, куда пригласить любимую женщину. И ты ещё хочешь, чтобы я радовался?! – последнюю фразу он произнёс так тихо, что я снова прижала телефон к уху. – Тридцать лет назад, у меня был хотя бы дом, куда я мог её привести, а сейчас и этого нет. В общем, я не хочу, чтобы она видела меня таким.
- Я не знала, что сказать. Совсем забыла про мужские амбиции и кризис среднего возраста. Меня охватило такое разочарование, что я едва нашла в себе силы сказать:
- перезвоню, у меня вторая линия.

Глава 23

Домой я вернулась потная и уставшая. Хотела сразу прошлёпать к себе в комнату, но Ника меня остановила.

- Авдотья, да что опять случилось? На тебе лица нет.
- Случилось то, что не будет наших свадеб, – сказала я. – Ни моей не будет, ни маминой.
- Как не будет?

Я вздохнула. Сил рассказывать не было, но Ника имела право знать. К тому же она могла и на отца повлиять.

– Погоди-ка, – засуеилась Ника. – Ты присядь, а я тебя покормлю сначала. Где ты была с самого утра? Видела, как ты выходила.

Я вспомнила про Максима, и так реветь мне захотелось. Он и был несчастный со всеми этими синяками, а теперь и вовсе лежит, опутанный трубками и приборами. Всё из-за меня. Если бы я его не использовала, загорал бы сейчас на пляже. А мне внимания захотелось мужского.

Ника поставила передо мной овощной суп, и я медленно, дуя на ложку, начала есть. Она напротив устроилась, подпёрла рукой подбородок и говорит:

– Вот даже не зная, что ты мне сейчас расскажешь, понимаю, что всё к лучшему. Да и я могу замуж не выходить за компанию, – улыбнулась она. – Нам итак хорошо. К чему народ смешить?!

Я чуть не подавилась.

– Нет! Вы должны выйти замуж. Николай хороший. Мы с маман будем радоваться за вас. У маман тоже было бы всё хорошо, если бы не отец. К вашей свадьбе она не успела бы, но через пару месяцев – не знаю, сколько времени занимает развод – вполне. – Тут я больше не могла терпеть и выложила, как с Виктором поговорила и с отцом потом. Тут мне и есть расхотелось. Чёрт бы побрал мужской комплекс неполноценности. Да разве маман позволит ему бездельничать?! Они вполне и в паре смогут работать. Будет ей помогать свадьбы организовывать. – Может, вы с ним поговорите?

– Погоди-ка, дай в себя приду. Такие новости. Максима-то как жалко. Такая пара была хорошая. Что же теперь будет-то?

– Думаю, как только я исчезну из его жизни, так он и выйдет из комы. Ну, в крайнем случае, когда пройдёт день нашей предполагаемой свадьбы.

– Да кто же его, знает?! Хорошо бы, если так. Но я хочу сказать: освободили вас с Тарканом капитально.

– А вдруг это провокация?! – я посмотрела на кольцо, которое почему-то стало болтаться на пальце. Вроде, как портниха сказала, что я не похудела.

– Да кто его знает?! Ох, страшно мне за тебя, Авдотья. Ведь вот такой, как у меня жизни не позавидуешь, – она стукнула ладошками по колёсикам. – Наверно, мне тоже не стоит Николая связывать. Он мужик ещё в силах, может, и на пятидесятилетней жениться.

– Ну вот, началось, – проговорила я грустно. – Как я и боялась: всё разлаживается. А я-то радовалась.

– Да погоди ещё. То, что бабка восьмидесятилетняя замуж не пойдёт, это ещё не беда, а вот маму твою с Вовчиком надо соединить. И что же это он такое надумал?! Хотя я, конечно, понимаю, как он перед такой успешной женщиной появится. Вот он я, голый и нищий. Возьми меня обратно. На работу бы его устроить.

– Я хотела из него программиста сделать, а он только глубже в депрессию погрузился и стал считать себя неспособным.

Ника посмотрела на меня, как на сумасшедшую и потянулась к телефону. Некоторое время она водила пальцем по экрану, потом решительно ткнула и вскоре раздался её уверенный голос.

– Иван, добрый день! Как поживаешь? Как бизнес? – последовал обмен первичными фразами, а потом Ника приступила к делу. – Слушай, у меня тут кандидатура есть подходящая на позицию администратора, – я, затаив дыхание, следила за разговором. Ника быстро взглянула на меня и подняла палец вверх. – Да, у него свой бизнес был похожий, а сейчас с женой разошёлся, ей всё оставил. Ладно, он тебе позвонит. И пусть начнёт сразу. Завтра.

Ника положила телефон и торжествующе произнесла:

– Вот!

– Спасибо! – я растеклась в улыбке. – Правда, он не хотел с людьми. Устал, говорит.

– Ничего, пусть работает. Чужая гостиница это не свой дом сдавать, когда весёлые отдыхающие под ногами крутятся. К тому же нам же надо, чтобы он женился?! Правда?! – я кивнула. – А если это не поможет, мы тогда Николая к нему зашлём. Пусть побеседуют, как в фильме «Москва слезам не верит».

Я встала и поцеловала Нику в тёплую щёку, собираясь к себе.

– У меня информация для тебя есть. Таркан вернулся домой и забрал Амелию.

Тут я осознала, что впервые услышала имя девочки. Значит, встреча моя с Лялей-духом действительно существовала.

Я застыла на месте, глядя в пространство перед собой.

– И как он справляется? – спросила, наконец, я.

– Да откуда я знаю?! Мне знакомая сказала из их дома. Случайно в магазине встретились. Не ожидала от него. Мог бы оставить её у Лялиной матери, тем более что мне он говорил, что ничего не чувствует к девочке. Да и не его это ребёнок, а брата, если уж на то пошло. Родителям мог своим отвезти. Уж не отказались бы от внучки.

– Это из-за чувства вины он так поступает, – сказала я глухо.

– Это всё его темперамент отцовский. Сначала делает, а потом жалеет. Ну ладно, я тебе сказала для информации.

– Угу, – я поплелась к себе, чувствуя, как Ника смотрит мне в спину.

Всю неделю я так ничего не могла решить. Каждое утро звонила в больницу: Максим всё ещё был в коме. До дня нашей свадьбы, которой не суждено случиться, оставалось пять дней.

Я несколько раз разговаривала с маман, и она казалась мне на удивление спокойной. Сказала, что прилетит, даже если все свадьбы отменят, чтобы увидеть меня.

Отец вышел на работу. Ника устроила всё так, что работодатель позвонил ему якобы по объявлению, которое нашёл в интернете. Я очень надеялась, что работа вытащит его из кризиса, и он поедет со мной встречать маман.

В тот день с утра шёл дождь, я проснулась поздно, выпавшейся и полной сил. И тут вдруг поняла, что должна увидеть Таркана. Звонить не хотела, решила поехать. Пока завтракала, снова вышло солнце, и улицы просохли. Я заказала такси и остановила его у шашлычной «Белые ночи», где когда-то ела хинкали после встречи с Тарканом. Морской переулок круто шёл вверх к дому Таркана. При виде знакомых мест, сердце у меня билось так сильно, что я несколько раз останавливалась. Я не готовила никаких слов, не знала, что буду делать. Я просто приду посмотреть ему в глаза и тогда пойму, что делать дальше.

У дома силы меня окончательно оставили. Я помнила этаж и номер квартиры, но не могла заставить себя подняться, поэтому опустилась на скамейку на детской площадке, откуда был виден подъезд. Думала: посижу и попробую подняться. Время шло, а я продолжала сидеть, греясь на тёплом осеннем солнышке и наблюдая за малышами, резвящимися на горке. Вдруг я увидела, как дверь подъезда открылась: появилась белая коляска и мужчина, в котором, несмотря на расстояние, я узнала Таркана. Закрыв дверь, он остановился и отчаянно затряс коляску. До меня донёсся рёв. Я приросла к скамейке. Таркан, между тем, приближался к детской площадке.

В этот момент мне захотелось провалиться сквозь землю или хотя бы прикрыться газетой, чтобы он меня сразу не узнал. Вот я досиделась. Меньше всего представляла нашу встречу на детской площадке в окружении детей и родителей в придачу с кричащей Амелией. Я опустила голову и уткнулась руками в колени, жалея, что не взяла шляпы или кепки. Может, мне удастся тихо отсидеться и он меня не заметит? Вопрос: зачем я тогда приехала? Похоже, мой мозг отказывался логично думать. Таркан подошёл к площадке, достал Амелию из коляски и начал укачивать на руках, глядя в её сморщенное личико. Она продолжала орать, а я не могла оторвать от него взгляд. Наверно, я ошибалась, но роль отца ему очень шла. На лице беспокойство и нежность, белые пелёнки в мускулистых сильных руках. Увлечённый своим делом, меня он не заметил, а я неожиданно для себя встала и подошла к нему.

– Может, тебе помочь?

Рот у него приоткрылся, а на лице появилась такая радость, словно я была слетевшим с неба ангелом.

– Откуда ты здесь? – спросил он сквозь крик.

– Пришла устраиваться на работу няней, – я взяла из его рук Амелию. Она удивлённо взглянула на меня голубыми глазками и тут же замолчала. Я поправила чепчик, поудобнее уложила её на руках. Малыш в животе зашевелился, а она вдруг одарила меня беззубой улыбкой. – Ну, здравствуй, Амелия, – улыбнулась я.

– Как это у тебя получилось? – Таркан озадаченно смотрел на меня. – Она у меня всё время орёт, я уже собрался сегодня родителям её отвезти. Ночами не сплю, кровать качаю. Кто бы мог подумать, что всё так сложно?

Мы сели на скамейку, прижавшись к друг другу плечами, а когда Амелия уснула, я положила её в коляску и подтянула к себе, покачивая. С детской площадки ушли последняя девочка с мамой, и мы остались одни. Одновременно повернули головы и посмотрели друг другу в глаза, и я поняла, что останусь с ним, чем бы мне это ни грозило. Сейчас я никого не отнимала, а могла реально помочь.

– Так откуда ты здесь? – тихо спросил Таркан.

– Пришла посмотреть на тебя.

– Зачем?

– Хотела увидеть тебя в роли отца.

Он покачал головой.

– Знаешь, когда я принимаю решение, оно кажется мне правильным, а потом я понимаю, что ошибся, а уже поздно что-то менять. Сначала это было с Лялей, теперь вот с её дочерью. И ведь я опять не мог справиться. Это так сложно, все эти смеси, бутылочки, кормления. Да я бы лучше по две смены пахал на стройке. А вот ты её взяла, и она сразу замолчала.

– Ну, мужчина не создан, чтобы сидеть с детьми.

Таркан посмотрел на мой живот.

– Ну а когда твоя очередь?

– Ещё не скоро, в феврале.

– А когда свадьба?

– Свадьбы не будет.

– Как не будет?! Он что, отказался жениться? Это я опять виноват? Ну, прости, белочка, я тогда голову потерял, когда тебя увидел, а ты такое сказала. Я после понял, что ты всё соврала. Ведь соврала, да?

Ком, застрявший в горле, мешал ответить. А тут вдруг ещё и обида накатила, когда он меня ударил. А вдруг он ещё когда-нибудь поднимет на меня руку или на детей?

А Таркан вдруг, как тогда, плюхнулся на колени на траву и прислонился к моему животу. Поднял голову вверх:

– А я вот сейчас спрошу у него, кто отец, и если он снова толкнётся, я даже тебя не буду спрашивать.

Ну что, малыш, твоя очередь. Давай!

Толчок был такой сильный, что у Таркана даже голова шелохнулась. Он посмотрел мне в глаза с радостной улыбкой и, противореча своим словам, спросил:

– Мой?

Я кивнула, чувствуя, как слёзы заливают лицо. Таркан тут же оказался рядом, обнимая и целуя меня.

– Не плачь, белочка. Всё будет хорошо. Тебе нельзя плакать: ты же ведь белочка с бельчонком. – Я засмеялась сквозь слёзы, так смешно он это сказал, а он взял моё лицо в ладони и спросил: – ты ведь больше никуда не уйдёшь? – Я покачала головой. – Мы будем вместе, да? Ты, я и – он нахмурился: – а у тебя там кто, ты уже знаешь? Судя по ударам, футболист какой-то.

– Угадал, мальчик, – радостно засмеялась я, вытирая слёзы и понимая, что это счастье сообщить отцу, что у него будет сын. Пусть даже и поздно.

– Ты моя белочка, – он снова прижал меня к себе, и мы начали целоваться.

Словно почувствовав, что про неё забыли, в коляске закричала Амелия. Таркан испуганно посмотрел на меня:

– Ты про кое-кого забыл, когда перечислял, – сказала я, снимая руку с плеча Таркана и принимаясь качать коляску.

– Неужели ты... Этого не может быть?! Я боюсь поверить.

И тут я вспомнила Лялю, как она приходила ко мне ночью с требованием, чтобы я забрала Амелию. А потом свои тревоги, что я не смогу её полюбить, поскольку она дочь моей врагини. Теперь, глядя на это маленькое розовое личико в слишком большом для неё голубом чепчике с оборками, я понимала, что это абсурд. Передо мной другое существо, не имеющее никакого отношения к нашей вражде. Я посмотрела Таркану в глаза:

– Знаешь, я жила с мыслью, что у меня никогда не будет детей, потом твоё активное начало доказало абсурдность врачей, а чуть позже судьба подарила мне девочку.

Таркан вскочил со скамейки, опустился на колени и начал бить себя в грудь кулаками и громко кричать:

– А-а-а! Я – самый счастливый человек на земле! У меня будет сын! И у меня лучшая женщина на свете! А-а-а!

Так же на коленях он подполз ко мне и начал целовать мои руки. Его лицо было залито слезами, коленки в песке, на лице компот из всех счастливых эмоций, которые только есть.

– Ты выйдешь за меня, белочка? Ну, через шесть месяцев?

Я знала, почему он сказал про шесть месяцев, нужно выдержать приличия и только смогла кивнуть, чувствуя, что мне тоже хочется кататься по земле и кричать от счастья:

– А-а-а! У меня самый лучший мужчина на свете! И ещё мне плевать на все страхи и предупреждения, даже если этот день в моей жизни будет последним.

Эпилог

Конечно, мы поехали встречать маму впятером. Таркан был за рулём, я рядом с ним Амелия пристёгнута в специальном кресле сзади, рядом с моим отцом, который то строил ей какие-то рожицы, то напевал песенки. Я, конечно, волновалась, как маман воспримет появление отца в аэропорту. Отец тоже заметно нервничал, даже сказал, что не спал ночью. Комплекс неполноценности у него прошёл после первой трудовой недели. И к тому же Ника снова помогла всем нам. Как-то вечером, когда я заехала забрать очередные вещи, чтобы поехать к Таркану, она помахала передо мной завещанием.

– Я была у нотариуса, – заявила она. – Ведь я уже старая, хоть и невеста, – она хихикнула. Скоро восемьдесят один. В двух словах рассказываю. После долгих раздумий решила оставить свой дом, – она обвела глазами гостиную – твоему отцу.

– Что? – глаза у меня округлились, даже голос сел.

– А что, разве не каждая хозяйка мечтает оставить свою недвижимость в хороших руках? А кто может ухаживать за садом, лучше, чем Владимир? Уж ни ты ли, Авдотья? И совершенно явно уж ни твоя мама. К тому же он единственный, кто остался на улице, оставив свой дом жене и дочери. Правда, не знаю, что они будут с этим делать?! Но это их дело. Сначала я пыталась его переубедить, чтобы он выставил дом на продажу, но он и слышать не хотел о разделе. Тогда я решила составить завещание в его пользу с двумя условиями, что он вступит в собственность, если будет женат на твоей матери, а если разведётся с ней – ну это на всякий случай! – недвижимость перейдёт к ней. Ну как?

Я хлопала глазами, открыв рот. Новостей за этот месяц было так много, что я уже ничему не удивлялась, только промычала, что это хорошая идея.

– Так что тебе надо послать ему копию этого, – она протянула мне листок. – И пусть больше не считает себя бедным и безработным.

Отговорок действительно не было, отец, правда, когда получил такое послание, отправился за бутылкой. Иначе, говорит, сердце из груди выскакивало. Ну а как иначе, когда такое наследство в руки свалилось? Тем более, он привязан к земле, знает, как ухаживать за цветами и виноградом.

И всё же мы волновались, когда высматривали маман среди выходящих пассажиров в аэропорту. Я держала на руках Амелию, Таркан обнимал меня за талию, а отец нервно топтался на месте, вытягивая шею. И всё же, когда появилась маман – загорелая,

улыбающаяся, в обтягивающих джинсах и белой рубашке с красной помадой на губах, – он стушевался.

– Дуняра, – мама бросилась ко мне, не заметив отца, – ой, какая прелесть, – она взглянула на личико Амелии и тепло обнялась с Тарканом, который взял у меня девочку, чтобы мы поцеловались. Все новости она уже знала по телефону, так что сюрпризом для неё явилась разве что красота Таркана, так внимательно она его осмотрела.

– Мамочка, я так соскучилась, – я опять повисла у неё на шее.

– И я тоже. Ну что, пойдёмте?

– Мам, тут ещё кое-кто есть, – сказала я. Улыбка сбежала с её лица, она повернулась и увидела отца. Несколько мгновений они смотрели друг на друга, а потом обнялись.

– Прости, – прошептал отец.

– Замолчи, – сказала мама, вытирая слёзы.

Счастливые мы сели в машину, Таркан за руль, я на переднее сидение рядом с ним. Все весело переговаривались, даже Амелия что-то гукала. Таркан, рассказывая что-то, посмотрел на меня, и в этот момент я увидела, что прямо на нас летит автобус.

– А вот и всё, – подумала я. – Вот и конец нашему счастью.

И тут, как в замедленной съёмке, я увидела женскую фигуру в чёрном хиджабе, она вытянула руки и придержала, если так можно выразиться, наш автомобиль, так что автобус проскочил мимо.

Таркан вошёл в поворот и остановил машину на обочине. Его трясло от страха.

– Ты видел её? – спросила я.

– Нет, – он повернул ко мне голову: в его глазах стояли слёзы. – Я мог убить нас всех!

– Я видела, – сказала маман. – Женщину в чёрной одежде на дороге. Она спасла нас. Такое иногда случается. – Давайте– ка, пересядем. Таркану нужно отдохнуть. Вовчик, ты же сможешь вести машину? Только не вздумай на меня смотреть! У нас ещё будет время!